

Российско-Армянский университет
Новгородский государственный университет
им. Ярослава Мудрого

URBIS ET ORBIS

МИКРОИСТОРИЯ И СЕМИОТИКА ГОРОДА

2021 | № 1

Главный редактор

Е. Г. Маргарян (Российско-Армянский университет, Ереван, Армения)

Заместители главного редактора

С. С. Аванесов (Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Россия)

Т. С. Сиян (Ереванский государственный университет, Армения)

Редакционная коллегия

Г. В. Горнова (Национальный исследовательский университет ИТМО,
Санкт-Петербург, Россия)

П. Я. Ференьски (Вроцлавский университет, Польша)

А. Цимдиня (Латвийский университет, Рига, Латвия)

И. Н. Духан (Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь)

Редакционный совет

Э. Джгеренаиа (Государственный университет имени Ильи Чавчавадзе,
Тбилиси, Грузия)

В. Л. Круткин (Удмуртский государственный университет, Россия)

Ж. Р. Сладкевич (Гданьский университет, Польша)

С. А. Смирнов (Институт философии и права Сибирского отделения
Российской академии наук, Новосибирск, Россия)

А. И. Щербинин (Национальный исследовательский
Томский государственный университет, Россия)

Соучредители:

МОУ ВО «Российско-Армянский университет»

Адрес соучредителя: 0051, Армения, Ереван,
ул. Овсепя Эмина 123. Телефон: +374 91 93-31-23

ФГБОУ ВО «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого»

Адрес соучредителя: 173003, Россия, Великий Новгород,
ул. Большая Санкт-Петербургская, 41. Телефон: 8 (8162) 627244

Адрес редакции: 0051, Армения, Ереван,
ул. Овсепя Эмина 123, Ауд. 444. Телефон: + 374 55 81-00-93; +374 91 24-54-96.
E-mail: urbiestorbis2021@gmail.com

Адрес журнала в сети Интернет: <https://urbisetorbis.rau.am/>

© Российско-Армянский университет, 2021

© Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, 2021

Все права защищены

**Russian-Armenian University
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University**

URBIS ET ORBIS

MICROHISTORY AND SEMIOTICS OF THE CITY

2021 | N° 1

Editor-in-Chief

Yervand G. Margaryan (Russian-Armenian University, Yerevan, Armenia)

Vice-Editors

Sergey S. Avanesov (Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Russia)

Tigran S. Simyan (Yerevan State University, Armenia)

Editorial Board

Ausma Cimdiņa (University Latvia, Riga, Latvia)

Piotr Jakub Fereński (University of Wrocław, Poland)

Galina V. Gornova (ITMO University, St. Petersburg, Russia)

Igor N. Dukhan (Belarussian State University, Minsk, Belarus)

Editorial Council

Emzar Jgerenaia (Ilia State University, Tbilisi, Georgia)

Viktor L. Krutkin (Udmurt State University, Izhevsk, Russia)

Alexey I. Shcherbinin (National Research Tomsk State University, Russia)

Żanna Śładkiewicz (University of Gdańsk, Poland)

Sergey A. Smirnov (Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of Russian Academy of Science, Novosibirsk, Russia)

Founders:

Russian-Armenian University

Address: 123 Hovsep Emin Street,

Yerevan, Armenia, 0051. Tel.: +374 91 93-31-23

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University

Address: 41 Bolshaya Sankt-Peterburgskaya Street,

Veliky Novgorod, Russia, 173003. Tel.: +7 8162 627244

Editorial address: 123 Hovsep Emin Street, Yerevan, Armenia, 0051, aud. 444

Tel.: + 374 55 81-00-93; +374 91 24-54-96

E-mail: urbistorbis2021@gmail.com

Online address: <https://urbistorbis.rau.am/>

© Russian-Armenian University, 2021. All rights reserved

© Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, 2021. All rights reserved

СОДЕРЖАНИЕ

С. С. Аванесов, Е. Г. Маргарян, Т. С. Симян
Концепция научного журнала «Urbis et Orbis.
Микроистория и семиотика города»7

Город в теории

С. А. Смирнов
Человек в городе и город в человеке,
или Ещё раз о предмете городской антропологии (1)..... 12

Е. Г. Маргарян
Урбанистические проблемы Еревана: мысли о неммыслимом..... 37

Город как культурный докус

О. А. Гриневич
Царскосельский текст в русской поэзии: структура и динамика 77

Е. В. Головнёва, Н. И. Мартишина
Владивосток в видовых открытках из коллекции Б. В. Августовского 91

Э. А. Усовская
Идентичность сообществ города (на примере Минска) 106

Город в кино

Т. С. Симян
Параджановский Киев советской эпохи: «Киевские фрески»..... 119

Д. Н. Ахметзянова
Кинематографическая репрезентация опыта столкновения
с иным в пространстве города 142

Город – модусы жизни

Г. С. Маргарян
Когда дом становится крепостью..... 151

Город между планированием и стихийной застройкой

В. Г. Ружанский
Сионистская архитектура первых двух десятилетий XX века:
от ориентализма к оксидентализму 172

Сведения об авторах..... 189

CONTENTS

<i>Sergey Avanesov, Yervand Margaryan, Tigran Simyan</i> The conception of the journal “Urbis et Orbis. Microhistory and Semiotics of the City”	7
The City in Theory	
<i>Sergey Smirnov</i> A person in a city and a city in a person, or Once again about the subject of urban anthropology (1)	12
<i>Yervand Margaryan</i> Urban problems of Yerevan: thoughts about the unthinkable	37
The City as a cultural locus	
<i>Olga Grinevich</i> Tsarskoye Selo text in Russian Poetry: structure and dynamics	77
<i>Elena Golovneva, Natalia Martishina</i> Vladivostok on view postcards from the collection of B. V. Avgustovsky.....	91
<i>Elina Usovskaya</i> Identity of the city’s communities (the case of Minsk)	106
The City in the Cinema	
<i>Tigran Simyan</i> Kiev of the Soviet-Era from Parajanov’s point of view: “Kiev Frescoes”	119
<i>Dina Akhmetzyanova</i> Cinematographic representation of the experience of facing the other in the city space.....	142
The City – Modes of Life	
<i>Gayane Margaryan</i> When a house becomes a castle	151
The City between Planning and spontaneous Development	
<i>Vladimir Ruzhansky</i> Zionist Architecture of the first two decades of the 20 th century: from Orientalism to Occidentalism	172
Authors	189

КОНЦЕПЦИЯ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА «URBIS ET ORBIS. МИКРОИСТОРИЯ И СЕМИОТИКА ГОРОДА»

Уважаемые коллеги!

Этим выпуском нового журнала «Urbis et Orbis. Микроистория и семиотика города» мы открываем большой международный научный проект, посвящённый гуманитарным аспектам городских исследований (urban studies). Такой проект стал возможен благодаря сотрудничеству Российско-Армянского университета и Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. Журнал должен стать интернациональной научно-исследовательской площадкой для обсуждения актуальных проблем современной урбанистики – прежде всего, в её антропологическом и культурологическом аспектах. Мы считаем необходимым начать с нескольких концептуальных тезисов, призванных обозначить предметное поле нашего журнала и, тем самым, задать основное направление нашей дальнейшей работы.

1. Главным «героем» нашего проекта выступает город: и город в предельно общем и даже абстрактном понимании, и конкретные, определённые города. Ключевыми словами, описывающими исследовательское и дискуссионное поле данного проекта, являются термины «урбанистика», «микроистория» и «семиотика». На пересечении предметных полей и методологических подходов, задаваемых названными терминами, мы стараемся сформировать интегральную исследовательскую среду высокой степени эвристичности.

2. Город может быть рассмотрен в разных аспектах: как совокупность материальных объектов, расположенных на определённой территории; как индустриальный, торговый, коммуникативный и логистический узел; как политическая и экономическая единица в составе территориального устройства государства; как сообщество людей, объединённых одним стилем жизни; как эстетический объект, произведение архитектурного искусства; как исторический документ, источник знания об эволюции человеческой культуры; как продукт определённой цивилизации или экземпляр «культурного типа»; как мифологический конструкт, связанный с идеальным образом прошлого или будущего; как идеологическая (в том числе – сакральная) конструкция, воплощающая принципы определённого мировоззрения; как семиотическая система, представляющая собой упорядоченную совокупность знаков, символов и текстов; наконец, как динамическая репрезентация человеческого способа существования и самопознания. Каждым из этих аспектов задаётся определённая линия развития урбанистического знания.

3. Будучи достаточно изученным с точки зрения экономики, политики, общей (глобальной и национальной) истории, социологии, истории архитектуры, город всё ещё недостаточно исследован в сугубо гуманитарных аспектах: в плане семиотики, визуальной антропологии, индивидуальной психологии, в контексте худо-

жественных практик, сквозь призму биографии и автобиографии горожан. Наш журнал призван стать научно-дискуссионной площадкой для развития пока ещё слабо оформленных гуманитарных дискурсов в урбанистике.

4. Полагая город в качестве сложно устроенного предмета научно-гуманитарного исследования, мы с необходимостью утверждаем, что такое исследование должно быть полидисциплинарным, опирающимся на методологию и опыт различных отраслей познания – философии, истории, культурологии, филологии, социологии, психологии, искусствознания, семиотики и других. Только в таком интегральном эпистемическом поле могут быть получены новые актуальные знания о городе, имеющие важнейшее значение для современного общества.

5. Рассматривая город как текст (сообщение), мы, следуя принципам семиотики, стараемся анализировать его структурные семантические единицы как материальные формы выражения смысла; упорядоченные пространственные отношения между этими единицами мы должны интерпретировать как синтаксические связи, как следование правилу соподчинения элементов общему строению текста; в прагматическом аспекте город должен быть понят нами как текст, гипертекст или палимпсест, заключающий в себе серию дескрипций и прескрипций, оказывающих воздействие на поведение горожан и, в итоге, на их биографию.

6. В свете гуманитарного познания город оказывается неразрывно связанным с коренными особенностями человеческого существования – разумностью, свободой, творчеством, саморазвитием и т. п. Рассматривая город как своеобразное «продолжение» человека, мы не только вписываем очередную главу в историю искусства или художественного творчества, но и формулируем новую – визуально-практическую, пространственно-символическую – философию человека. Выражая себя посредством города, человек творит особое коммуникативное пространство, в котором синхронные межличностные связи дополняются диахронными – «отложенным» влиянием на следующие поколения горожан. Антропология в целом оказывается невозможной без антропологического исследования города; на основе такого теоретического исследования должен сформироваться устойчивый практический тренд на гуманизацию современной городской среды.

7. Важное место в нашем журнале будет уделено не только теме городского пространства, но и проблеме городского времени: формам присутствия исторических памятников в структуре современных городов, практикам коммеморации, опыту сохранения, ревитализации и актуализации культурного наследия – материального и нематериального – в современной городской среде, наконец, методам исследования и конструирования «исторического города» как важнейшего аспекта актуальной урбанистической повестки.

8. В центре нашего внимания также будут вопросы, связанные с педагогической функцией города в самом широком смысле: город будет исследован как воспитатель человека, «постановщик» его поведения, как среда формирования коммуникативных навыков и практических привычек, как обучающая мегасистема, модель и «тренажёр» социальной активности, образовательный ресурс огромного потенциала. В этом смысле будет рассматриваться роль университета в формировании городского пространства, городского образа жизни, городской интеллектуальной,

творческой и визуальной культуры, облика города и его ресурса; иначе говоря, мы постараемся исследовать университет как ключевой урбанистический драйвер.

9. В новом журнале будут также обсуждаться проблемы больших городов – не только на основе подходов известных пионеров урбанистических исследований (Г. Зиммель, М. Вебер, Ф. Л. Райт, Л. Вирт), но и в контексте феноменологии, структурализма, социальной антропологии вплоть до теории синойкизма Э. Сойя. Будут приветствоваться исследования с акцентом на переходы и трансформации в больших городах («постметрополисный переход»), поскольку одна из важнейших современных тенденций состоит в том, что на месте старого мегаполиса с его плотным центром и сонным миром пригородов возникает горизонтальная агломерация или полицентричный, глобализированный, информационный город-регион.

10. Научно-дискуссионная площадка журнала предполагает также описание и анализ смарт-городов, процессов замены в современной урбанистической культуре вертикальной иерархии на горизонтальную сетевую систему, а также стремление выяснить, как функционирует новый город-ризома, как возникают и действуют горизонтальные городские связи, формирующиеся по принципу самоорганизации.

11. Оппозиция «субъективность vs интерсубъективность» в восприятии города должна стать важным инструментом для выявления значимых мест городского пространства, формирующих образ жизни реальных горожан: улицы, площади, сады, парки, здания, места отдыха и развлечения, культовые сооружения, памятники, кафе, книжные развалы, выставки и вернисажи, праздничные локации, транспортные сооружения и сети и т. д.

12. Семиотика города может быть понята и описана как на денотативном, так и на коннотативном уровнях. Денотативный уровень описания предполагает анализ следующих уровней:

- этимология названий городов, полисемия и синонимия топонимов и микротопонимов городского пространства;
- город во фразеологии и идиомах, в пословицах и поговорках, в городском сленге;
- город как концепт, реконструкция которого предполагает построение ассоциативных рядов массового сознания в диахронии и синхронии.

Коннотативный уровень анализа города и городского пространства предполагает три аспекта:

- город как текст (описание разных элементов города, анализ примеров «третьего места», выявление «фраз»-синтагм городского пространства, исследование языков города в их диалогических связях и интегральных эффектах – эстетических, семантических, прагматических, аксиологических и т. д.);
- город в тексте (анализ образа города на основе теории «вторичных моделирующих систем» Ю. Лотмана или коннотативных семиотик: город в художественной литературе, в живописи и графике, в декоративно-прикладном искусстве, в фотографии, в кино, в музыкальных клипах, в мультфильмах, в комиксах, в музыкальных произведениях, а также в сновидениях; исследование реализации содер-

жания идеологии или утопии в урбанистических практиках; изучение психологических болезней, связанных с большими городами и их отображения в искусстве);

- город как текст vs город в тексте (оппозиция, раскрывающая перспективу для междискурсивного и междисциплинарного анализа, выявляющего разные способы восприятия города и городских пространств в разных ракурсах и дискурсах – повседневных, философских, религиозных, художественных, научных).

13. В рамках журнала ожидаются исследования по типологии городов, а также критика теорий в области urban studies, что позволит подойти к типологическому анализу теорий и подходов в городских исследованиях, то есть к уровню метатеории урбанизма.

В журнале будут публиковаться материалы по следующей тематике:

- Городские формы культурной коммуникации. Языки города. Синхронная и диахронная коммуникация в городской среде.

- Город как высказывание, дескрипция, прескрипция, цитата, метафора, текст и палимпсест.

- Город в литературном и документальном тексте.

- Художественный образ города. Город в изобразительном искусстве, кино, фотографии, клипе, рекламе и комиксе.

- Презентация и репрезентация в формах и способах организации городской среды.

- Городская колористика как визуальная семиотика и эстетика.

- Футуристические и утопические модели города, их реализация. Идеальный город в теории и на практике.

- Стили городской архитектуры как стили жизни.

- Исторический город как достояние и проблема современности.

- Город и университет, город-университет. Университет как градообразующее начало и драйвер территории.

- Сакральные пространства города; сакрализация, десакрализация и ресакрализация в городе; секулярные и постсекулярные городские пространства.

- Социальная стратификация и маргинализация в городском сообществе. Городские типы и типажи.

- Городской фольклор.

- Виртуальный город.

- Образ, имидж и бренд города. Эволюция образов города. Город как бренд территории и страны.

- Город и ландшафт. Искусственное и естественное в городском культурном пространстве. Географическая среда как часть городского ландшафта. Городской ландшафт и городской «вид».

- Визуальная семиотика города. Городская архитектура как семиотическая система. Визуальная экология. Код города.

- Структура и структурирование городского пространства. Участие горожан в формировании, специализации и трансформации городских пространств.

-
- «Воображаемое» города.
 - Город в личной биографии. Ментальные карты городов.

Приглашаем к сотрудничеству всех, кто заинтересован в развитии гуманитарно-урбанистических знаний и тем самым в практическом приближении городской формы жизни к фундаментальным человеческим ценностям!

С. С. Аванесов (Великий Новгород), Е. Г. Маргарян (Ереван), Т. С. Симян (Ереван)

ГОРОД В ТЕОРИИ

DOI: <https://doi.org/10.34680/urbis-2021-1-12-36>

ЧЕЛОВЕК В ГОРОДЕ И ГОРОД В ЧЕЛОВЕКЕ, ИЛИ ЕЩЁ РАЗ О ПРЕДМЕТЕ ГОРОДСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ (1)

С. А. Смирнов

Институт философии и права Сибирского отделения
Российской академии наук, Новосибирск, Россия
smirnoff1955@yandex.ru

**Статья подготовлена в рамках проекта «Образовательное пространство
и антропопрактики в античном и современном городе»
при поддержке Российского научного фонда, проект № 18-78-10001**

В работе обсуждается предмет и метод городской антропологии. Автор полагает, что городская антропология по своему предмету не сводится ни к прикладной социологии города, ни к микроурбанизму. В статье делается попытка выделить особую фигуру городского исследователя, который осмысляет город в категориях *ad hominem*, а человека понимает в категориях города как места обретения им своего собственного смысла и места обитания. Вводится различие между городским классическим исследователем-наблюдателем, городским зевакой, фланёром и горожанином-гражданином. Автор полагает, что города, как и пространства в целом, не бывают нейтральными. Город всегда обитаем. По поводу пространства обитания всегда составляются определённые представления людей, осмысляющих это пространство обитания. В этом смысле городов столько, сколько образов города и способов обитания в нём. В свою очередь образ города зависит от того, кто и как этот образ представляет в своём сознании. А создание самих образов зависит от маршрутов-путей, которые прокладывают себе обитатели городских пространств, жители города. В работе вводится представление о методе, используемом в городской антропологии и гуманитарной географии, – теория и практика составления картоидов и ментальных карт. В работе описано отличие картоида от ментальных карт. Предлагается методологический конструкт картоида, в основание которого вводятся такие опоры-реперы, как путь, граница, ориентир, место, горизонт, маршрут. На основании методологического конструкта картоида проводится анализ пилотного обследования представителей современного города и их «картоиды» (на примере Новосибирского Академгородка), то есть их карты-маршруты в собственном обжитом городском пространстве.

Для цитирования:

Смирнов С. А. Человек в городе и город в человеке, или Ещё раз о предмете городской антропологии (1) // *Urbis et Orbis. Микроистория и семиотика города*. 2021. № 1. С. 12–36.

DOI: <https://doi.org/10.34680/urbis-2021-1-12-36>

For citation:

Smirnov S. A. A person in a city and a city in a person, or Once again about the subject of urban anthropology (1). *Urbis et Orbis. Microhistory and Semiotics of the City*. 2021. 1. P. 12–36.

DOI: <https://doi.org/10.34680/urbis-2021-1-12-36>

Ключевые слова: город, урбанистика, городские исследования, городская антропология, антропология города, ментальная карта, образ города, картоид.

A PERSON IN A CITY AND A CITY IN A PERSON, OR ONCE AGAIN ABOUT THE SUBJECT OF URBAN ANTHROPOLOGY (1)

Sergey Smirnov

Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch
of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia
smirnoff1955@yandex.ru

The article discusses the subject and method of urban anthropology. The author believes that the subject of urban anthropology is not reduced to either the applied sociology of the city, or to micro-urbanism. The article makes an attempt to highlight a special figure of the urban researcher who comprehends the city in ad hominem categories, and understands a person in the categories of the city as a place for him to acquire his own meaning and environment. A distinction is made between the urban classic explorer-observer, the urban onlooker, the flaneur, and the townsman-citizen. The author states that cities, like spaces in general, are never neutral. The city is always inhabited. Regarding the living space, there are always certain ideas of people who live there and comprehend it as their environment. In this sense, there are as many cities as there are images of a city and ways of living in it. The image of the city depends on the way it is represented in a human's mind. And the creation of the images themselves depends on the routes-paths that the inhabitants of urban spaces, the city inhabitants, are making. The paper introduces an idea of the method used in urban anthropology and humanitarian geography - the theory and practice of drawing cartoids and mental maps. The paper describes the difference between a cartoid and a mental map. A methodological construct of a cartoid is proposed, on which basis such support-benchmarks as path, border, landmark, place, horizon, route, are introduced. Based on the methodological construct of the cartoid, the article provides the analysis of a pilot survey of a modern city representatives and their "cartoids" (on the example of the Novosibirsk Academgorodok), that are maps-routes in their habitable urban space.

Keywords: city, urban studies, urban anthropology, city anthropology, mental map, city image, cartoids.

Введение

Среди культурных антропологов до сих пор бытует такое мнение, согласно которому городская антропология является неким прикладным приложением к антропологии и этнологии. Исторически это так и было. Антропологи в качестве материала стали брать не результаты включённых наблюдений во время полевых исследований архаических культур и народов, а результаты наблюдений за обитателями городских джунглей.

Но очень скоро выяснилось, что всё не так. Городская антропология – вовсе не приложение к культурной антропологии. И ей ещё придётся выстраивать и свой предмет, и разрабатывать свои методы, оттачивать свой инструментарий, и глав-

ное – понимать, кто есть тот, который занимается городской антропологией? Какова его идентичность?

Вопрос важен именно тем, что городская антропология призвана найти способы преодоления многолетнего разрыва, образовавшегося между урбанистикой, в которой долгое время не было такой единицы понимания, как живой, живущий в городе человек (он долгое время понимался как городская функция), и антропологией, которая никак не могла найти место своему человеку, он у неё был каким-то онтологическим бомжем, обитающим непонятно где, непонятно, в каком месте. И вот, кажется, становится понятным, что городская антропология могла бы поспособствовать поиску способов преодоления этого разрыва и нахождению ответа на ключевой вопрос как для урбанистики, так и для антропологии – что есть место человека в мире и как он его обустраивает? И что есть желаемая связка Города и Человека: что означает обретение человеком своего Города и нахождение Городом своего Человека?

Идентификация субъекта

У известных гуманитарных географов и специалистов по urban studies Э. Амина и Н. Трифта есть хорошее определение для поиска своей позиции тем, кто хочет не только понять феномен современного Города, но прочувствовать его изнутри, пропустив через себя: «внятность повседневного города». Эти авторы правы. Нам не хватает именно внятности, ясности, адекватности понимания того, что есть Город, причём не с точки зрения объектного, холодного описательного подхода, а с точки зрения его внутренней повседневной пористости и понимания в нём места человека¹.

Данная работа будет посвящена двум основным проблемным точкам, выявляемым в предмете городской антропологии. Первая – кто такой городской исследователь? Какой должна быть позиция того, кто хочет Город понять, кто хочет в него вникнуть, пропустить через себя, ища и выстраивая при этом в нём своё место. Какова его собственная идентичность? Вторая – каким способом он читает город, представляет его? Какие у него для этого есть (должны быть) методы и инструменты? Собственно, в этом нам и видится предмет городской антропологии: не сам по себе город, и не сам по себе человек, а *поиск человеком своего места в городе*, обретение им этого места и, соответственно, те городские практики, благодаря которым это место обретается.

Тем самым, так понимаемая городская антропология имеет шанс преодолеть крайности и тупики, с одной стороны, абстрактного урбанизма холодных архитектурных форм, при котором город превращается в некое пространственное вместилище существ под названием «люди» (впрочем, не только), и, с другой сторо-

¹ «Внятность повседневного города» – таков был перевод части их работы, опубликованной ранее в журнале «Логос» [Амин, Трифт 2002]. В книге, вышедшей уже после, совсем недавно, эта часть была переведена по-другому: «читаемость повседневного города» [Амин, Трифт 2017]. Этот другой смысл вместе с первым задают нам хорошую переключку для определения позиции. Мы должны научиться читать Город, и наши слова о Городе должны быть внятными.

ны, тупики абстрактного гуманизма и антропологизма, при котором человек обсуждается как сущее вообще с некоей сущностью, вне места и времени обитания. А кто такой тот, кто мыкается, не имея угла, не находя своего обетованного места? Это онтологический бомж, долгое время выступавший постоянным фигурантом в философской антропологии – как некое сущее, алкающее своего бытия и никак его не находящее [Смирнов 2019 а].

Итак, важно понять – кто он, городской исследователь, занимающийся городской антропологией? Этнограф, социолог, антрополог, архитектор, культуролог, урбанист? Или ни то, ни другое, ни третье? Или это вообще не персона, не профессия, не научная область, а точка зрения, позиция, оптика видения особого рода? Те же антропологи бывают разные. Понятно, что речь идёт не о поиске определений города или построении концепции города, а о выстраивании соответствующей позиции, о *поиске точки отсчёта* [см.: Запорожец, Лавринец 2006, 7]². Тогда в чём заключается особенность оптики городского антрополога, его точки отсчёта? В поиске ответа на этот вопрос имеет смысл расширить репертуар исследовательских практик и позиций и попытаться увидеть городских исследователей не только среди учёных, классических исследователей, но и среди таких персонажей, как городской зевака, фланёр, пешеход, горожанин, приезжий турист.

Забегая вперёд, заметим, что наработанные в социологии, этнографии города и урбанистике инструменты описания и вживания в город (как вживался, например, Н. Миклухо-Маклай в жизнь папуасов, или как вживалась в повседневность Сан-Хосе Сета М. Лоу, или как вникала в суету и хлопоты повседневности Одессы Т. Ричардсон) показали свою исчерпанность именно потому, что при таком подходе к Городу не нащупывается его человекосоразмерность, то есть понимание того, что́ есть город для человека, в человеке, и что́ есть человек для города и в городе³. Даже если этнограф и антрополог, будучи изначально туристом (как канадский антрополог Т. Ричардсон была изначально туристом для Одессы), выйдет в город из туристического автобуса или сойдёт на берег с океанского лайнера, начнёт жить в этом городе, он, наблюдатель-антрополог, будет выступать для города и его жителей всё равно наблюдателем. Пусть даже вдумчивым, тонким, грамотным, осторожным, заботливым, любящим свой объект наблюдения, но всё равно наблюдателем. Поэтому для того, чтобы начать понимать Город изнутри, необходимо для начала перестать пялиться на город и его жителей, рассматривать их в свою исследовательскую лупу, проводя многочисленные интервью, замеры, опро-

² Ср.: ориентироваться надо не на формальное определение города (коих множество), а на многообразие образов жизни людей [Гуаярт 2016, 9]. А это означает необходимость поиска соразмерности города и человека [см. также: Смирнов 2019 б].

³ В предыдущих работах мы ввели три меры города: Храм как священное место, начало города, Голос гражданина-горожанина (право голосовать, практики участия в городском управлении) и Пешеход с его телом, вводящий физический принцип-меру доступности города для горожанина [Смирнов 2019 б]. Если эти меры не соблюдаются, то города как культурной формы быть не может. Вместо него мы имеем некие поселения, места проживания или просто места, в которых когда-то жили и работали люди, но потом ушли. Городские развалины и катакомбы, бывшие заводы, спальные районы, *countryside* или разного рода субурбии не могут быть городом по определению. Это либо следы умершего города, либо пространственные места для воспроизводства живой силы.

сы, перестать быть наблюдателем, а становиться горожанином, местным, живущим здесь, дышащим вместе с ним одним воздухом, переживающим с ним все заботы и тяготы, разделяющим все горечи и радости, но не оставляющим при этом своего пристального, внимательного взгляда для осмысления вопроса – что есть я в этом городе? Поскольку житель, выросший внутри естественной среды города, его же и не видит. Ему необходимо рефлексивно отстраивать своё пребывание в городе, для чего необходимо выйти в проектно-исследовательскую позицию. А зачем жителю, городскому обывателю, студенту или пенсионеру, выходить в рефлексивную позицию относительно своего пространства обитания? Вообще-то незачем. Вот он и живёт просто, как правило не думая, кто он в городе и что для него город в нём.

Многие специалисты по urban studies в этой связи признают дефицит инструментария исследований, допуская, что либо при их привычной уже оптике реальный город исчезает, и исследователи имеют дело с воображаемым городом или городом мечты, либо Город превращается в разновидность этнографического объекта типа джунглей или тропиков, только если раньше исследователи ехали в Африку или Полинезию, дабы понаблюдать за жизнью туземцев, то теперь они ринулись описывать городские окраины и трущобы и жизнь в них тамошних аборигенов. Чикаго или Лондон первой трети прошлого века были такими идеальными местами для наблюдения⁴.

Почувствовав прелесть и экзотику такого занятия, наблюдатели ринулись в гущу событий – стали жить в городских трущобах, жениться на местных девушках, пытались становиться своими в местных бандах, укореняясь, годами вживаясь в быт и нравы местных племён, ведя параллельно дневники наблюдений, собирая материал для своих будущих книг, как бы изнутри становясь своими среди городских туземцев и аборигенов⁵.

Перемещение исследовательского ока с Леса и Поля на Город (понимаемый как такое же Поле и Лес) было удачной, но временной находкой. Поддавшись соблазну, исследователи, многие годы ведущие дневники включённого наблюдения на городских площадях⁶, в городских трущобах и нахаловках, среди безработных и

⁴ И потому город выступает своеобразной «социальной лабораторией» для социолога города [Парк 2002; Ефременко 2015].

⁵ Как это сделал, например, социолог У. Ф. Уайт, который с целью полного погружения в итальянские трущобы американского Бостона женился на местной девушке, прожил среди городских аборигенов четыре года и параллельно писал книгу «Общество на углу улицы», ставшую позже бестселлером.

⁶ Сета М. Лоу провела 25 лет на площадях Сан-Хосе, ведя дневники повседневной площадной городской жизни, наблюдая за проститутками, водителями такси и бомжами. Её книга «Пласа. Политика общественного пространства и культуры» была издана на русском в 2016 г. [Лоу 2016]. Замечательно то, что её Пласа (площадь), на которой она годами вела наблюдения, брала интервью, сама становится культурным героем, чуть ли не литературным персонажем, каким в своё время были Эйфелева башня, памятник Петру I в Питере («бронзовый истукан»), то есть не просто местом или общественным пространством, а необходимым и незаменимым собеседником для горожанина, получающего только там, на Пласе, эффект и событие своего участия в городской жизни. Без Площади целое Города всегда будет неполным, как и без таких культурных форм, как Храм, Университет, Театр, Музей (см.: Смирнов 2019 в).

мигрантов, в городских гетто и блошиных рынках, подменили Город экзотикой его изнанки, подворотнями непраздничного, подвального города с его миазмами городских клоак. Но при таком наблюдении сам наблюдатель не становился жителем, видящим и чувствующим город изнутри. А главное, почему это вдруг маргинальный и подпольный город, ранее не существовавший в поле наблюдения, вдруг заменил собой другой Город – город площадей и проспектов, дворцов, садов, парков и скверов, подменив их своими трущобами и подвалами? От такого карнавального профанирования феномен города не станет внятнее и яснее, а человек, побывавший в подполье, рано или поздно захочет выбраться на свет Божий и вдохнуть полной грудью свежего воздуха.

До поры до времени такая городская социология и этнография была экзотична, интересна, поставляла материал для любопытствующих собирателей разных городских коллекций и описаний локальных городских сообществ. Кто-то собирает редких бабочек и накалывает их на иглу в своей богатой коллекции, а кто-то собирает разные урбанистические вкусы, пикантные, редкие факты городской, как правило, маргинальной, подпольной и криминальной жизни⁷. В этом всеобщем увлечении панобъективизмом, всеобщим тотальным наблюдательством и коллекционированием теряется важная грань: где же начинается Город, будучи *suī gene-
tis* священным местом рождения Блага, приобщения человека к сакральному истоку и рождения человека-гражданина, и где он кончается и начинаются трущобы, в которых предаются забвению и Бог, и Человек, и сам Город.

Но в поисках многообразия и реального городского духа (который путается со зловонным воздухом помоек и клоак), желая «уловить жизнь города через анализ переживания и проживания его мест, через выявление и описание мелких и незначимых (в рамках больших теорий) деталей», городские исследователи продолжают собирать свои городские коллекции, называя это занятие «микроурбанизмом» и «микросоциологией» города [Бредникова, Запорожец 2018, 14]. Правда, непонятно, при чём тут город, когда в эту коллекцию входят разные наблюдения за структурами повседневности, за пассажирами общественного транспорта с их авоськами (названными городскими «сумчатыми» животными) [Иванова 2018], за посетителями блошиных рынков, за повседневной жизнью риферов, трейсеров, диггеров, ищущих приключений на свою голову в городских трущобах, на крышах, на заброшенных свалках, в каменоломнях и канализациях [Шевелёв 2018].

⁷ Не будет лишним напомнить, что эту волну этнологии города с её включенным наблюдением и вживанием запустил западный учёный-интеллектуал, англосакс, выступающий фактически наследником и проводником неоколониальной политики, в рамках которой любопытствующий взгляд сытого белого наблюдателя удовлетворяется этим поиском трущобных сокровищ, по ходу дела наблюдая за голодными, бедными, мигрантами, безработными, проститутками, бомжами и разного рода городскими бандами. Затем этот наблюдатель возвращается к себе домой. Там он публикует свои книги со своими дневниками, получает за них гонорары, премии, становясь известным, затем он снова едет к городским туземцам, снова публикует свои бестселлеры... В этом есть какой-то едва скрываемый цинизм равнодушного, благополучного наблюдателя, почему-то называющего свои наблюдения или даже временное вживание «культурой участия». На деле это не прикрытый ничем цинизм равнодушного испытателя-коллекционера, накалывающего на иглу очередную найденную в городских трущобах находку.

Авторы описаний таких поисков полагают, что они тем самым схватывают моменты включённости и участия в городскую повседневность этих самых наблюдателей-поисковиков, зыркающих за находками подвальной жизни смрадного, подпольного города. Они полагают, что тем самым они действительно возвращают городу человека в его многообразии повседневности, только почему-то в странном обличье и в ситуациях потери человеком себя в этой городской клоаке, на этих окраинах и в этих подворотнях. Авторы микроурбанизма полагают тем самым оживить город, вернуть ему живой образ через «обновление языка говорения о городе» [Бредникова, Запорожец 2018, 19], справедливо, впрочем, полагая, что городские исследователи испытывают дефицит аналитических средств и языка создания картинок городской жизни, считая, что этнография города стала скучной и недостаточной, отчуждённой и дистанцированной от города, видящей город на расстоянии, а потому они желают приблизить его к себе, показать его живость и вариативность. И микроурбанисты ринулись на помойки, на свалки, в нахаловки, во всю ту повседневность, в которой живёт нынешний простой житель-обыватель, сам не понимающий и не видящий ни Города в целом, ни себя в Городе. Для этого простого жителя Город вообще-то не существует, а существуют тоска, скука и хлопоты повседневного выживания, в котором нет никакого просвета⁸. И почему всю эту повседневность микроурбанисты и городские этнографы называют Городом, в то время как вся эта микросоциология повседневности уже была известна ещё в школе «Анналов», только на материале средневековых городов?

Дело в том, что за этими поисками стоит привычное методологическое допущение. Например, исследователи считают возможным и даже необходимым положить в основу городского исследования потерянную как принцип, как метод исследования. Чтобы в городе что-то найти, надо в нём потеряться, а блуждающий фланёр и глазающий зевака как раз подходят для такого метода. Но дальше «потерявшемуся человеку приходится заново осваивать городское пространство, прокладывая новые маршруты и, что примечательно, заново строить свои отношения с данным городом – как со своим или как с чужим городом, приручая его или наоборот, отдаляясь» [Запорожец, Лавринцев 2006, 12]. Потерянность выступа-

⁸ Исследователям даже нравится называть свои исследовательские городские практики «практиками микробного уровня» (со ссылкой на Де Серто). Но если в жанре метафоры такой подход и может быть понят и даже принят, то в целом отождествление себя и своих собеседников с микробами, которые копошатся и строят свою микробную городскую жизнь, кажется излишней и циничной. Хотя именно таким способом представители социологического микроурбанизма полагают, что они тем самым возвращают человека в город, вводя таких персонажей, как городской зевака, обитатели городских окраин, посетители блошиных рынков, обитатели нахаловок, полагая, что вернули и сам Город как живой персонаж. Полагаю, что такое допущение излишне радикально. Интерес к таким персонажам означает всего-навсего открытие ранее заповедных и закрытых для исследовательского глаза зон человеческого обитания, в которых как раз человек ущемлен, унижен, погребён в структурах унижающих его повседневных забот и тягот. А Света белого он там не видит и мечтает обрести Царство Небесное в Граде Божиим, поскольку в Граде Земном счастья и благодати нет и быть не может. Ведь оттого, что я буду собирать в своей коллекции все эти находки из жизни нахаловок, подворотен, закоулков и кривых заборов, ведя по их поводу свои дневники, Город ещё не появится. Если человек унижен, то Город появиться не может.

ет, однако, негативом, изнанкой иного принципа действия – навигации и ориентации в пространстве обитания. В таком случае имеет смысл говорить не о потерянности как принципе, а о навигации как методе включённого событийного исследования человека в городе и города в человеке. Ведь потерянный и потерявшийся человек не может быть в принципе исследователем. Заблудшее существо потому и потеряно, что лишилось ориентиров и опор⁹. О каком исследовании можно говорить в ситуации потерянности, дезориентации? Ведь в таком случае взгляд человека замутнён, растерян, не будучи нацелен на объект, он не имеет ориентиров, сам человек себя потерял, потерял своё место¹⁰. Исследование начинается с преодоления растерянности и потерянности, с установки собственной оптики, своего взгляда, места, позиции. Но сторонники принципа потерянности говорят о сознательности введения этого принципа, отказе от осознанности в пользу выбора сознательной растерянности, поскольку растерявшийся отказывается от гида, путеводителя, проторенной дорожки. Городской исследователь сознательно помещает себя в ситуацию потерянности, то есть погружает себя в гущу событий, в незнакомые ему городские джунгли. Такой растерявшийся, потерянный путник будет блуждать, глазеть, становиться случайным свидетелем городских событий, бродить по улицам, пересекая наезженные маршруты и попадая в неизведанные тупцы.

Мы опять приходим к фигуре зеваки или фланёра, не имеющих сознательных ориентиров в своём продвижении, но фактически не осуществляющих навигацию в городе (то есть поиск и нахождение своего места через проторивание пути по незнакомой земле), а совершающих блуждающее действие, как корабль без руля и ветрил блуждает по мировому океану, авось напорется на случайный встречный другой корабль. Чрезмерная увлечённость принципом потерянности загоняет его авторов в тупик праздной жизни сытой и скупающей богемы, праздных зевак, никуда не спешащих, ни за что не отвечающих и ничего уже не желающих, пресыщенных впечатлениями и желающих только одного – ещё новых острых впечатлений, неважно, каких. Принцип потерянности исследователя в городе, принимаемый вначале для провокации и оживления взгляда, обострения и повышения чувствительности к городу, когда он становится постоянным принципом, полагаю, излишне преувеличен в своей роли. Потерянность, наоборот, притупляет чувствительность к городу, дезориентирует человека, провоцирует его на уход в андеграунд, подвальные маршруты и подзаборные ассоциации, поскольку сама ситуация

⁹ Как однажды библейский Человек потерял рай, а затем мыкается по жизни и никак не обретёт его вновь. А рай всегда бывает только потерянным. Где вы видели человека, обретшего потерянный рай? Его он заменяет разного рода суррогатами земной, суетной жизни, думая, что он вновь счастлив.

¹⁰ Кто не терялся в детстве, заблудившись, попав в незнакомый город или чужой район своего города? Многие в детстве попадали в чужой город-лес. Основное ощущение – растерянности и потерянности, отсутствия каких бы то ни было опор и ориентиров. И нужен проводник, абориген или милиционер, который бы тебя смог по твоим намёкам и наводкам вывести обратно к знакомой тебе местности, в твой район, твой город, твой дом. Но тут тебя ждут мама или папа с ремнём и криком, почему не слушаешься. А потом сразу же – радость находки и задабривание вкусностями, ласки и смех.

потерянности требует того, чтобы растерянный и потерянный чем-то и как-то закрывался, искал опоры, и он, разумеется, их находит в виде культурных суррогатов-заменителей города – в виде подворотен, подвалов, трущоб, пустырей.

Впрочем, те же авторы признаются, что при увлечении принципом потерянности можно потерять и сам город, и самого себя [Запорожец, Лавринiec 2006]. Да, конечно. Мы получаем вариант ещё одной фигуры для кандидата на роль городского исследователя – городского сумасшедшего, собирающего всякий информационно-событийный мусор в корзину впечатлений для якобы исследования, авось стодится. Такой же принцип фактически работает уже давно в социальных сетях, в которых местные информационные лидеры кормятся всякого рода информационным хламом, готовые обсуждать и распространять любую чушь и дезинформацию, любые фантазии, лишь бы словить лайки и хайп и прослыть крутым. Но их активность и якобы включённость в событие длится ровно один день, даже меньше, до следующего повода. Затем он хватается за новую клубничку, и так до следующего раза. Серьёзные темы они не держат, долго и глубоко обсуждать их не могут. Во-первых, просто не тянут, будучи некомпетентными, во-вторых, у них нет такой задачи. Они живут другим, будучи информационными наркоманами¹¹. Им нужна доза.

Остаются тем самым живыми и актуальными две проблемы. Первое – это проблема поиска и формирования фигуры городского исследователя: кто он – беспристрастный и холодный наблюдатель, летописец, или зевака, фланёр и ротозей, или руфер и диггер, испытывающий себя для хайпа? Или это этнограф, переселившийся в городские джунгли и годами ведущий наблюдения за повседневностью того города, который за забором, который не видим на проспектах, площадях, из окна туристического автобуса? Или это городской аналитик-управленец, пытающийся видеть целое и переустроить, обустроить городское пространство так, чтобы становилась удобной среда обитания для всех жителей большого города? И второе – это проблема поиска и выделки метода и инструмента для этого городского исследователя. Что он берёт в свои руки: составляет дневник наблюдений? Рисует ментальные карты? Составляет личные травелоги, дневники путешествий? Рисует странные картоиды маршрутов по неизведанным городским территориям? Понятно и очевидно, что в разных руках, у разных городских исследователей будут разные инструменты. Имеет смысл тогда представить и описать эту зону поиска – что это за персонажи и что это за инструменты?

¹¹ Например, когда автор этих строк, активно включившись в тему разработки концепта «Академгородок 2.0», вбросил в интернет один свой текст, в котором критически разбирал черновой концепт, представленный СО РАН и Минобрнауки, интернетная публика зашумела, потому что в своём тексте я позволил себе весьма серьёзную критику концепта. А тема Академгородка для Новосибирска всегда актуальна, поскольку относится к одному из способов самоидентификации города. А вот когда я предложил в интернете ещё ряд тем для обсуждения в сетях (тема о развитии сферы Образования для Академгородка, тема Университета новой модели), то здесь все записные блогеры и сдулись. У них не было ни компетенции, ни желания обсуждать эти темы. В ответ я получил тишину. Так и городской зевака. Он живёт сиюминутным событием, точнее, впечатлением от него. Оно быстро проходит и заменяется другим.

Городские исследователи: турист, фланёр, зевака, пешеход, горожанин...

Мы уже поместили своё отношение к тому, что предлагают представители современных работ по *urban studies*, увлечённые поиском новых мест и образов, новых впечатлений для того, чтобы уловить дух живого города, а потому устремившихся на городские «заброшки» (заброшенные пространства), подвороты и трущобы. Они полагают, что городу необходимо вернуть человека, что холодный урбанизм фактически долгое время не имел живого дыхания города, вообще не имел дела с живым городом. Они, конечно, правы. Долгое время урбанистика, будучи сильно перенаселена архитекторами, гоняющимися за чистыми формами и стилями, никак не могла населить свои архитектурные формы живыми людьми, причём самыми разными. Ведь люди живут не в архитектурных формах. Правы они и в том, что «антропологический подход вовсе себя ещё не исчерпал» [Бредникова, Запорожец 2018, 28]. Скажу больше, городская антропология, стремящаяся предметно выстроить связку города и человека, ещё только становится и обретает свой метод и предмет. Но стремясь вернуть городу человека, новые урбанисты стали искать не столько связку города и человека, сколько новых впечатлений. В этом стремлении урбанисты начали выискивать и новых городских персонажей, которые, как они полагают, одновременно дают городу взгляд изнутри, а также вводят и новые фигуры городских исследователей. И потому героями книг по проблематике города и городской повседневности становятся разные городские персонажи – фланёры, дрейфующие зевачи, руферы, диггеры, «сталкеры», «городские разведчики», посетители блошиных рынков, туристы-любители «заброшек», «своими действиями создающие город», чей взгляд очень важен для понимания живого города [Бредникова, Запорожец 2018, 29; Шевелёв 2018; Абрамов 2018]¹².

¹² Не будем повторять весьма тонкие заметки, различающие стратегии поведения таких персонажей для городских исследований, как турист, зевака, фланёр [Запорожец, Лавринцев 2006]. Во многом, кстати, наши отечественные авторы идут вслед за их зарубежными коллегами, давно уже открывшими фланёра и зевачку [Амин, Трифт 2017; Серто 2008], отталкиваясь в свою очередь от поисков В. Бенямина, который вовсе не пытался объяснить природу ни города как культурного феномена, ни горожанина. Он был просто эстетом и коллекционером, пишущим о коллекционерах и собирателях и любящим подмечать то, что не входило в мейнстрим европейской культуры. Описывая пассажи Парижа и его улицы, он подмечал то, что не привыкли описывать академики-культурологи, записные искусствоведы и гиды европейских выставок [Беньямин 2019, 122 и др.]. Заметим также, что фигуры пешехода и фланёра как его разновидности родились в спокойном, классическом европейском городе (том же Париже) с его пешеходными улицами, тротуарами, кафе, многочисленными узкими улочками и местами для неспешных разговоров, случайных встреч знакомых горожан. Фигура пешехода была рождена в городе, в котором ещё не было магистралей, в котором почти не было машин, в городе XIX века. В XX веке с развитием мегаполисов фигура пешехода постепенно исчезает, потому что исчезает пространство мест для необязательных праздных разговоров и обсуждения городских сплетен, для вышагивания, для выписывания своего города ногами, со своим почерком и своей риторикой ходьбы. Удивительное дело, но в американских городках с их *countryside*, вдали от центров и хайвеев люди всё равно не ходят пешком, равно как в американских городах исчезает и общественное пространство, в отличие от латиноамериканских городов, что подметила Сета М. Лоу [Лоу 2016,

Пафос поиска новой идентичности городского исследователя нам вполне понятен и даже приветствуется. Но почему искать его надо обязательно на блошинных рынках, на пустырях, в подвалах и канализациях? Действия многих этих городских персонажей вовсе даже не безобидны и вовсе не показывают пример участия в городской жизни, пример солидарной ответственности в решении сложных городских проблем, но даже граничат с элементарным хулиганством, когда, например, «городские разведчики» проникают на плохо охраняемые объекты, пользуясь безалаберностью охранников¹³.

Есть и другое предложение. В поисках человеческого измерения города исследователи предлагают фигуру зеваки. Фланёр, ранее бывший популярной и даже ключевой фигурой в период развития антропологически ориентированных городских исследований, становится уже не такой фигурой, поскольку сама фигура пешехода становится уходящей натурой в больших современных городах, хотя этому тренду противостоит новый урбанизм с его призывами вернуться к микрорайонам и пешеходной доступности.

Неспешность, праздность, пешеходная доступность, признаваемые в классическом городе и потому породившие феномен городских прохожих, зевак и фланёров, теперь перестают быть ключевыми признаками городской жизни, становящейся мобильной, дисперсной, многоликой, быстро меняющейся. Незаинтересованность, праздность и одновременно готовность попасть в разные городские приключения перестают быть монополией фланёра. Исследователи полагают, что можно рассмотреть и другой персонаж на роль исследователя города – зеваку.

57–58]. Люди там ездят на авто. Даже в малых городках. Впрочем, новый урбанизм пытается вернуть городу его пешехода. Иногда это удаётся. Ведь если человек перестаёт ходить пешком по городу, а тем самым перестаёт быть пешеходом, то он перестаёт рисовать-вышагивать свой город, он его просто не сможет рисовать, а значит осваивать. Поскольку свою карту города, свой образ города он рисует сначала телом и ногами, а уже потом рукой на листе бумаги. Ходьба относится к городу также, как речевой акт к языку [Серто 2008, 28]. Свой город человек присваивает себе своими ногами, телом, вышагивая его. Из окна машины он его не видит, проскакивает, становясь в своём городе туристом. Это всё равно что перейти от рукописного текста сразу к клавиатуре. Выводя буквы на бумаге, я имею свой почерк. Вышагивая свой город, я вытаптываю «риторические тропы» своего города. Пересаживаясь в авто, я разучаюсь «писать», то есть создавать образ своего города, как разучается писать ребёнок, которому сразу подсовывают умный гаджет.

¹³ Таких случаев было множество, особенно когда происходил развал СССР и многие объекты, в том числе оборонные заводы, оказались полузаброшенными, законсервированными и т. д. Фактически трагедию страны эти самые с позволения сказать городские туристы использовали для разработки новых маршрутов. Это называется плясками на костях. Тысячи рабочих оказались безработными, завод закрыли, полностью или частично, цеха разрушаются, а эти ребята идут туда за свежими впечатлениями [Абрамов 2018]. Этим горе-сталкерам надо привлекать по статье за хулиганство или вредительство или нарушение правил системы безопасности, а вместо этого у них берут интервью, в которых они, чувствуя себя героями, рассказывают про свои похождения [Шевелёв 2018]. И после этого мне будут говорить, что это рассказы про «живой город»? Это рассказы про умерший или умирающий советский город, который когда-то жил и работал. Весьма циничная стратегия таких городских разведчиков демонстрирует полное отсутствие уважения к памяти их собственных, вполне возможно, родственников, которые раньше трудились на этих брошенных заводах. Грань между памятью и стремлением получить приключение на развалинах мёртвого города здесь нарушена полностью.

Поскольку, как они полагают, тот включен в городскую жизнь, откликается на мелочи и случайные происшествия и детали, а город зеваки – это «место со-присутствия, включённости, физической близости, общения» [Бредникова, Запорожец 2018, 30]. Именно любопытствующие горожане, собирающие город, становятся ключевыми фигурами в городском ландшафте.

Непонятно, почему праздное, незаинтересованное любопытство принято считать за соучастие и со-присутствие? Фигура зеваки в принципе не может присутствовать нигде, у него другие цели – запечатлеть себя на месте происшествия и словить от этого впечатление. Да, это здорово! Этого не хватает проводящим бесчисленные опросы академическим учёным, не включённым в городскую повседневность. Но откуда появятся со-присутствие и соучастие у зеваки? Хотя, конечно, заманчиво вместо учёного поставить в качестве исследователя незаинтересованного зеваку и посмотреть, сравнить точность наблюдений и нетривиальность выводов – у кого получится лучше? Кто лучше видит человека в городе – ученый-урбанист, городской социолог или зевака?

Примеры такой самоидентификации, кстати сказать, уже были. Писатель Ю. Олеша вспоминал про писателя Илью Ильфа: «Увидеть и оценить. Это было его пафосом. Восхититься, удивиться, рассказать. <...> Ильф называл себя зевакой. “Вы знаете, я зевака! Я хожу и смотрю”. <...> Похожий на мальчика, вертя в разные стороны головой в кепке с большим козырьком, заглядывая, оборачиваясь, останавливаясь, ходил Ильф по Москве. Он ходил и смотрел» [Ильф 2020].

Другой пример. Известный писатель В. П. Некрасов свои автобиографические воспоминания так и назвал: «Записки зеваки». В них он выразил своё отношение к тому, как толкуется это слово: «ЗЕВАКА (разг., фам., пренебр.) – человек, праздно, с тупым любопытством на всё глазающий, разиня, бездельник (Н. Ушаков. Толковый словарь русского языка). ЗЕВАКА – человек, праздно засматривающийся на что-либо, ротозей (Толковый словарь русского литературного языка. В 17 томах. Изд. АН СССР). Решительно становлюсь на защиту зевак и категорически протестую против тенденциозности и пренебрежительного тона определений Ушакова и составителей 17-томного словаря. Разиня, бездельник и ротозей – это разиня, бездельник и ротозей, а вовсе не зевака. Зевака – это действительно человек, глазающий или засматривающийся на что-либо. Но почему обязательно с тупым любопытством? А если не с тупым? Праздно? Пожалуй. Человеку по каким-либо причинам некуда торопиться, вот он и “глазеет”, “засматривается”. А люди, у которых нет на это времени (так говорят они, а мы добавим “и охоты”), глядя на него, говорят – “делать ему нечего, вот и раззявил рот”. Но так можно сказать и о старом, на первый взгляд свихнувшемся, бездельнике, гонящемся с сачком за бабочками, а он оказывается энтомологом, или о человеке, “тупо” следящим за полётом чаек, а он просто крупнейший специалист по планерам» [Некрасов 2009, 3].

В. П. Некрасов привёл ещё многие доводы, главный из которых таков: зевака видит то, чего не видят другие, занятые делами, работой, куда-то всё время бегущие и спящие прохожие. Они именно прохожие, они проходят, пробегают, проезжают мимо, спяют по делам и заботам, а при этом, возможно, не замечают главного, того, что у них под ногами, у самого носа... Зевака может себе позволить

не спешить, потратить время на паузу в беготне, в результате чего он получает возможность подмечать детали, сюжеты, картины из жизни, события, в общем, всё то, из чего и состоит наша повседневная жизнь.

Мне трудно согласиться с такой излишней смысловой нагрузкой роли обыкновенного городского зеваки, и главное потому, что и ротозей, и зевака, да и фланёр, французский вариант зеваки, не обладают главным: они не включены в городское событие и не отвечают за него, не соучастны ему. Да и не обязаны они быть включёнными. На то они и зеваки. Кстати, И. Ильф потому и считал себя зевакой, что любил фотографию (он был страстным фотографом). Или потому и любил фотографию, что был зевакой. Зевака ходит и фиксирует, зыркает, щёлкает своим фотографическим глазом, а современный зевака ещё и выкладывает в сети свои фотки (смотри, как классно получилось! ставь лайки!), даже если это фотка по поводу умирающего прохожего, лежащего на тротуаре, или пожара на соседней улице. Но он всё равно ходит, смотрит, щёлкает понравившиеся сюжеты, выкладывает их в сеть или собирает в свои альбомы, потом, возможно, они могут кому-то из мемуаристов и исследователей города пригодиться. Но я не об этом. Я о включённости, об ответственности и соучастии. Один зыркает и щёлкает, а другой просто бросается и помогает упавшему человеку. Или бежит и спасает детей из горящего дома.

В этом принципиальный изъян зеваки и фланёра. Они хороши как фиксаторы, как ходячие приборы, фиксирующие треки и блики городской жизни. Они бывают точны и наблюдательны. Они подмечают то, чего не может подметить сторонний наблюдатель или турист. Но их точность случайна и безответственна. Возможно, они увидят, подсмотрят то, чего не увидят, не ухватят никакие учёные изыски, они могут быть хорошими рентгенологами городской повседневности. Но именно их событийная невстроенность, невключённость, а лишь сиюминутное любопытство, необязательная и кратковременная любознательность не позволяют нам видеть в них полноценных новых персонажей для идентификации городских исследователей. Для того чтобы быть адекватным городу исследователем, видящим и встраивающим человека в город и город в человека, надо самому быть включённым в городскую жизнь, самому отвечать за неё.

Ведь та же стратегия зеваки видна и у тех туристов, которые делают селфи на фоне барачков Освенцима по привычному принципу: «Здесь был Вася!». Но тут переступается грань между памятью и любопытством зеваки. Эта девушка оказалась в Освенциме. И для неё нет разницы – то ли она щёлкает себя на фоне барачков Освенцима, то ли на фоне фонтана в Риме, то ли на курорте в Ницце. Она турист. Для туриста нет разницы, что фиксировать и где. Главное – словить впечатление, зафиксировать себя на фоне и оставить надпись: «Здесь был Вася!».

На фоне Пушкина снимается семейство.
Фотограф щёлкает, и птичка вылетает...

На фоне Пушкина. Мы гоняемся за новыми местами и новыми впечатлениями. И щёлкаем, щёлкаем, щёлкаем... Вот здесь я бывал, и здесь, и здесь... Зевака на то

и зевака, что не отвечает ни за что. Он – двуногий, ходячий фотоаппарат, фиксирует и выкладывает, фиксирует и выкладывает... Но поэт прав:

Все наши глупости, и мелкие злодейства
На фоне Пушкина! И птичка вылетает.

В поисках фигуры и персонажа для городского антрополога, видимо, нужно обратить свои взоры в другую сторону – в сторону самого феномена гражданства, горожанства, что является одним из родовых признаков Города. Где и как рождаются горожане, которые не терпят мусора или брошенных на тротуарах окурков? Где и как проявляют себя горожане, которые, в отличие от зеваки или фланёра, не только фиксируют и выкладывают в сети свои впечатления и картинки, но активно включаются в событийность города и сами её же и создают? Этот феномен начинается с самого простого – с того, что у человека не поднимается рука выбросить конфетный фантик или обёртку от мороженого на улицу. А это, в свою очередь, начинается с признания позиции: *я и есть мой город*. И я не сторонний его наблюдатель, я его созидатель. И от того, каким будет мой способ обитания, таков и будет мой город. И потому это *мой* город, а не внешний объект для наблюдения и ловли случайных впечатлений.

Это тоже давно известно и давно описано. Поэтому архитекторы В. Л. Глазычев и Л. Коган, занимавшиеся домами и улицами как архитекторы, сразу предъявляют требования и к горожанам – будь не пешеходом и зевакой, а будь горожанином и гражданином, как у Л. Когана: «Требуются горожане!» [Коган 1990; Коган 1996].

В этом плане городские исследования, *urban studies*, должны встраиваться в городское проектирование, *urban planning*, становясь его частью. Город и Человек в городе не исследуются как сторонние друг другу объекты. Они конструируются, строятся ими самими вместе с городскими антропологами, выступающими также активными горожанами, участниками городских проектов и практик. Городской антрополог не только и не столько изучает людей в городе, сколько привлекает людей к разнообразным городским проектам. И тогда мы имеем феномен креативного города – города, который созидается. И тогда Ч. Лэндри объясняет себе и другим то, что значит создавать города, но не с точки зрения архитектуры камня, а с точки зрения архитектуры городских сообществ, их роли в создании городской среды и нового качества жизни на основе принципов гражданского участия, солидарной ответственности, видения целого и других так называемых принципов «хорошего управления» (*good governance*) [Смирнов 2004 а; Смирнов 2004 б; Лэндри 2006; Лэндри 2008]¹⁴.

¹⁴ Эти принципы реализованы в огромном количестве городских проектов, будь то города в Нидерландах, России или бразильский Куритиба. В своё время автор этих строк также занимался этим, проводя в течение нескольких лет Международный градостроительный форум «Город Завтра» (2007–2011), ведя в течение четырёх лет российско-голландский проект «Инновационные методы управления развитием города» (2000–2004) и участвуя в разных креативных проектах развития города. Последним проектом, одним из инициаторов которого мне довелось быть,

При таком самоопределении горожанина как гражданина рождается феномен «права на город», как сказал А. Лефевр. Право на город означает не право пассивного пользователя услуг и не право глазеть на уличные зрелища. Это право означает «преобразованное и обновлённое право на городскую жизнь», и потому город выступает неким местом, предоставленным для «демократического эксперимента», то есть для проверки права и возможности всех горожан на участие в организации его жизни. И тогда идеальный город есть «произведение жителей, которые сами по себе мобильны и мобилизуются для этого произведения и самим этим произведением» [Амин, Трифт 2017, 165].

Если искать пространственное воплощение гражданства и горожанства в городе, то, пожалуй, таковым будет именно Площадь, как одновременно самое публичное, открытое и доступное место в городе. Роль площади как феномена общественного пространства, в котором собственно житель становится горожанином, блестяще описана у Сеты М. Лоу. Вот она, например, цитирует другого исследователя, слагающего буквально целый гимн городской Площади:

«Пласа сама по себе, ограниченная в пространстве с четырёх сторон, являет собой самую совершенную интерпретацию общественной жизни, когда-либо созданную градостроительным и архитектурным гением Человека. В сравнении с ней колоссальные памятники древних цивилизаций – это гротескные и бесформенные творения неудачников. Египетские пирамиды, вавилонские дворцы и греческие храмы успешно транслировали определённые стороны человеческой жизни, жертвуя её целостностью. Именно поэтому их красота всегда покрыта безошибочно узнаваемой патиной жестокой печали. Это закрытые системы, застывший и отвратительный идеал, ибо Человек никогда не мог в полной мере освоить их, несмотря на всё богатство и сложность их монументальных, практически вечных конструкций. Пласа, напротив, объясняет всё иррациональное, несовместимое с чистым разумом; она консервирует эти явления, становится их голосом и обеспечивает им будущее. В простоте её пространственного устройства чувствуется явный призыв к социальной и нравственной свободе. Но её очертания, похожие на очертания крепости, недвусмысленно говорят о том, что жизнь и свободу можно сохранить лишь в определённых границах. Если эти границы исчезнут, останется лишь голый ландшафт, который поглотит и разрушит свободу, присущую искусству и изобретательности людей (Фернандо Гильен Мартинес)» [Лоу 2016, 53].

Так и произошло с многими площадями многих городов, в которых были разрушены пространственные границы и площади были превращены в места для парадов и манифестаций и лишены роли общественного пространства публичного участия, создаваемого горожанами, своими ногами и своим многоязыким говором утаптывающими это пространство. Пешеходность и многоязыкость Площади была отнята у неё в пользу иной роли – быть витриной, местом для манифестаций или парадным плацем¹⁵.

является проект «Академгородок 2.0», находящийся в настоящее время фактически на стадии запуска.

¹⁵ Кстати, например, Новосибирск, несмотря на физическое наличие площадей, Площади как культурной формы лишён. Он также почти лишён и общественных пространств. А главная

Вместе с тем, только на улице или площади, обретая свою походку-почерк, человек постепенно обретает и образ своего города. И тогда в этом созидании своего города начинает проявляться облик, черты того, кто город создаёт, черты Человека в городе.

Образ города

В своё время Кевин Линч в пионерской работе показал, что города *вообще* не бывает. С Городом как таковым человек дела не имеет. Человек, точнее, разные жители разных мест обитания и в разное время жизни будут представлять разные образы одного города. Более того, они фактически живут в разных городах, хотя физически это будет один Чикаго или одна Москва. Чтобы представить и структурировать эти образы города, К. Линч предложил базовые реперы, элементы, по которым эти образы представляются и интерпретируются. Этих элементов он выделил всего пять: *путь, границы, районы, узлы, ориентиры*. Каждый образ города (или его части) состоит из этих элементов.

Пути – «это коммуникации, вдоль которых наблюдатель может перемещаться постоянно, периодически или только потенциально. Их роль могут играть улицы, тротуары, автомагистрали, железные дороги, каналы». Получается, что «люди обозревают город, двигаясь по нему», и «относительно путей организуются все остальные элементы среды» [Линч 1982, 51].

Границы – это «границы между двумя состояниями, линейные разрывы непрерывности <...> берега, железнодорожные выемки, края жилых районов, стены. Это скорее линии соотнесения по горизонтали, чем координирующие оси» [Линч 1982, 51]. Добавим, что репер границы означает пределы обитания, пределы событийности для обитателя города. Для одного весь город является пространством его обитания, для другого – отдельно взятый район или микрорайон, некое место проживания по контуру «дом-аптека-магазин» и не дальше. Поэтому в большом городе живут очень много провинциалов, обитающих реально в пределах своих

площадь просто превращена в проезжую часть главного проспекта и место парковки, а на праздниках – в площадку для парадов и шествий, демонстраций, изредка прерывающихся митингами недовольных теми или иными решениями властей, что не делает площадь общественным местом, а, скорее, показывает, кто здесь власть. Всё это вполне объяснимо. Не изжитая до сих пор модель социалистического города не предполагала наличия общественных пространств. Она предполагала наличие пространства производства (заводы) и пространства мест воспроизводства рабочей силы (завод и при нём – жилая и социальная зона). Впрочем, это не так уж и плохо, поскольку ныне модная модель города-предпринимателя также урезает пространство социальной и жилой зоны, доступной для горожан, поскольку доминирует главный принцип – капитализации территории, как это было в Москве при Ю. М. Лужкове. А в Роттердаме на центральную площадь раз в неделю по воскресеньям съезжаются фермеры продавать свои сыры. Бедные жители Роттердама. У них нет ежедневно работающих городских рынков. Я там однажды купил зонтик за 5 гульденов, так тот сломался через неделю. А общественные пространства в Роттердаме создаются не на площади, а в разных пешеходных зонах центра. В Гааге общественные места также фактически распределены по всему историческому центру, на разных малых площадях и улицах.

отдельно взятых слободок. Соответственно, о них как о горожанах-гражданах говорить проблематично.

Районы – «части города, средние по величине и представимые как двухмерная протяжённость, в которую наблюдатель мысленно входит “изнутри”. Большинство людей упорядочивает свой город по районам с большей или меньшей чёткостью» [Линч 1982, 51].

Узлы – «соединительные звенья, места разрыва транспортных коммуникаций, перекрёстки или слияния путей, моменты скачкообразного перехода из одной структуры в другую» [Линч 1982, 52].

Наконец, *ориентир*ы – любой объект, выступающий знаком, точкой, элементом среды для ориентации в пространстве и перемещения. Это может быть дом, холм, мост, башня и т. д. [Линч 1982, 52]. Добавим, что функцию этого репера могут играть разные важные для жителя места, связанные с событиями или с рассказами других очевидцев, известные и популярные места в городе, значимые и постоянные для посещений, а также места, связанные с необходимостью прокладывания нового маршрута. На ориентирах пешеход и проезжающий ставит акцент при перемещении. Из ориентиров фактически и выстраивается некий опорный каркас образа *моего* городского пространства. Я по ориентирам могу передвигаться, могу, опираясь на них, рассказать (и показать, нарисовать) другому про чужой для него город, чужое место. Специалисты по ориентированию – разведчики, спасатели, проводники – фактически опираются не на сами по себе карты местности, а на различные многочисленные ориентиры, известные им одним и составленные на опыте прохождения многих маршрутов.

К. Линч акцентирует внимание на том, что ни один из специально выделенных им элементов не существует в действительности изолированно. Районы структурированы узлами, определены с помощью границ, пронизаны путями и усеяны ориентирами.

Мы бы добавили к этому списку такие реперы, как *место обитания, угол зрения, горизонт видения, опора, маршрут*. Эти реперы соответствуют уже не критериям достоверности и точности схватывания места, объекта (как в случае с ментальными картами в качестве инструментов для исследования), а критериям осмысленности пребывания и проживания, критериям навигации и ориентирования городского исследователя в структурах городской повседневности. Опишем пока вкратце эти реперы.

Места обитания. Этот репер означает фиксацию мест постоянного пребывания человека в конкретное время, фиксацию времени, конкретность эпизодов и событий. Ведь человек где-то живёт, где-то бывает чаще всего, у него есть любимые места, а какие-то места он обходит или просто не бывает там, они для него не существуют. Есть у него и запретные для него зоны. Фактически, на пересечении маршрутов передвижений и мест обитания и складываются карты пребывания человека на территории. А пределы этих маршрутов и мест пребывания определяют границы *его* города, *своего* города. Эти границы вырезаются маршрутами и местами обитания.

Угол зрения. Этот репер означает оптику, способ видения, критерий видения. Видящий должен понимать, что всякий раз он может менять угол зрения на один и тот же объект, одно и то же место в городе. Понимать, *кто* он, когда рисует свой образ города, – городской обыватель, или зевака, или спешащий на работу служащий, или отец, ведущий в детский сад свою дочь, или идущий в магазин глава семейства? Все эти уличные роли содержатся в одном пешеходе и могут отражаться на способе видения и соответственно самом изображении. Мы видим город, точнее, своё обитание в нём, исходя как из своих ощущений, так и своих задач пребывания в этом городе. Я могу просто идти на работу в институт. А могу идти на работу, показывая свой путь гостям, которые приехали ко мне из другого города. И способы видения при этом у меня будут разные.

Опора. Данный репер означает наиболее значимое и частотное место обитания. Опора отличается от места так же, как маршрут отличается от пути. Для опоры характерна событийность и тем самым – значимость. Опорой может быть дом, в котором человек живёт, или когда-то долго жил, или когда-то родился. Или он важен для него связью с каким-то событием. Или опора важна с точки зрения главных смыслов, ценностей и ориентиров в жизни (храм, театр, место многолетней работы и др.). Таких опор в городе может быть несколько, и у каждого горожанина они свои. Попадая в чужой город, пешеход обязательно устанавливает в пространстве опорную точку отсчёта – гостиницу, место, где он остановился, или место, где произойдёт важная встреча. И тогда такое место становится для него опорной точкой.

Горизонт видения. Этот репер обозначает предел видения, дальний план освоения городского пространства, выходящий уже за пределы города как ойкумены.

Замечу, что Линч пытался выделить некие инвариантные элементы образа города, занимая всё же более объективированную позицию наблюдателя, будучи исследователем, опрашивающим своих информантов о том, какой они рисуют себе образ города. Поэтому в его списке реперов не хватает главного, позвоночного репера – *маршрута*. Точнее, маршрутизация автора образа скрыта у К. Линча в репере пути. В этом репере К. Линч учитывает специфику складывания образа в зависимости от путей, выделяя при этом важные свойства репера: путь обладает непрерывностью, направленностью и опознаваемостью. Но необходимо отметить, что маршрут человека не совпадает с путями. Пути означают наличные и опознаваемые направления движения, а маршрут всякий раз прокладывается человеком. Человек всегда ходит тропами, диагонально, пересекая пути и беспутья.

Все элементы образа связываются не чем иным, как маршрутами того, кто этот образ рисует. Даже если путник, городской пешеход, или зевака, или фланёр ходит без цели по городу, заглядывая в подворотни и закоулки, или лихой рюфер бегаёт по крышам, рискуя сломать себе шею, или трейсер гоняет на своём мотике по улицам, всё равно у них либо уже было намерение идти по маршруту, пусть извилистому, либо он предполагался в виде некоего движения по незнакомой пересечённой местности, в городских джунглях, по городским заброшенным окраинам, каменоломням, пустырям и бывшим заводам. Такое перемещение представ-

ляется этим городским персонажам как вид приключения, городского происшествия, как испытание, принимаемое на себя, дабы поймать хайп или драйв.

Поэтому у Линча, как и многих других исследователей после него, занимающихся сходной тематикой (построением образов города, карт города), всё же доминирует исследовательская ориентация описательного, объектного типа, то есть позиция наблюдателя, извне наблюдающего город как целое, выделяющего элементы видения, структурирующего свой объект наблюдений. Для такого подхода характерно представление города как объект через структурированный заранее образ, выделяя в последнем элементы образа – пути, границы, ориентиры. Поэтому, например, К. Линч обсуждает то, как рисуется образ, читаем ли он, узнаваем ли город в нём, правильно или неправильно выбраны ориентиры, точно или неточно нарисованы пути, ясны ли границы. Поэтому, например, Триумфальная арка в Париже или Кремль, или здание МГУ на Воробьёвых горах в Москве будут всегда выступать пространственными ориентирами (архитектурными доминантами) города. Но для кого-то, кто живёт в других районах города, эти доминанты таковыми не являются¹⁶.

К. Линч как исследователь стремится с помощью разных способов визуализации как-то схватить город в его объёме и полноте, приручить его, проинтерпретировать с помощью изобретённого им способа визуализации, но самих жителей города в этих образах города нет. Исследователя интересует город вообще, он пытается увидеть город сверху, с высоты птичьего полёта, определяя в нём ориентиры, границы, пути и узлы. Поэтому и свой каркас элементов города Линч предложил для того, чтобы самому уметь и других научить читать город через представленные информантами образы города, неважно, Лос-Анджелес это или Нью-Йорк.

Такой подход конструктивен, если держать исследовательскую, объектно-описательную позицию, предполагающую исследование города как объекта, которому приписывается наличие скрытых процессов, таких же, какие есть в природе. Одним из результатов такой работы будут карты города, помогающие туристам, чтобы они смогли сориентироваться и не заблудиться в городе-джунглях, городе-лабиринте. Поэтому К. Линчу важна была «опознаваемость» нарисованного объекта (города), его структурность, внятность, читаемость образа города в тех рисунках, которые ему представили его информанты. Далее на основе нарисованных образов городов Линч создавал, структурировал уже некий обобщённый образ, сравнивая между собой образы трёх американских городов. Поэтому один у

¹⁶ Точно так же описывают своё представление об образах города наши отечественные классики А. Э. Гутнов и В. Л. Глазычев [Гутнов, Глазычев 1990, 239–290]. Будучи архитекторами, а не антропологами, они, разумеется, описывали примеры архитектурных образов города, и не на основе ментальных карт горожан, а на основе общепринятых и классических представлений о Городе как едином художественно-архитектурном целом. Поэтому их города узнаваемы, а лицо их уникально и неповторимо, как уникально лицо Парижа, Венеции или Санкт-Петербурга. При таком представлении собор св. Петра в Ватикане всегда будет таким символическим центром, а здание Капитолия будет всегда центром в Вашингтоне. Переводчик К. Линча В. Л. Глазычев рисует пространственные и узнаваемые силуэты городов сверху, с точки зрения небесного наблюдателя, извне, а не снизу и не изнутри.

него получился «раскинувшимся», «не имеющим центров», «бесформенным», «обширным», другой – «живым» и «сложным для ориентации», третий – «масштабным» и «решётчатым». И поэтому ему было так важно выделить элементы образа, чтобы помогать видеть город, но именно Город как таковой, объективно данный. Поэтому он выделял как проблему *зыбкость* образа города у его жителей. Он, этот образ, часто не ясен, не прозрачен, не структурирован. Многие жители просто не видят своего города. Им трудно в нём ориентироваться. Им трудно даже просто перебраться в другую, чужую часть своего большого города, потому что они годами живут в своём микрорайоне, в своей слободе, и для них представленные ориентиры, находящиеся в другом конце города, ничего не говорят. И живость образа как раз в этом и состоит: он всегда будет зыбким, исчезающим, смутным, меняющимся в зависимости от места обитания, маршрутов, привычек тех, кто этот образ представляет.

Нам поэтому важно другое: не точность и ясность образа города, а осмысленность и свойскость этого образа. Мы хотели бы понять город изнутри, не сверху, не так, как правильно, какие там у него доминанты или локальные ориентиры и границы, а каков он в постоянном проживании самих горожан или зевак, или туристов, видящих город своими ходящими телами и рисующих свой город ногами. Нам важно в этом важнейшем способе работы выделить не объектность и объективность черт образа города, а их рукотворность, как результат сознательного и различного, но волевого действия путника, пешехода, горожанина, самолично рисующего свой образ города на теле города, используя своё видение границ и ориентиров, и своим передвижением рисующего свои маршруты. И тем самым мы неминуемо переходим к тематике картирования, то есть составления по поводу обживаемой, обитаемой территории своих карт обитания, на которых человек сам наносит своё присутствие.

При этом заметим следующее. Если при складывании своего образа обитаемого города теряется форма целого, устройство целого города, то город превращается для такого путника в некую неорганизованную, хаотичную территорию. В то время как любой город, если это Город, всегда держит себя как целое, в нём есть центр и периферия, есть границы, есть культурные доминанты, есть проложенные ранее пути и узлы, есть свой горизонт и свои ориентиры. К. Линча интересовало именно это – как научиться видеть *целое* города, его форму и структуру, как научиться читать и опознавать город, поскольку только чувство целого соединяет и задаёт осмысленность всем остальным элементам образа, его путям, ориентирам, узлам и границам.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абрамов 2018 – Абрамов Р. «Забывшие в прошлом»: освоение заброшенных пространств и феномен нового городского туризма // Микроурбанизм. Город в деталях. Москва, 2018. С. 13–39.
- Амин, Трифт 2002 – Амин Э., Трифт Н. Внятность повседневного города / Пер. с англ. С. Баньковской // Логос. 2002. № 3 (34). С. 1–25.

- Амин, Трифт 2017 – *Амин Э., Трифт Н.* Города: переосмысляя городское / Пер. с англ. В. Николаева. Нижний Новгород, 2017.
- Беньямин 2019 – *Беньямин В.* Девять работ / Пер. С. А. Ромашко. Москва, 2019.
- Бредникова, Запорожец 2018 – *Бредникова О., Запорожец О.* Микроурбанизм. Ловушка для города // Микроурбанизм. Город в деталях. Москва, 2018. С. 13–39.
- Веселкова 2010 – *Веселкова Н. В.* Ментальные карты города: вопросы методологии и практика использования // Социология. 2010. № 31. С. 5–29.
- Глазков 2013 – *Глазков К.* Ментальные карты: способы анализа, погрешность и пространственная метрика // Социология власти. 2013. № 3. С. 39–56.
- Глазков, Стрельникова 2015 – *Глазков К., Стрельникова А.* Мобильные методы: движение как часть исследовательской стратегии // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2015. № 10. С. 79–90.
- Гуаярт 2016 – *Гуаярт В.* Мы живем в новое время и нам нужны новые концепции // Городские исследования и практики. 2016. Т. 1 (1). С. 7–10.
- Гутнов, Глазычев 1990 – *Гутнов А. Э., Глазычев В. Л.* Мир архитектуры: Лицо города. Москва, 1990.
- Ефременко 2015 – Чикагская школа социологии / Под ред. Д. В. Ефременко. Москва, 2015.
- Запорожец 2017 – *Запорожец О. Н.* «Мобильные методы»: исследование жизни в движении // Социология: 4 М. 2017. № 44. С. 37–72.
- Запорожец, Лавринец 2006 – *Запорожец О., Лавринец Е.* Прятки, городки и другие исследовательские игры (Urban Studies в поисках точки опоры) // *Communitas*. 2006. № 1. С. 5–20.
- Иванова 2018 – *Иванова А.* Сумчатые. Хореография пассажиров городского транспорта // Микроурбанизм. Город в деталях. Москва, 2018. С. 70–93.
- Иванова, Дитц 2015 – *Иванова В. В., Дитц Е. А.* Образы территории в восприятии её жителей (на примере Академгородка) // Вестник НГУ. 2015. Т. 15. Вып. 4. С. 139–145.
- Ильф 2020 – *Ильф А.* «Неужели он гулял со мной?» / Публ. О. Поляковой // Культура.РФ. 2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.culture.ru/materials/169757/neuzheli-on-gulyal-so-mnoi> (дата обращения: 28.02.2021).
- Коган 1990 – *Коган Л. Б.* Быть горожанами. Москва, 1990.
- Коган 1996 – *Коган Л. Б.* Требуется горожане! Москва, 1996.
- Лёв 2018 – *Лёв М.* Структуры собственной логики: различия между городами как концептуальная проблема // Собственная логика городов. Новые подходы в урбанистике. Москва, 2018. С. 40–66.
- Линч 1982 – *Линч К.* Образ города / Пер. с англ. В. Л. Глазычева под ред. А. В. Иконникова. Москва, 1982.
- Лоу 2016 – *Лоу С. М.* Пласа. Политика общественного пространства и культуры / Пер. с англ. Ю. Плискиной. Москва, 2016.
- Лэндри 2006 – *Лэндри Ч.* Креативный город. Пособие для городских инноваторов. Москва, 2006.
- Лэндри 2008 – *Лэндри Ч.* Искусство создавать города. Качество жизни и городская среда. Москва, 2008.

- Митин 2017 – Митин И. И. Ментальные карты города: история понятия и разнообразие подходов // Городские исследования и практики. 2017. Т. 2. № 3. С. 64–79.
- Некрасов 2009 – Некрасов В. П. Записки зеваки. München, 2009.
- Одинцова 2019 – Одинцова А. А. Образ Академгородка в восприятии современной молодёжи. Выпускная квалификационная работа. Новосибирск, 2019.
- Парк 2002 – Парк Р. Город как социальная лаборатория / Пер. с англ. С. Баньковской // Социологическое обозрение. 2002. Том 2. № 3. С. 3–12.
- Семёнова 2009 – Семёнова В. Картирование городского пространства: основные подходы к визуальному анализу // Визуальная антропология: городские карты памяти. Москва, 2009. С. 67–81.
- Серто 2008 – Серто де М. По городу пешком // Социологическое обозрение. 2008. Т. 7. № 2. С. 24–38.
- Смирнов 2004 а – Принципы good governance и управление городским развитием / Отв. ред. С. А. Смирнов. Новосибирск, 2004.
- Смирнов 2004 б – Смирнов С. А. Управление развитием человеческих ресурсов. Новосибирск, 2004.
- Смирнов 2017 – Смирнов С. А. Образ города: от карты к картоиду // ПРАЕНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2017. № 4 (14). С. 28–48.
- Смирнов 2018 – Смирнов С. А. Антропоидный картоид как средство антропологической навигации // ПРАЕНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2018. № 1 (15). С. 34–48.
- Смирнов 2019 а – Смирнов С. А. Городская антропология: между урбанизмом и повседневностью // ПРАЕНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2019. № 1 (13). С. 13–31.
- Смирнов 2019 б – Смирнов С. А. Человекообразность города // ПРАЕНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2019. № 2. С. 13–32.
- Смирнов 2019 в – Смирнов С. А. Город-кампус, или Образовательное пространство города. Методологический конструкт // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. № 4. С. 44–59.
- Стрельникова 2012 – Стрельникова А. В. Метод биографической прогулки: интервью в пространственном измерении // Современная социология – современной России: Сборник статей памяти А. О. Крыштановского. Москва, 2012. С. 665–671.
- Урри 2012 – Урри Дж. Мобильности / Пер. с англ. А. В. Лазарева. Москва, 2012.
- Флорида 2014 – Флорида Р. Кто твой город? Креативная экономика и выбор места жительства / Пер. с англ. Е. Лобковой. Москва, 2014.
- Шевелёв 2017 – Шевелёв Е. Город (без) человека: практики освоения пустых и заброшенных пространств // Микроурбанизм. Город в деталях. Москва, 2018. С. 43–63.
- Шемелина, Ванина 2012 – Шемелина О. С., Ванина О. Е. Образ города Новосибирска в представлении студентов // Сибирский педагогический журнал. 2012. № 8. С. 248–254.
- Kuzenbach 2003 – Kusenbach M. Street Phenomenology the Go-along as Ethnographic Research Tool. *Ethnography*. 2003. Vol. 4 (3). P. 455–485.

Richardson 2008 – Richardson T. *Kaleidoscopic Odessa: History and Place in Contemporary Ukraine*. Toronto, Buffalo, London, 2008.

REFERENCES

- Abramov 2018 – Abramov R. “Forgotten in the past”: the development of abandoned spaces and the phenomenon of new urban tourism. *Microurbanism. City in details*. Moscow, 2018. P. 13–39. In Russian.
- Amin, Thrift 2002 – Amin A., Thrift N. The intelligibility of the everyday city. Transl. into Russian. *Logos*. 2002. 3 (34). P. 1–25.
- Amin, Thrift 2017 – Amin A., Thrift N. *Cities: Reimagining the Urban*. Transl. into Russian. Nizhny Novgorod, 2017.
- Benjamin 2019 – Benjamin W. *Nine Works*. Transl. into Russian. Moscow, 2019.
- Brednikova, Zaporozhets 2018 – Brednikova O., Zaporozhets O. Microurbanism. Trap for the city. *Microurbanism. The city in details*. Moscow, 2018. P. 13–39. In Russian.
- Certeau 2008 – de Certeau M. *Marches dans la ville*. Transl. into Russian. *Russian Sociological Review*. 2008. Vol. 7. 2. P. 24–38.
- Efremenko 2015 – Chicago Sociology School. Ed. by D. V. Efremenko. Transl. into Russian. Moscow, 2015.
- Florida 2014 – Florida R. *Who’s your city? How the creative economy is making where to live the most important decision of your life*. Transl. into Russian. Moscow, 2014.
- Glazkov 2013 – Glazkov K. Mental maps: methods of analysis, error and spatial metrics. *Sociology of power*. 2013. 3. P. 39–56. In Russian.
- Glazkov, Strelnikova 2015 – Glazkov K., Strelnikova A. Mobile methods: movement as part of a research strategy. *Interaction. Interview. Interpretation*. 2015. 10. P. 79–90. In Russian.
- Guallart 2016 – Guallart V. We live in modern times and we need new conceptions. Transl. into Russian. *Urban Studies and Practices*. 2016. Vol. 1. P. 7–10.
- Gutnov, Glazychev 1990 – Gutnov A. E., Glazychev V. L. *The world of architecture: The face of the city*. Moscow, 1990. In Russian.
- Ilf 2020 – Ilf A. Did he walk with me? Ed. by O. Polyakova. *Culture.RF*. 2020. URL: <https://www.culture.ru/materials/169757/neuzheli-on-gulyal-so-mnoi>. In Russian.
- Ivanova 2018 – Ivanova A. Marsupials. Choreography of urban transport passengers. *Microurbanism. The city in details*. Moscow, 2018. P. 70–93. In Russian.
- Ivanova, Dietz 2015 – Ivanova V. V., Dietz E. A. Images of the territory in the perception of its inhabitants (on the example of Akademgorodok). *Vestnik NSU*. 2015. Vol. 15. 4. P. 139–145. In Russian.
- Kogan 1990 – Kogan L. B. *To be city dwellers*. Moscow, 1990. In Russian.
- Kogan 1996 – Kogan L. B. *Citizens are required!* Moscow, 1996. In Russian.
- Kuzenbach 2003 – Kuzenbach M. Street Phenomenology the Go-along as Ethno-graphic Research Tool. *Ethnography*. 2003. Vol. 4 (3). P. 455–485.
- Landry 2006 – Landry C. *The Creative City. A Toolkit for Urban Innovators*. Transl. into Russian. Moscow, 2006.
- Landry 2008 – Landry C. *The Art of City-Making*. Transl. into Russian. Moscow, 2008.

- Low 2016 – Low S. M. On the Plaza: The Politics of Public Space and Culture. Transl. into Russian. Moscow, 2016.
- Löw 2018 – Löw M. Structures of own logic: differences between cities as a conceptual problem. Transl. into Russian. *Own logic of cities. New approaches in urbanism*. Moscow, 2018. P. 40–66.
- Lynch 1982 – Lynch K. The Image of the City. Transl. into Russian by V. L. Glazychev. Moscow, 1982.
- Mitin 2017 – Mitin I. I. Mental maps of the city: the history of the concept and a variety of approaches. *Urban Studies and Practices*. 2017. Vol. 2. 3. P. 64–79. In Russian.
- Nekrasov 2009 – Nekrasov V. P. Onlooker notes. München, 2009. In Russian.
- Odintsova 2019 – Odintsova A. A. The image of the Academgorodok in the perception of new generation. Novosibirsk, 2019. In Russian.
- Park 2002 – Park R. The City as a Social Laboratory. Transl. into Russian. *Russian Sociological Review*. 2002. Vol. 2. 3. P. 3–12.
- Richardson 2008 – Richardson T. Kaleidoscopic Odessa: History and Place in Contemporary Ukraine. Toronto, Buffalo, London, 2008.
- Semenova 2009 – Semenova V. Mapping urban space: basic approaches to visual analysis. *Visual anthropology: city memory maps*. Moscow, 2009. P. 67–81. In Russian.
- Shemelina, Vanina 2012 – Shemelina O. S., Vanina O. E. The image of the city of Novosibirsk in the students' view. *Siberian Pedagogical Journal*. 2012. 8. P. 248–254. In Russian.
- Shevelev 2017 – Shevelev E. City (without) a man: practices of developing empty and abandoned spaces. *Microubanism. The city in details*. Moscow, 2018. P. 43–63. In Russian.
- Smirnov 2004 a – Principles of Good Governance and Urban Governance. Ed. by S. A. Smirnov. Novosibirsk, 2004. In Russian.
- Smirnov 2004 b – Smirnov S. A. Human resource development management. Novosibirsk, 2004. In Russian.
- Smirnov 2017 – Smirnov S. A. The image of the city: from map to carotid. *ППАЭНМА. Journal of Visual Semiotics*. 2017. 4 (14). P. 28–48. In Russian.
- Smirnov 2018 – Smirnov S. A. Anthropoid cartoid as a means of anthropological-logical navigation. *ППАЭНМА. Journal of Visual Semiotics*. 2018. 1 (15). P. 34–48. In Russian.
- Smirnov 2019 a – Smirnov S.A. Urban anthropology: between urbanism and everyday life. *ППАЭНМА. Journal of Visual Semiotics*. 2019. 1 (19). P. 13–31. In Russian.
- Smirnov 2019 b – Smirnov S. A. Human dimension of city. *ППАЭНМА. Journal of Visual Semiotics*. 2019. 2 (20). P. 13–32. In Russian.
- Smirnov 2019 c – Smirnov S. A. City-campus, or Educational space of the city. Methodological construct. *Higher education in Russia*. 2019. Vol. 28. 4. P. 44–59. In Russian.
- Strelnikova 2012 – Strelnikova A. V. Method of biographical walk: interviews in spatial dimension. *Modern sociology to modern Russia: Collection of articles in memory of A. O. Kryshchanovsky*. Moscow, 2012. P. 665–671. In Russian.
- Urry 2012 – Urry J. Mobility. Transl. into Russian by A. V. Lazarev. Moscow, 2012.
- Veselkova 2010 – Veselkova N. V. Mental maps of the city: questions of methodology and practice of use. *Sociology*. 2010. 31. P. 5–29. In Russian.

Zaporozhets 2017 – Zaporozhets O. N. “Mobile methods”: a study of life in motion. *Sociology*: 4 М. 2017. 44. P. 37–72. In Russian.

Zaporozhets, Lavrinets 2006 – Zaporozhets O., Lavrinets E. Hide and seek, towns and other research games (Urban Studies in search of a fulcrum). *Communitas*. 2006. 1. P. 5–20. In Russian.

Материал поступил в редакцию 21.03.2021
принят к публикации 4.06.2021

DOI: <https://doi.org/10.34680/urbis-2021-1-37-76>

УРБАНИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЕРЕВАНА: МЫСЛИ О НЕМЫСЛИМОМ

Е. Г. Маргарян

Российско-Армянский университет, Армения
ervand.margaryan@rau.am

Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета по науке РА
в рамках научного проекта № 21AG-6C041

Эта статья – приглашение к дискуссии. Статья является не просто декларацией идейной позиции автора, но и воззванием направить все ресурсы на превращение наших городов в жизнеутверждающую среду обитания людей. В основе авторской доминанты лежит осознание необходимости методологической разработки путей решения этой проблемы, как в глобальном, так и конкретном локальном контексте. Выбор темы статьи обусловлен не просто сутобо академическим интересом, а обеспокоенностью судьбами Еревана, его будущим. Одну из своих *задач* автор видит в привлечении интереса к урбанистике и городу как феномену во временном и пространственном измерениях. Другой не менее важной задачей является выявление закономерностей развития современного города, стремление понять в полном объёме как работают механизмы саморегуляции и самозащиты города, где заканчиваются ресурсы и возможности иммунитета, после чего должно произойти неременное вмешательство извне, снизу или сверху, дабы остановить саморазрушение города. Конечной же *целью* является выявление урбанистических проблем Еревана, поиск методов и механизмов их решения. В статье использовались микроисторический, макросоциологический, дескриптивный и компаративистский методы, а также антропологический метод урбанистического исследования. Были выделены три типа городов: 1) города, возникшие спонтанно, без единого плана и концепции; 2) города, возникшие волевым решением харизматичного лидера, путём синойкирования, либо в результате коллективного творчества пассионариев, но обязательно по продуманному плану и с мессианскими целями в перспективе развития; 3) города смешанного типа, возникшие в результате стихийной застройки или спонтанного слияния посёлков; развитие таких городов со временем принимает более осмысленные формы, сочетающие в себе элементы «нахалстроя» и «генплана». Рассматриваются современные урбанистические проблемы Еревана и то, как они решались (или не решались) муниципальными властями и руководством страны. Описываются спонтанно протекающие процессы джентризации и субурбии. Основным результатом исследования является предложение создать вокруг Еревана урбанистическую зону, состоящую из небольшого числа специализированных, прежде всего мелкобуржуазных городов и посёлков. Создание такой зоны решит целый ряд урбанистических, экологических, антропологических, демографических и социетальных проблем, поможет республике преодолеть кризис, дать ответ на вызовы 2020 г.

Для цитирования:

Маргарян Е. Г. Урбанистические проблемы Еревана: мысли о неммыслимом // Urbis et Orbis. Микроистория и семиотика города. 2021. № 1. С. 37–76.

DOI: <https://doi.org/10.34680/urbis-2021-1-37-76>

For citation:

Margaryan Ye. H. Urban problems of Yerevan: thoughts about the unthinkable. *Urbis et Orbis. Microhistory and semiotics of the city*. 2021. 1. P. 37–76.

DOI: <https://doi.org/10.34680/urbis-2021-1-37-76>

Ключевые слова: урбанистика, типы городов, двустоличье как феномен, рассредоточение населения, гиперцентрализованная столица, агломерация городов и посёлков, модернизация городского пространства.

URBAN PROBLEMS OF YEREVAN: THOUGHTS ABOUT THE UNTHINKABLE

Yervand Margaryan

Russian-Armenian University, Armenia

ervand.margaryan@rau.am

**The work was supported by the Science Committee of RA,
in the frames of the research project № № 21AG-6C041**

Being an invitation to a discussion, the article is not just a declaration of the author's ideological position, but rather an appeal to direct all resources to turning our cities into a life-affirming habitat for people. The author's dominant is based on the awareness of the need for methodological development of ways to solve this problem, both in a global and specific local context. The topic choice of the article is not just of purely academic interest, but that of concern about the fate of Yerevan city, its future. The author sees one of his tasks in attracting interest in urbanism and the city as a phenomenon in temporal and spatial dimensions. Another equally important task is to identify the patterns of development of a modern city, the desire to fully understand how the mechanisms of self-regulation and self-defense of the city work, where the resources and possibilities of immunity end and after which there must be an indispensable intervention from outside, from below or from above, in order to stop the self-destruction of the city. The ultimate goal is to identify the urban problems of Yerevan, search and discover methods and mechanisms for their solution. The article uses micro-historic, macro-sociological, descriptive and comparative methods, as well as the anthropological method of urban research. The article identifies three types of cities: 1) cities that arose spontaneously, without a single plan and concept; 2) cities that arose by a strong-willed decision of a charismatic leader, by synoecism, or as a result of the collective creativity of passionaries, but, necessarily, according to a well-thought-out plan and with messianic goals in the future development; and 3) mixed-type cities that arose as a result of spontaneous development or spontaneous merger of settlements, the development of such cities over time takes more meaningful forms, combining elements of "nakhalstroy" and "general plan". The article examines the modern urban problems of Yerevan and how they were solved (or not solved) by the municipal authorities and the country leaders. The spontaneous processes of gentrification and suburbia are described. The main results of the study are the proposal to create an urban zone around Yerevan, consisting of a small number of specialized, primarily small-bourgeois cities and towns. The creation of such a zone will solve a number of urban, ecological, anthropological, demographic and social problems, will help the republic overcome the crisis, and provide an answer to the challenges of 2020.

Keywords: urban studies, types of cities, bilingualism as a phenomenon, population dispersal, hyper-centralized capital, agglomeration of cities and towns, modernization of urban space.

– Вы улыбаетесь, – сказал он, – И вы так спокойны? Почему вы не кричите?
– Я кричу, – возразил Гребер, – только вы не слышите
Эрих Мария Ремарк

Нам не страшен серый волк!

...Хоть полсвета обойдёшь...
Лучше дома не найдёшь...

...Я, конечно, всех умней...
Дом я строю из камней...
Наф-Наф

Урбанистика

За последние годы, из-за своей широкой распространённости, тема урбанистики стала чуть ли не банальной практически во всех странах, где имеются крупные города с проблемами, порождёнными индустриальной и постиндустриальной эпохами. Урбанистикой в наши дни, хотя бы походя, не занимается разве что ленивый. Исследования по урбанистике проводятся в академических кругах [Gehl, Svarre 2013] и на любительском уровне. Особенно активно, хотя и очень поверхностно, проблемами урбанистики занимаются журналисты и экологи. Городские власти заказывают урбанистам аналитические исследования и рекомендательные проекты, публикуются статьи и солидные монографии, и лишь в Армении академическое сообщество, о *sancta simplicitas!*, продолжает дистанцироваться от этой малопонятной и неудобной тематики, словно её не существует. Данная статья является попыткой привлечь интерес академического сообщества и всех, кому не безразличны судьбы городов Армении и в первую очередь Еревана, к обсуждению глобальных урбанистических задач и конечно центральной темы данной статьи, связанной с современными вызовами армянским городам и городской жизни.

Урбанистика – наука относительно новая¹, в одинаковой степени прикладная и теоретическая. Она занимается вопросами функционирования и развития различных городских систем (инфраструктура, транспортная логистика, коммуникации, здравоохранение, обслуживание, спорт, образование, культура, распространение информации и мн. др.), их взаимодействия между собой и с жителями города. Иначе говоря, урбанистика – это наука о городской жизни и функционировании городского пространства, материального и духовного, и конечно наука о том, как человек влияет на город, а город на человека [Gehl 1987; Gehl, Gemzøe 2000]. Главным объектом исследования *урбанистики* как науки является человек, а ключевой задачей – исследование взаимодействия между самими людьми, а также людьми и предметами в городском пространстве. Если обобщить сказанное, то предметом исследования урбанистики является Человек и Город.

¹ Ещё до недавнего времени мы знали об урбанистике лишь то, что, по образному выражению блогера И. Варламова, почерпнули в детстве из сказки про трёх поросят.

Город целиком и полностью есть порождение человеческой деятельности, направленной на изменение окружающей среды и создание новой, более комфортной и осмысленной среды обитания. После одомашнивания животных и изобретения техники ирригационного земледелия все крупнейшие достижения человечества в основном были связаны с жизнью в городе. Главное достижение человека – цивилизация, является порождением именно городского образа жизни (от лат. *civilis* – городской, гражданский, государственный, публичный), решительно противопоставленного жизни сельской и кочевой, бродяжной.

Типология городов с точки зрения генезиса

По происхождению города можно разделить на три категории: 1) города, возникшие спонтанно, без единого плана и концепции; 2) города, возникшие волевым решением харизматичного лидера, путём синойкирования², либо в результате коллективного творчества пассионариев, но обязательно по продуманному плану и с мессианскими целями в перспективе развития; 3) города смешанного типа, возникшие в результате стихийной застройки или спонтанного слияния посёлков; развитие таких городов, со временем принимает более осмысленные формы, сочетающие в себе элементы «нахалстроя» и «генплана».

К первой категории стоит отнести такие города как Любек, Антверпен, Рига, Тифлис³, Александрополь-Гюмри и средневековый Нижний Новгород. Ко второй следует отнести практически все эллинистические города и в первую очередь Александрию Египетскую, а также С. Петербург, Вашингтон, Астану (Акмолинск, Целиноград). В большинстве своём – это имперские города, но не обязательно монархические или авторитарные, среди имперских городов встречается немало городов республиканского типа, например Вашингтон – абсолютно имперский город и одновременно абсолютно республиканский (не монархический)⁴.

К городам смешанного типа следует отнести Нижний Новгород Нового времени⁵, особенно после включения в него Макарьевской ярмарки, перенесённой в

² Любая синойкия – это насилие над людьми, согнанными по приказу монарха для строительства и заселения нового города, как правило, столицы или административного центра.

³ Характерная деталь – в Тифлисе вплоть до недавнего времени ещё сохранялись кварталы под названием «Нахаловка» («Надзаладеви»), кварталы с аналогичным названием существовали по всей территории Российской империи, например, в Одессе, Ростове и Москве. Любопытно, что в Одессе и Ростове кварталы, окрещённые горожанами «Нахаловка» и «Таракановка», появляются и в наши дни [Штурм и протесты 2021; В Одессе 2019]. Такие кварталы, как раковые опухоли, распространяются по телу города. Основными виновниками если не появления, то уж точно распространения, разрастания таких метастаз во все времена были городские коррумпированные власти.

⁴ План Вашингтона был разработан французским архитектором Пьером Ланфаном по инициативе президента Томаса Джефферсона. Город спроектирован в стиле барокко и включает широкие авеню, пересекающие по диагонали прямоугольную сетку улиц. Такая планировка оставляет свободное место для открытого пространства и зелени [Berg 2007].

⁵ В 1767 г. состоялось «высочайшее» посещение Нижнего Новгорода Екатериной II. В своём письме графу Панину Императрица так описала свое впечатление о городе: «Сей городъ ситуаціей прекрасенъ, но строеніемъ мерзокъ, всё – либо на боку лежитъ, либо близко того...» [Соловьёв 2015]. Для Екатерины, воспитанной в традициях строгого французского классицизма, такое

Нижний с противоположного берега Оки. В пореформенный период Нижний превратился в главный торговый центр России. К городам смешанного типа следует отнести Рим и Москву, оба города изначально строились без определённого плана, но превратившись в имперские города, изменили свой габитус. Рим радикально поменял свой облик после Великого пожара (*Magnum Incendium Romae*), согласно традиции устроенного Нероном, чтобы на месте сгоревшего республиканского ветхого Рима (построенного из необожжённого кирпича и дерева)⁶ возвести новую, достойную величия Империи столицу из травертина и мрамора⁷. Именно тогда гордый Рим стал приобретать свой неповторимый имперский облик, который изумлял современников, а его развалины и в наши дни поражают воображение туристов.

Что касается Москвы, она и после пожара 1812 г. не особо изменила свой облик. Хотя в XIX в. в Москве и появилось множество модных дворянских особняков, а в пореформенный период – огромных, кичливых купеческих домов, тем не менее, хаотичность застройки продолжала оставаться характерной чертой городского ландшафта до тех пор, пока Москва не стала столицей СССР. Лишь в сталинскую эпоху Москва пережила воистину урбанистическую революцию, преобразившись в имперскую столицу с осмысленной инфраструктурой и современной рациональной логистикой.

В основу практически всех имперских городов положена идея рационализма, санитарии и удобства. Не случайно большинство таких городов было построено харизматиками, вдохновлёнными просветительскими идеями своих современников (Александр Великий [Маргарян 2021, 81–88], Пётр I, Томас Джефферсон).

Смена исторической парадигмы влечёт за собой смену столицы. Александрия Египетская стала «повивальной бабкой» эллинизма. Перенос столицы Римской

отношение к городскому пространству было непереносимо. Поэтому губернатору Якову Аршеневскому было предписано начертить точный план Нижнего Новгорода, на основе которого в столичной Комиссии о строении Санкт-Петербурга и Москвы был создан новый регулярный план города, в стиле так называемого *екатерининского классицизма*. Для работы над проектом привлекались известные градостроители во главе с основоположником елизаветинского барокко Андреем Васильевичем Квасовым. План был одобрен Правительствующим сенатом и утверждён императрицей в 1770 г., после чего появились различные социальные и культурные учреждения: первая градская больница и первая аптека, первая в Поволжье губернская типография, первый общедоступный театр Шаховского с группой крепостных актёров (1798) и др.

⁶ Август хвастал тем, что застал Рим глиняным, а оставляет его после себя мраморным. Это явное преувеличение, при нём Рим представлял собой хаотичную смесь старого и нового, мраморных и ветхих саманных строений.

⁷ Завоевав страны Средиземноморского бассейна, Рим получил доступ к недрам многих стран. В Вечный город потекли ценные стройматериалы. В первую очередь по морю доставлялись лучшие сорта мрамора: жёлтый мрамор (*Giallo Antico*) из Туниса, фиолетово-белый мрамор (*Paonazzetto*) из Малой Азии, а также красный, зелёный и чёрный мрамор из Греции. Самую богатую цветовую палитру натурального камня обеспечил Египет: красный, серый и чёрный гранит, базальт и осадочные камни и даже чёрный обсидиан. Сардоникс поступал из Индии.

Многоэтажные инсулы для плебса, реже двухэтажные домусы строились из кирпича или бетона [о применении бетона римлянами [см: Шузи 1991; Кнабе 1980, 385–405; Сергеев 2000], с добавлением мраморной и травертиновой крошки, которая в большом количестве образовывалась на стройплощадках центра Рима.

империи в Византии, переименованный в Константинополь⁸, породил восточное христианство и рождение тысячелетней Византии. Пётр Первый перенёс столицу из боярской Москвы в «Северную Пальмиру», дабы дистанцироваться от старой татарско-византийской Руси, превратить Россию в империю и сделать её частью западной цивилизации. Перенос большевиками столицы из Петрограда в Москву в 1918 г. символизировал самоизоляцию России от западного мира и её переориентацию на Восток. Москва стала символом новой эры, грядущего нового мира, поэтому старую уютную, местами неопрятную Москву по большей части снесли, а затем заново отстроили.

Отличительными чертами имперских городов всегда были функционализм, торжественность и космополитичность. Не случайно именно в имперских городах Нового времени доминирующим становится стиль ампир (*fr. style Empire* – «имперский стиль») [Власов 2004, 219–229], который каждый раз, слегка мутируя, воз-

⁸ Ещё современники основной причиной гибели Западной Римской империи считали падение нравов элиты, коррупцию и инфляцию. Прекращение завоевательных войн привело к сокращению притока награбленного. Это породило инфляцию и стало причиной небывалого подорожания товаров, что в свою очередь вызвало обнищание масс. Римляне, отвыкшие за долгие века от военной службы и честной работы, жили на подачки императоров и олигархов. Римская армия и её офицеры состояли сплошь из варваров. Некоторые из них становились императорами. Между претендентами на престол велись нескончаемые войны. Рим окунулся в хаос междоусобиц. Улицы имперского Рима были заполнены преступниками и безобразными проститутками (их общее число составляло 30 тыс.). В городе орудовали банды. Не было дня, чтобы в Тибре не выловили несколько трупов. Перенаселённый Рим не справлялся с отходами человеческой жизнедеятельности. Катастрофически не хватало питьевой воды. Улицы кишели крысами, а дома – паразитами, переносившими всевозможную заразу и делавшими жизнь невыносимой даже для выдавших виды римских плебеев. В инсулах проживало больше народа, чем они могли вместить. В тавернах готовили такую еду, что травились даже самые лужёные желудки. Вдобавок муниципальные власти Рима решили заменить керамические трубы, по которым в Рим доставлялась вода, на свинцовые. Они были прочными, не ломались и не требовали ухода. Современники считали это большим достижением. Но это приводило к отравлению жителей. Во внутренних органах горожан оседали тяжёлые металлы, вызывавшие потерю памяти, бесплодие и значительное снижение когнитивных способностей (особенно среди высшего сословия) и преждевременную смерть. Рим скатился в демографическую яму. Лишь счастливым обладателям загородных вилл была доступна чистая вода и здоровая пища.

Часть римлян продолжала жить в своём родном городе и не помышляла покинуть его, другая часть, как ни любила Рим, понимала, что пора, подобно славному предку римлян Энею, пуститься на поиски новых берегов. Поэтому император Диоклетиан, а после его смерти один из его преемников Константин Великий, решились на шаг, который ещё сто лет назад казался просто немыслимым, предприняли поиски новой столицы. Некоторое время столицами были Медиолан (Милан) и Никомедия в Малой Азии. В 330 г. Константин передвинул столицу к берегам Мраморного моря. Так появился Новый Рим, названный потомками Константинополь, в честь своего основателя. Вслед за императором в новую столицу переехали римский сенат и чиновники, туда же устремились часть патрициев и представителей других сословий. Старый Рим не смирился с потерей своего доминирующего положения и вскоре вернул столичный статус. Только теперь Рима было два (с 395 г.) – Старый и Новый, два императора и две столицы. В старом Риме ничего не менялось, и он продолжал угасать, западные императоры не торопились возвращаться в Вечный город и на некоторое время обосновались в Медиолане. В 410 г. Рим был захвачен вестготами. Обновлённая же Восточная Римская империя, благодаря переносу столицы и смене цивилизационной парадигмы, просуществовала ещё тысячу лет.

рождался в новом обличье, в новой стране под именем очередного харизматика (наполеоновский, муссолиниевский, германский национал-социалистский, сталинский, маоистский [О китайском ампире см.: Козыренко 2020, 1–17; Козыренко 2021, 266–269] и пр.).

Однако имперские города не обладали той теплотой и уютом, которые были и остаются характерной чертой средневековых городов – Таллина или Львова... или, как это сегодня странно не прозвучит, Москвы. В XIX в. жители имперского Петербурга (за исключением разве что бунтаря и сноба Чацкого)⁹ любили проводить лето в Москве из-за её особого очарования¹⁰. После прямых, стремительных питерских проспектов, закованных в гранит, и сверкающих как палуба линкора набережных, строгого классического стиля в архитектуре, чопорной публики, вальяжно «делающей по Невскому променаж», Белокаменная со своими кривыми улочками, нахохлившимися петухами, бдительно несущими вахту перед своим двором, босоногими мальчишками с цыпками, плешивыми, прячущимися в тени собаками, назойливыми мухами и с утра успевшим там и здесь «подлечиться» городским выглядела как-то особенно располагающе, по-домашнему. Но особенно уютными были московские дворники с заросшими по краям кустами крыжовника, палисадники, заставленные стройными штабелями дров, с непременно уютным крылечком и начищенным до блеска медным тегемоном-самоваром, возвышающимся на колченогом столе и окружённом, словно свитой, венскими стульями.

Москва обладала особым колоритом и особой притягательностью, здесь на Грибном базаре или Иоанне Предтече можно было услышать самый залихватский и пронзительный свист ямщиков и самую изошрённую площадную брань черно-рабочих [Гиляровский 2008, 13–15]¹¹. Здесь в «Славянском базаре», «Стрельне» и в новом «Яре», что на Петербургском шоссе, шампанское лилось рекой и изводила душу цыганская семиструнная¹². Здесь обедали не только дородные купчины, но и представители московской богемы – дядя Гиляй [Гиляровский 2008, 179–307], Илья Репин, Александр Куприн, Савва Морозов, Антон Чехов и др., любил здесь покутить и Григорий Распутин. В Москве человек каждой специальности имел свой

⁹ Чехов писал своему брату Михаилу в Москву: «Если только кончу гимназию, то прилечу в Москву на крыльях, она мне очень понравилась!» [Чехов 1877].

¹⁰ В те годы в России ходила пословица: «Санкт-Петербург – голова России, Москва – сердце, а Нижний – карман». А Пушкин с горячностью восклицал:

Москва... как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нём отозвалось!

¹¹ Зато в наши дни, как показали исследования, самыми изобретательными матерщинниками оказались московские интеллигенты. В 2019 году Финансовый университет при Правительстве РФ провёл исследование распространённости ненормативной лексики по городам России с населением более 250 тыс. человек. Москва уверенно заняла лидирующие позиции в списке городов русских [Элькинд 2020].

«Что так грустно... Взять гитару,
И спеть песню про любовь
Иль поехать лучше к “Яру”
Разогреть шампанским кровь...»

(авт. стихов неизвестен, музыка А. Обухова – Е. Юрьева)

трактир по душе и по карману [Гиляровский 2006, 187–204]. В Москве звонили колокола и совершались крестные ходы, заканчивающиеся угарными попойками. В самую пору вспомнить классика:

Как жар, крестами золотыми
Горят старинные главы.
Ах, братцы, как я был доволен,
Когда церковей и колоколен,
Садов, чертогов полукруг
Открылся предо мною вдруг!

Пожалуй, ещё большей живописностью и притягательностью обладал довоенный Тифлис, со своим неповторимым колоритом и неповторимыми запахами. Чем только не пах старый Тифлис. Погребя и подвалы исходили запахом кахетинского вина, вперемешку с терпким запахом керосина и мышиного помёта, а пресловутые «итальянские» дворики пахли неопрятным запахом сырых, тёмных чуланов, смердевших как зев дракона царя Аэта. Едва войдя в такой дворик, уже с порога можно было ощутить запах ветхости, остро-сладких специй, уксуса, сушёного тархуна, орегано и выплеснутой на брусчатку мыльной воды из лохани. Из распахнутых окон распространялся аппетитный запах чакапули или чахохбили, вперемешку с угарным запахом керосинок, помнящих ещё легендарного царя Мириани. Улицы Тифлиса навечно пропахли запахом горячих семечек, которые здесь же, на раскалённой сковородке, прячась от раскалённого солнца под черным зонтом, поджаривала какая-нибудь вдовушка с пегими волосами, в бессменном чёрном жакете и чулках, не снимаемых даже в летний зной. И конечно завсегдашний спутник Тифлиса – запах «хлеба Шоты», доносящийся из «пурных» на каждом углу улицы.

Любителей помпезных имперских городов привлекает их величие, масштабность и возможности, которые открывает Большой город перед всяким амбициозным человеком. Имперские города перемалывают пережитки трайбализма и клановых форм бытия, вдохновляют темпом жизни, доступностью современных гаджетов и всевозможных технологических «приблуд», облегчающих жизнь и повышающих самооценку их потребителей. И конечно имперские города распахивают перед амбициозными и энергичными провинциалами двери социальных лифтов, позволяющих взлететь на верхние этажи современной «Вавилонской башни». Ведь только в имперском городе можно возвести (в стиле *неоампир*) *Empire State Building*, и только в нём гигантские гориллы влюбляются в изящных как Дюймовочка блондинок и, упёршись головой в небесный купол, погибают ради них в неравном бою с барражирующими вокруг башни заступниками империи – четырёхкрылыми херувимами (боевыми бипланами).

Каждый из этих типов городов по-своему привлекателен и имеет своих пропонентов и оппонентов, споры между которыми древни как мир и носят отнюдь не спекулятивный характер. А ведь и вправду, где лучше жить человеку? В городе без прошлого? Что предпочесть, проект, начерченный на чистом листе, без груза

средневековых предрассудков и ограничений, смело смотрящий в завтрашний день или город с традициями, хранящий связь времён, город, устремлённый... в прошлое? Возможно, каждой стране нужны столицы обоих типов.

Двустоличье

Ответ на вопрос о том, какой из обозначенных типов городов предпочтительней, можно найти в Японии и... Казахстане. С 794 г. столицей Японии был город Хэйан-кё¹³ (ныне Киото), остававшийся резиденцией властей более тысячи лет, до 1868 г., когда император Муцухито перенёс столицу в городок Эдо, переименовав его в Токио. Так политико-административный центр Японии превратился в полноценную столицу, а Киото остался культурной столицей. Резиденцией императоров и императорского двора стал Императорский дворец Токио. Однако и сегодня японцы считают, что их страна имеет две столицы: стража и блюстителя древних традиций – Киото и, словно сошедшего с иллюстрации фантастического романа, город будущего Токио.

Казахстан являет совсем недавнюю историю двустоличья – параллельного существования двух значимых городов: Алматы (Верный, Алма-Ата) и Нур-Султана (Акмолинск, Целиноград, Астана). Нур-Султан, построенный по типу и подобию урартских или эллинистических городов (характерными особенностями которых были синойкия и планирование города с чистого листа, а также некая мессианская парадигма), есть материализованная воля правителя-харизматика. На смену русскому городу Верный-Алма-Ата пришёл обдуваемый всеми ветрами Великой степи казахский город Нур-Султан¹⁴, отстроенный с учётом новейших трендов современной архитектуры, знаковым строением в котором стали Хан Шатыр и Международная Тюркская академия. Принято считать, что Казахстан – одна из немногих постсоветских республик, где не произошло ни одной революции. Едва ли это так... Казахстан пережил, пожалуй, самую радикальную на постсоветском пространстве урбанистическую революцию, которая привела к обновлению страны, разогнала застоявшуюся кровь по жилам этого постсоветского тяжелове-са. Возможно поэтому здесь не происходило революций политических, обновление произошло сверху, революционная энергия казахского социума была перенаправлена на градостроительство и решение экологических проблем¹⁵. Экологические и социальные проблемы решались... урбанистическими методами. Кроме

¹³ До Киото столицей Японии был город Камакура, а до него – как минимум ещё 6 городов.

¹⁴ Население города составляют преимущественно казахи.

¹⁵ По последним данным, в Алма-Ате имеются 800 тысяч автомашин. Ежегодно эти автомашины выделяют в воздух города около 250–260 тысяч тонн вредных отходов – цифра, сопоставимая с ереванской. В 2011 в городе началась повальная вырубка взрослых, здоровых деревьев под предлогом новых лесопосадок, на которые было выделено 87 миллионов тенге [Мирошниченко 2017; Саденова 2020]. По версии международной рейтинговой компании «NYC Partnership Consulting», в 2010 году город Алма-Ата вошёл в число самых грязных городов мира [Кресников 2010]. Также по версии американской компании из США по управлению человеческими ресурсами «ORC Worldwide» в 2015 году город занял 4-е место в топ-5 худших городов мира [Алматы 2015]. Происходит геттоизация города.

того, Н. Назарбаеву удалось решить «русский вопрос». «Русские» всё ещё остаются в Алма-Ате и др. казахстанских городах во многих отношениях преобладающим этносом¹⁶, зато новая столица оказалась заселенной преимущественно лояльными властям казахами. Таким образом Н. Назарбаеву практически удалось выкорчевать «совок» и превратить почти русскую губернию в подлинное национальное государство (ханство). Эти обстоятельства подняли рейтинг Назарбаева, и позволили ему так долго продержаться у власти, с почётом уйти на покой (сохранив за собой основные рычаги управления страной), и это несмотря на то, что коррупции, кумовства, кланового беспредела и др. проблем в Казахстане было и остаётся не меньше, чем в других постсоветских странах. (Хотя не следует забывать и другую важную причину стабильности власти в Казахстане – это газ, давший возможность профинансировать урбанистические и др. проекты, связанные с развитием страны). Но, так или иначе, пример Казахстана в чем-то можно считать образцовым¹⁷, особенно в вопросе двустоличья: в республике продолжает существовать «совковый» город Алма-Ата и национальный город Нур-Султан – главный «постсоветский Дубай».

А как обстоят дела у нас?

В Армении долгое время носителями этих двустоличных коннотаций были, с одной стороны, древний город Эребуни-Ереван, с другой – относительно молодой

¹⁶ Правда, в численном отношении они уже уступают казахам, которых в Алма-Ате сейчас около 60%, остальные этнические группы считаются «русскими», среди них украинцы, немцы, евреи, армяне, корейцы, татары, уйгуры, узбеки и др.

¹⁷ Предвидя критику в свой адрес, в связи с моими «восторгами» Нур-Султаном и Нурсултаном Назарбаевым, заранее оговорюсь – этот сюрреалистический город мне не понравился с той минуты, как я в нём оказался. Я бы ни за что не согласился жить в этом городе. «Это совершенно чужие человеческой природе огромные пространства, заставленные небоскрёбами из компьютерных игр. Они не масштабные, неуютные, бездушные» [Варламов 2014]. В отличие от советского Алма-Аты, в этом городе неправильно всё: географическое расположение, природно-климатические условия, чугунная атмосфера кафкианского «Замка», «вертолётный урбанизм» (Ян Гейл), стиль «космо-техно-модерн» (Варламов) и даже название города при всей его красивости режет ухо – от него несет культом личности. В XXI в. такое обожествление правителя и его династии кажется совершенно диким и нелепым, даже на постсоветском пространстве.

Поэтому уточню, приводя в пример столицу Казахстана, я имел в виду прежде всего концепцию строительства города в чистом поле, так сказать, планирование с чистого листа, и то, как была осуществлена довольно удачная попытка решения социетальных проблем с помощью урбанистического инструментария. Достойны похвалы и подражания стремление казахских властей использовать современные урбанистические наработки в конструировании городского пространства. Так, в Алма-Ате Назарбаев запретил строительство каких-либо объектов, кроме экологических [Назарбаев хочет запретить 2007]. А в 2015 году Ян Гейл был приглашён акиматом Алма-Аты для кардинального изменения облика города [Косенов 2015]. И наконец главное, при всей коррумпированности казахской элиты, ни один казахский чиновник не осмелится дать разрешение на строительство какого-либо объекта, не обозначенного в проектных документах, особенно в санитарной зоне или любом другом *общем месте*. Разрешение или легитимация самостроения, независимо от размера бакшиша, повлечёт за собой немедленную расправу. Президент сам всегда контролировал ситуацию и считал личным оскорблением каждое отклонение от генерального плана. О Нур-Султане см. также: Варламов 2019; Алексеева 2019; Имангалиев 2021.

Гюмри (Александрополь, Ленинанкан), обусловленный выгодным географическим положением и экономическим ростом Закавказья в пореформенный период. Гюмри долгое время был и сейчас отчасти остаётся самым патриотичным и одновременно наиболее увязанным с Россией (конечно после Степанакерта) армянским городом, с расквартированными в нём российскими военными подразделениями и обслуживающими их инфраструктурами. Что касается Еревана, то в Новейшее время (хоть и на небольшом осколке исторической родины) он стал подлинно национальным городом, символом возрождённой Армении. Построенный из особых, текстурных пород камней, Ереван, по плану выдающегося градостроителя А. Таманяна, соединил в себе древние традиции армянской архитектуры с логистикой, инфраструктурой и комфортом городов первой половины XX в. Мартирос Сарьян и Александр Таманян по сути создали современный визуальный образ Армении. Сарьян сильной, уверенной рукой нарисовал Армению, а Таманян начертил Ереван. Начертил и построил его без единой пометки, материализовав свои и сарьяновские образы в живом камне (ил. 1, 2). Ереван стал гордостью всех армян и до сих пор обладает необыкновенной притягательной силой для всех, кто когда-либо жил или бывал в нём.

Ил. 1. Сарьяновская версия Армении

Источник: <https://clck.ru/aeHVP>

Ил. 2. Ереван по Таманяну
 Источник: <https://clck.ru/aeHVf>

«Нахалстрой»

Однако на излёте советской эпохи и в последующие три десятка лет, город потерял многие преимущества и выпал из контекста истории. Город, построенный по единому, математически выверенному плану, где каждая архитектурная деталь, каждый завиток орнамента имели смысл и были легитимированы тысячами, в 2000-е захлестнула волна «самостроая», уродливой гримасой исказившего лицо города.

Если большинство старых городов переходило от бессистемной, хаотичной застройки, основанной на захвате городского пространства городским патрициатом, нуворишами или бандитскими кланами, к системному планированию и модернизации, то в Ереване эти процессы протекали от обратного. Таманяновский проект Еревана оказался замазан грязными кляксами «нахалстроая» – жестяными киосками и бензоколонками, фешенебельными палаццо в стиле китч, отражающими внутренний мир и эстетические запросы армянского олигархата (ил. 3, 4).

Ил. 3. Скромное очарование армянского олигархата
 Источник: <https://clck.ru/aeHW2>

Ил. 4. Частный дом в Ереване
Источник: <https://clck.ru/aeKTe>

Даже крыши домов («марсанды», по образному выражению лидера страны, узаконившего этот беспредел) в центре Еревана были захвачены (ил. 5, 6), санитарная зона вырублена и забетонирована.

Ил. 5. «Марсанда» на «марсанде»
Источник: Варламов 2020

Ил. 6. Нахалстрой в самом сердце Еревана: достроен целый этаж. Не сразу и заметишь...
Фото автора. 2021

Был даже принят закон, подстегнувший хаотичную застройку города, разрешавший (конечно, за определённую мзду) узаконивать «незаконные (извиняюсь за тавтологию) строения» (ил. 7, 8). Известный российский блогер Илья Харламов назвал Ереван (который ему кстати очень понравился): «Город, который никто не любит». Власти и обыватели, словно наперегонки, уродовали лицо нашей столицы. И лишь городская молодёжь боролась с беспределщиной и волчьими законами.

Ил. 7. «Фирдус»: «Таракановка» в центре Еревана
Источник: Варламов 2020

Ил. 8. «Нора “Мыша”». Построена на месте вырубленного парка, посаженного ещё германскими военнопленными в 1947 г.
Источник: <https://clck.ru/aeKVr>

Все попытки старых и новых властей воспрепятствовать этому наткнулись на маховую коррупцию и сопротивление новоиспечённых владельцев города. Неслучайно в народе получила распространение поговорка: «Настоящий новый армянин должен посадить дерево, воспитать сына и пристроить к своей квартире в центре Еревана дом или надстроить мансарду» (ил. 9). Возможно, это действительная национальная черта? Вспоминается бородатый анекдот от «армянского радио»:

- Почему в московских гостиницах армянам не сдают апартаменты больше чем на три дня?
- Потому что на четвёртый или пятый день они могут застеклить балкон.

Некоторые, при попустительстве муниципальных властей, умудряются своими пристройками перекрыть пешеходный тротуар, или сузить подъезд к зданию так, что во двор сегодня не может въехать не только пожарная машина, но и карета скорой помощи. И всё же в народе укрепилось мнение, что главными врагами города были и остаются городские чиновники. В том, что произошло с Ереваном, нам некого винить, кроме самих себя. Не враги сотворили это с нами. Мы сами...

Ил. 9. И это «нахалстрой»
Источник: Варламов 2020

Город по-прежнему очень красив, когда его обзереваешь с верхней террасы Каскада или когда смотришь кадры, снятые дронами с высоты птичьего полёта. В современной урбанистике имеется соответствующий термин, введённый датчанином Яном Гейлом – Birdshit architecture [Гершман 2014]. Он описывает застройку, которая хорошо смотрится с высоты, но при близком рассмотрении оказывается не столь привлекательной и вдобавок малоприспособленной для нормальной жизни. Именно так можно охарактеризовать современное состояние Еревана после того, как градостроительная политика муниципальных властей перестала соответствовать стратегическому плану Таманяна. Поскольку изменения происходили постепенно, жители города не сразу заметили изменений в облике города и не сразу осознали, насколько дискомфортно стало в нём жить. Зато те, кто после долгого перерыва недавно побывали в городе, отмечают колоссальные изменения, как в лучшую, так и в худшую сторону. Местами город стал «глянцевым», в нём много роскошных магазинов, так называемых «бутиков», ресторанов, клубов, гостиниц, не везде новоармянская кичливая роскошь гармонично вписывается в облик города; но все в один голос утверждают, что в Ереване стало неудобно (почти что невозможно) ходить и неудобно ездить, ни на легковом, ни на общественном транспорте, почти нет велосипедных дорожек. И нечем дышать...

Дело в том, что спроектированная выдающимся градостроителем Александром Таманяном обновлённая столица новой Армении не планировалась как мегаполис. На знаменитом «генплане» Таманяна нет промышленных объектов, нет Нового Арабкира, Нового Зейтуна, Нового Ареша и других «градостроительных новшеств», не предусматривалось строительство спальных районов, порождающих «маятниковую миграцию»¹⁸. «Армянский Динократ» предполагал заселить Ереван 300 тысячами человек, с перспективой роста до 600 тысяч жителей. Это должен был быть засаженный платанами (чинары) размеров уютный город, политико-административный и культурный центр, заселённый белыми воротничками, студенчеством, профессурой и работниками искусства, коммунальными работниками, сотрудниками правоохранительных органов и т. п. В 30–50-е гг. прошлого века так оно и было, гуляя по улице можно было встретить Аветика Исаакяна, Дереника Демирчяна, можно было заглянуть на огонёк к хлебосольному Мартиросу Сарьяну или запросто пригласить в ресторан «Арагат» Рачия Нерсесяна, как позднее, уже в моё время, приглашали его сына – Левона [Степанян, Симян 2012, 10–11]. Ереван был дышащим оптимизмом, свободным и уютным городом (ил. 10, 11).

¹⁸ Маятниковая миграция предполагает регулярные поездки населения из одной части города в другую (из спального района в центр). Из-за этого территория-источник маятниковых мигрантов практически «вымирает» на определённый период времени.

Ил. 10. «Платановый» Ереван. Улица Абовяна. Перспективный вид
 Источник: <https://charkhchyan.wordpress.com/2017/06/24/ւրբանային-փողոցը-3/>

Ил. 11. Проспект им. Ленина
 Источник: <https://clck.ru/aeKWj>

Ситуация стала резко меняться с началом индустриализации Арм. ССР и особенно Еревана. Появились пролетарские районы типа «Третьего участка» (ныне район Шенгавит), где позднее был воздвигнут памятник Рабочему скульптора Ара Арутюняна [Цельтнер 1983] (официальное название «Слава труду»). Между «центральной» («гвардейцы») и окраинной («кярты», «лимита») молодёжью начались нешуточные битвы, по сравнению с которыми сегодняшние сражения между футбольными фанатами «Зенита» и «Спартака» могут показаться девичьими поделками. Первопричиной этих кровопролитных сражений являлась классовая ненависть со стороны пролетарской молодёжи к «пижонам», привилегированному сословию советской номенклатуры. Ереванская молодёжная «элита» платила «быдлу», «плебсу» высокомерным презрением. Любопытно, что и те, и другие по-

зиционировали себя носителями истинных городских ценностей, только одни считали себя «современными, стильными городскими парнями», не дающими «лимита» проникнуть в Центр, а другие взяли на себя роль защитников ценностной системы средневекового города, носителей кодекса тифлисского карачохели Пепо и острого на язык кинто Дарчо или Александропольского эснафа-каменотеса Мкртыча и колоритного шутника и балагура Полоза Мукуча.

Однако Ереван и другие города продолжали разрастаться за счёт хлынувшей в 60-е годы сельской молодёжи, получившей хрущёвские паспорта и работу на городских заводах и предприятиях. В 70-е годы развернулась межреспубликанская «битва за города-миллионники», с метрополитеном и другими «приблудами» гипергородов. Каждый республиканский Первый секретарь КП стремился перецеголять соседа темпами роста столицы и «ремонт» её фасада. «Города-миллионники» имели более высокий статус и им выделяли больше ресурсов, чем малым и средним городам. Выделяли квоты на большее количество дефицитных товаров (минские телевизоры, чешская обувь, дамские колготки из ГДР, югославское нижнее бельё для женщин, аргентинская говядина, венгерские куры и болгарский зелёный горошек и т. п.), выделялось больше средств на возведение престижных объектов (стадионов, «Домов молодёжи», садово-парковых комплексов) и конечно на строительство метрополитена. В результате город так расплылся, что «врос» в главное городское кладбище, которое в свою очередь разрослось навстречу городу.

Таманьяновско-сарьяновский уютный платановый городок, построенный из розового туфа и населённый репатриировавшейся творческой интеллигенцией и студентами, возвращёнными на этно-джазе маэстро Артемия Айвазяна и шансоне элегантного Жака Дувальяна, превратился в загазованный Вавилон республиканского значения. Застройка Еревана уже в советскую эпоху совершалась за счёт *общественного пространства*, но в конце 1990-х и особенно в 2000-е гг. из-за коррумпированности властей и быстро формирующегося олигархического класса она приняла разнузданные формы.

В 1990-е годы «усыхание» города началось с окраин. От города были «отцеплены» индустриальные районы, со временем превратившиеся в трущобы. Население этих мёртвых зон либо эмигрировало, либо постепенно подтягивалось к центру. Властями города не было осуществлено ни одной попытки редевелопмента, использования промышленных территорий, имеющих потенциал повторного использования. В современной урбанистике этот феномен называется *Brownfield* [Батухтин 2021]. Как правило, заброшенные участки промзоны используются для создания на их территории торговых моллов, луна-парков, динолендов, музеев, дискотек, спортивных «качалок», клубов по интересам, а также авангардных театральных подмостков, арт-галерей или современных музеев раритетных артефактов. Но нередко такие заброшенные промышленные участки находят применение и для элементарных хозяйственных нужд. Их превращают в индустриальные парки, которые используют как ангары, карго, хранилища химикатов и удобрений и пр. Принято различать два типа индустриальных парков – *greenfield* и *brownfield*. Первый тип создаётся на новом, ранее незастроенном земельном участке. Чаше

всего подобный парк не имеет готовой инфраструктуры и «обрастает» ею по мере необходимости. Второй тип организуется на ранее существовавших производственных площадках (очень часто это бывшие заводы и фабрики, цеха или даже портовые доки).

В Армении парки типа brownfield практически не встречаются. Во-первых, чиновники никогда не были заинтересованы в их создании. Легче было от имени города самим себе продать за бесценок предварительно разорённое (часто целенаправленно разорённое) мероприятие, чтобы потом «распилить» его и в разы дороже продать за рубеж на металлолом. Вразнос пускалось всё – от станков, труб и рельсов до проводки и паркета. Вторая причина отсутствия парков brownfield не менее существенна: дело в том, что в Армении расходы резидента в зоне greenfield, как правило, меньше, чем в «старой промзоне» с изношенными сетями и отсутствием необходимых мощностных показателей (ил. 12). Часто бывает трудно приспособить существующую конфигурацию парка под нужды резидента, а реконструкция обходится дороже строительства «с нуля», особенно в Ереване, где цены на землю ещё недавно были неестественно низкими.

Ил. 12. Одна из заброшенных промзон в Ереване
Источник: <https://clck.ru/aeKX6>

В то же время среди ереванцев преобладает стойкая уверенность в том, что в современную постиндустриальную эпоху нет резона возрождать индустриальные районы Еревана, и прежде всего по экологическим причинам. Но есть и причины системного характера: продукция большинства фабрик и предприятий, даже если бы они сохранились до наших дней, давно уже не актуальна и потому неконкурентоспособна. Времена, когда индустрия базировалась в столицах, давно миновали. Мы живём в постиндустриальную эпоху, и промышленные гиганты имеет смысл сохранять вокруг городов типа Челябинска, но не Еревана (хотя наверняка жители Челябинска не согласятся с первой частью моей сентенции).

Неразрешимой урбанистической проблемой Еревана наших дней стала удушающе плотная застройка, которая не даёт возможности осуществлять планирование и развитие городской инфраструктуры в долгосрочной и даже ближайшей перспективе. Муниципальные власти постоянно вынуждены работать в режиме «чрезвычайной ситуации» (размещают на улицах новые, дорогие мусоросборники, заменяют изношенные лифты, переселяют жителей из аварийных домов, в авральном режиме строят кольцевые и радиальные дороги, закупают оптимальные для нашего города транспортные средства и пр.), однако это не может стать панацеей от ключевых урбанистических недугов¹⁹. Ни одна власть не сможет обеспечить Еревану качественный скачок развития в условиях населенности и гипертрофированной плотности застройки центра. Взвинченные горожане постоянно устраивают акции протеста из-за растущих перед их домами, словно грибы после дождя, элитных высоток. Застройщики игнорируют призывы властей строить многоквартирные высотки на окраинах или в городах-спутниках, поскольку их не удастся продать по завышенной цене. Не помогают и принимаемые законы. Поэтому Центр Еревана всё больше начинает напоминать муравейник.

Другой негативной особенностью современного Еревана стало то, что столица Армении, некогда по своему облику (и составу населения) бывшая самой национальной среди столиц советских республик, сегодня оказалась самым совковым городом (по «совковости» уступая разве что Минску, Кишинёву, Алма-Ате и Бишкеку). Мы живём в *советском городе*, с постоянной оглядкой на день вчерашний. Страна, которой нет уже 30 лет, продолжает отбрасывать тень на Ереван. Старшее поколение это не ощущает, либо ощущает смутно, некоторые его представители не желают расставаться с пережитками «совка» ни в своей голове, ни в городе. Но рождённые или сформировавшиеся как личность в постсоветскую эпоху молодые люди чувствуют себя так, словно их и вправду подмели в совок, вместе с осколками разбитого прошлого. Осколки, даже от самого роскошного в прошлом сервиса, бесполезны.

Картину можно дополнить не узко урбанистической проблемой – гипертрофированным доминированием Еревана над остальными районами республики. Даже в самом Ереване бросается в глаза неравномерное развитие районов. Всё это негативно отражается на демографической, экономической и политической ситуации в республике, приводит к различным перекосам и недовольству окраин, постоянно проявляемому во время выборов²⁰. Гипертрофированное развитие цен-

¹⁹ Единственное, что может хотя бы частично выправить ситуацию с трафиком и перегруженностью ереванских улиц – это плотная сеть подземного (а местами возможно и надземного) транспорта. Но за 30 лет независимости власти не смогли проложить даже одной подземной линии, построить хотя бы одну станцию метро. А ведь когда-то чуть ли не главным предлогом превращения Еревана в «город-миллионник» было выделение со стороны Центра квоты на строительство в Ереване подземки и выделение соответствующих средств и мощностей.

²⁰ Нынешние власти пытаются решить проблему, делая непривлекательной застройку в центре Еревана. Недавно был принят целый ряд законодательных актов, предусматривающих увеличение кадастровой стоимости жилища в центре города, особенно на новые дома в «первом поясе». Было прекращено применение программы по возврату подоходного налога на выплату ипотеки на

тра в ущерб окраинам отнюдь не укрепляет ядро, оно лишь ослабляет периметр нашей и без того уязвимой, не имеющей глубины обороны республики.

Сакраментальное: Что делать?

Конечно хочется, по традиции последних тридцати лет, ничего не делать. Оставить всё как есть и не суетиться, или ещё раз попытаться решить наболевшие проблемы косметическими методами: закупить новые автобусы и микроавтобусы, заварить трубы мусоропроводов в высотках, отремонтировать все лифты и заменить на некоторых отрезках сгнившие трубы на новые, силиконовые, создать более эффективную патрульную службу, ужесточить наказания за нарушение правил дорожного движения. Но рано или поздно мы должны будем задать себе вопрос: даже если действовать энергично и настойчиво в заданном направлении, способны ли все эти меры дать желаемый результат, а именно, реконструировать и модернизировать наш мегаполис, сохранив его как единое целое? Или рассредоточение неизбежно? Может, лучше вложиться в новый проект, чем пытаться переделывать старый?

При этом речь идёт не о строительстве нового мегаполиса типа Астаны или Уханя – родины коронавируса. Для этого в Армении нет ресурсов, да и нецелесообразно это. Нет смысла перебираться из одного перенаселённого мегаполиса в другой, более перенаселённый. Предпочтительней передислоцировать резиденцию политической власти в уютный городок поселкового типа (дав ему какое-нибудь историческое название, например Новый Аршакаван, главное, чтобы город не повторил судьбу этого царского посада) или просто назвать его Новый город – Ն ր ք ք ք , куда неизбежно начнут стягиваться амбициозные люди. В дальнейшем можно будет построить ещё два-три современных посёлка с иной направленностью (об этом будет сказано чуть ниже).

История Армении полна примеров, легитимирующих перенос столицы в более удобное место²¹. Достаточно упомянуть, что за историю Армении столица пе-

новое жильё в новостройках и новых частных домах в малом центре и др. Всё это должно замедлить распространение негативных процессов, но едва ли станет панацеей.

²¹ Приведём несколько примеров. После первого урартского царя Араме, правившего из своей резиденции в Арз(ц)ашку, новый царь Сардури I сделал своей резиденцией посёлок Тушпа-Ван, который очень скоро превратился в крупный политический, административный, экономический и культурный центр не только в Урартской империи, но и во всём регионе. Есть мнение, что на закате Урартского государства политико-административный центр был перенесён на север, в Араратскую долину, либо в Эребуни, либо в Аргиштихинили. Уже в это время в Армении можно наблюдать феномен двустоличья. После падения Урарту политико-административным центром царства Ервандаканов стал Аргиштихинили-Армавир, а Эребуни продолжал играть важную роль в период Ахеменидского владычества. В IV в. Ервандаканы, совершив синойкию населения бывшей столицы, перенесли свою резиденцию в Ервандашат, построенный по единому плану в лучших традициях эллинистического градостроительства. А после свержения династии Ервандаканов основатель новой династии Арташес перенёс столицу в Арташат, город, согласно традиции, спроектированный выдающимся полководцем и государственным деятелем Ганнибалом. Скорее всего в основу Арташата была положена Гипподамова градостроительная система. Современники и потомки называли Арташат «Армянским Карфагеном». Вершиной эллинистического градостроительства в Армении стал Тигранакерт, куда была перенесена столица новообразованной Армянской империи. По-

реносилась раз десять. Однако легитимации через славное прошлое недостаточно, нужна смелость и поддержка широких слоёв населения страны сегодня. Невозможно в наши дни осуществить строительство нового города, подобно Петру Великому, «сволочив»²² чухонцев²³ для строительства Санкт-Петербурга. Необходи-

сле развала империи столица вернулась в Арташат, однако Тигранакерт продолжал играть важнейшую роль в жизни страны. По сути, и в это время в Армении сохранялись традиции двустоличья.

Та же ситуация была в Великой Армении во времена Аршакидов, когда столицей стал культовый центр Вагаршапат-Эчмиадзин. Арташат продолжал играть роль второй столицы, пока из-за заболочивания местности Хосров III Аршакид не перенес свою резиденцию в Двин, насадив вокруг неё лес, превратив его в охотничьи угодья. В Великой Армении опять оказалось две столицы – Двин и Вагаршапат. Особое место в истории Армении занимает короткая, но яркая история города Аршакаван. Этот показательный эпизод нашей истории поражает, восхищает и многому учит [См.: Маргарян 2007]. Аршак Аршакуни схлестнулся с элитой страны и перенёс столицу в Аршакаван. Это было время, когда царь опирался не на феодальную элиту, а народ, важные вопросы решались через народное собрание. Чтобы ослабить царя и выбить из-под центральной власти опору, армянские нахарары и патриарх Нерсес обратились за помощью к внешним врагам, с просьбой помочь им уничтожить Аршакаван и другие армянские города. Персы вторглись в Армению и совместно с нахарарами уничтожили все города, угнав горожан в плен, жители Аршакавана были истреблены, за исключением младенцев, отданных Нерсесу на попечение. Царь Аршак и его спарпет Васак с горсткой храбрецов, рекрутированных лишь в царском восстании (домене), два года сражались против внешних и внутренних врагов. Но после уничтожения армянских городов царь остался один. Аршак и его храбрый спарпет Васак Мамиконян были приглашены для ведения переговоров в Ктесифон, где вероломно были схвачены и заключены в крепость и где Васак был замучен до смерти, а Аршак покончил с собой.

После того как армии персов и армянской знати уничтожили армянские города, городская жизнь в Армении заглохла на долгие четыре с половиной столетия. Без городов Армения превратилась в провинциальную феодальную страну. Городская жизнь стала возрождаться только в эпоху Багратидов. Благодаря усилиям царя Абаса местопребывание Багратидов было перенесено из Ширакавана в Карс (до этого резиденция Багратидов находилась в Багаране). А в 862 г. Ашот III заложил в Ширакской долине новую столицу – блистательный город Ани [См.: Арутюнян 1964; Маргарян 2013, 27–37]. По тому же принципу целесообразности осуществляли перенос вначале княжеской, а затем царской резиденций правители Киликийской Армении. [Подробнее о городах исторической Армении см.: Յւլի 1987].

Практически все эти города связаны с именами правителей-харизматиков, решившихся на непростой шаг переноса столицы ради преобразования Армении, дабы сломать трайбалистские и клановые традиции и связи, перетянуть на свою сторону молодёжь и пассионарную часть элиты и начать с нового листа строительство новой столицы и новой страны.

²² Отсюда современное русское ругательное «сволочь», которое изначально не содержало негативной коннотации, равно как в первой половине XX в. просторечное «лимита» и «лимитчица» ещё не были ругательными выражениями. Так называли иногородних строителей Москвы эпохи Великой индустриализации первых пятилеток. «Сволочённые» из окрестностей в Петербург коренные жители края практически все погибли при строительстве, вбивая по пояс в ледяной болотной воде и грязи сваи и не успевая за ночь просохнуть в бараках и впроголодь питаясь баландой, грибами и ягодами. Многие сбегали, но семёновцы отлавливали их как животных и возвращали на строительство, где их дни были сочтены [Кошель 2003, 14]. Нарастающий бунт местного населения Пётр подавил на корню. Обливаясь потом и матерясь, он лично срубил священную сосну местных язычников. Она пошла на растопку солдатской печки. А волхвов-рунопевов (жрецов), распространяющих пророчества о скорой гибели Петербурга, царя-демиурга и всех жителей новой столицы, царь по старой доброй привычке приказал обезглавить. Перед смертью «чухонские старцы» прокляли царя, его род и строимый им город, предвещая беды и скорую гибель всем и Петербургу в том числе. Долгие века эти пророчества и проклятья,

мо будет провести плебисцит, которому будет предшествовать долгая и кропотливая разъяснительная работа. В плебисците должны принять участие не только ереванцы, но и жители провинции, а также диаспора, именно провинциалы и диаспора могут поддержать идею переноса столицы, впрочем как и некоторая часть ереванцев. Для привлечения ереванцев придётся применять методы тактического урбанизма²⁴.

Сама по себе эта идея не нова и не оригинальна, но сейчас она актуальна, как никогда прежде²⁵. Отважившись на смелый, немного безумный шаг по переносу

словно дамоклов меч, висели над головами питерцев, будоражили воображение россиян, давая простор для любителей покликушествовать. По крайней мере одно, самое главное проклятие чухонских старцев, так и не сбылось: вопреки пророчествам, спустя триста лет город не исчез и продолжает жить и восхищать своими красотой и величием. После гибели большей части чухонцев власти были вынуждены организовать заселение города «переведенцами» из Центральной России. Именно «сволочи» и «переведенцы», а также солдаты и матросы были первыми жителями Петербурга.

²³ На самом деле чухонцы – это собирательное название коренных народов, обитавших в мшистых топях устья Невы и её окрестностей. Нам известны лишь названия самых крупных племён – карелов, води, ижорцев, вепсов; названия других, более малочисленных племён не сохранились.

²⁴ *Тактический урбанизм (tactical urbanism)* — обобщающий термин, который описывает методы быстрого изменения городской среды. Архитектор-бунтарь Эрик Рейнольдс, автор многих нововведений, в том числе разработок полностью автономного дома, без привычных нам источников воды, света и тепла, рекомендует использовать для наглядности легковозводимые конструкции, наглядно демонстрирующие планируемые изменения в городской среде. Возводимые модули дают возможность проанализировать реакцию пользователей, сформируется интерес к репрезентируемому объекту, и повлияют на окончательное суждение о необходимости смены парадигмы в городском пространстве. Это также поможет горожанам определиться с выбором того или иного дома или архитектурной конструкции, окружающего ландшафта.

²⁵ Причём она остро стоит не только перед Ереваном. На постсоветском пространстве вопрос о переносе столицы не раз обсуждался в России, Грузии и др. В России эта тема активно обсуждается ещё с 1990-х. В пользу переноса среди прочих приводятся причины экономического, политического, социетального, экологического, геополитического и оборонного характера. Эту тему периодически поднимают и представители высших эшелонов власти: *«Нам надо создавать здесь, за Уралом, крупный финансово-промышленный центр, своего рода столицу, которая даст мощный импульс развития сибирским и дальневосточным землям»*, — вслед за М. Ломоносовым императивно провозглашает Сергей Шойгу [Сочинко 2018]. Однако в реальной жизни попытки претворить эту идею в жизнь наталкиваются на сопротивление чиновников и руководителей госпредприятий. Одна из причин – налоговая система РФ, большинство наиболее прибыльных предприятий страны расположены в Сибири, а налоги платят в Москве, где дислоцированы их головные офисы, где находится начальство этих предприятий, а также их семьи, недвижимость и мн. др. В связи с этим президент В. Путин однажды посетовал: *«Я считаю, что в Сибирь надо переводить определённые федеральные структуры или как минимум те крупные компании и головные офисы, которые работают в Сибири, а основные налоги платят, к сожалению, в Москве»* [ТАСС 2021]. Характерное объяснение «нецелесообразности» переноса столицы приводит урбанист лаборатории «Гражданская инженерия» Пётр Иванов. Он отмечает, что в межведомственных контактах большинство задач решается в неформальной обстановке. *«Это разговоры с глазу на глаз, встречи, совместные походы в баню. Если мы вынесем какие-то ведомства за пределы Москвы, то мы погубим межведомственную кооперацию. Это скорее неперспективный вариант»* [Там же]. Хотелось бы возразить креативному урбанисту, бани можно построить и в Сибири. А проблемы всё-таки лучше обсуждать сухими и трезвыми, не проливая коньяк и пиво на важные документы.

политического центра, придётся решать ряд важнейших задач концептуального характера и бессчётное число технических, ситуативных проблем.

При осуществлении этого проекта придётся, в первую очередь, преодолевать сопротивление чиновников и некоторых политических партий и группировок, но иначе невозможно осуществить синойкию, нельзя приготовить яичницу, не разбив яиц. Перенос столицы неизбежно откроет новые перспективы – широкий поток инвестиций, увеличение рабочих мест, экономический подъём, новые возможности для молодых и просто не заикленных на прошлом пассионариев, верящих в свои силы и будущее страны. Возникнут условия для ускоренного развития тех территорий, где будет создан новый политико-административный центр. Одновременно перегруженный Ереван будет разгружен, но не благодаря утечке населения за кордон, а благодаря переезду в уютную Новую резиденцию властей. Конкуренция между старыми и новыми городами определённо сыграет положительную роль в развитии самих городов и республики в целом. Задыхающийся от ния Ереван вновь начнёт глубоко и ровно дышать. Строительство новой современной политической столицы – «Неаполиса»-Ն ր ք ր ք ր , должно стать *национальной идеей* для всех армян.

«Процесс пошёл» (М. С. Горбачёв)

На самом деле процесс рассредоточения столичного населения уже начался, но происходит он по принципу *джентрификации*, т. е. снизу, неконтролируемо и спонтанно. Уже полтора десятка лет из города или, по крайней мере, его центра происходит утеkanie части населения с доходами выше среднего. Эта прослойка, причём довольно значительная, вначале облюбовала районы Давидашен, затем Дзорахпюр, Джервеж, Багреванд, Зовуни, Канакераван, квартал Ваагни и дальше по Арташатской трассе и др. Здесь ведётся безостановочное строительство. В результате джентрификации начали складываться новые центры тяжести практически за чертой города, которые отвлекают на себя определённую часть успешного населения Еревана²⁶. В кварталах «джентри», получивших недавно специальное название – «субурбия», отличная инфраструктура, имеется своя служба безопасности, свои электрики, водопроводчики и др. «монтёры», гостям есть где поставить машину, есть где купить холодное пиво и мороженое. В то же время здесь нет промышленных объектов, супермаркетов, бензоколонок, казино и баров, больших

М. Саакашвили был также решительно настроен передислоцировать столицу из Тифлиса в Кутаиси. «Тбилиси нужна разгрузка, а региону – развитие». «Постепенно мы превращаем Кутаиси во вторую столицу Грузии», – утверждал Саакашвили. Останься он президентом, так и случилось бы. Одной из причин, почему М. Саакашвили стремился перенести столицу из Тбилиси, была тифлисская консервативная среда, которая сопротивлялась его реформам и тормозила развитие страны [Саакашвили поддержал перенос 2009].

²⁶ Правда, строительство в центре тоже не затихает. Сносится историческая часть Еревана, и на её месте строятся новые кварталы в стиле «сталинского» или точнее «кочаряновского» ампира, куда устремилось «новые армяне» разных мастей, от высокопоставленных чиновников до «поп-звёздочек». И сегодня в центре появляются новые высотные многоквартирные и многогаражные дома, которые давят на и без того угнетённую инфраструктуру города. Эту ситуацию пожалуй можно назвать «инфраструктурным перегревом».

и шумных объектов общепита, что особенно привлекает молодых носителей мелкобуржуазных семейных ценностей. Эти кварталы озеленены и не загазованы, посторонние туда не заглядывают. Государство, особенно муниципальные власти, не вмешиваются в жизнь этих «инсулов» (от лат. «остров»), так как их законопослушные обитатели не доставляют государству никаких проблем. В этих оазисах с самой качественной мобильной связью и интернетом, бесперебойной подачей воды и лучшими в городе электрическими трансформаторами обитают преимущественно молодые «айтишники» с семьями, бизнесмены, банковские служащие, художники, юристы, врачи и профессура. Все коммунальные проблемы, требующие затрат, решаются вскладчину, с помощью аутсорсинговых служб (служба безопасности, уборка мусора, профилактика магистралей и пр.). К муниципальным властям они обращаются только в случае крайней необходимости и то, как правило, за разрешением. Эти посёлки автономны и слабо связаны со старыми традициями государственного управления и общественной жизни. В них действует модель управления *Top-Down* и *Bottom-Up*, в которых инициатива исходит от органов власти и от жителей города в равной мере. Аналогичную картину являют высотные и двухэтажные инсулы вдоль Разданского ущелья (ил. 13).

Ил. 13. Инсулы на правом берегу Разданского ущелья с «умной» инфраструктурой внутри
Фото автора. 2021

Стремление армянских джентри обосноваться вдоль Разданского ущелья объясняется прежде всего экологическими причинами. Город находится в котловине. Смог, особенно в зимнее время, оседает в городе и не выветривается до весны, дышать становится нечем. В то время как в предгорных и горных районах Армении большую часть года солнечная погода, над Ереваном нависает свинцовый туман, из-за чего летом город раскаляется, а зимой бывает нешуточный холод. Летом температура поднимается выше ещё совсем недавней средней нормы и в Ереване, именно в загазованном Ереване, становится нестерпимо жарко, и это не менее весомая причина, заставляющая людей бежать из раскалённого города. А в Разданском ущелье воздух всегда свежий и прохладный, воздушные потоки, тянущиеся с Севана, служат преградой на пути смога и пекла из центра города. Поэтому все субурбии возникают на правом берегу Раздана.

В чём причины феномена джентризации пригородов Еревана и его близких окрестностей? Ещё недавно жизнь в городе, особенно в центре, была обусловлена тенденцией непрерывной коагуляции человечества. Город давал возможность для самореализации и приобщения к благам цивилизации [Бродель 1986, 541–546]. Однако современные технологии инфокоммуникаций предоставляют такую возможность, вне привязки к единому топосу. Жизнь в центре перестаёт быть актуальной. Торговля, на протяжении тысяч лет служившая центром городского притяжения, порождая и питавшая города, словно мать – дитя, практически одномоментно переместилась в виртуальное пространство, что в свою очередь привело к преобразованию городской инфраструктуры. Чтобы заплатить за коммунальные услуги или подарить любимой на юбилейную дату цветы, нет нужды выходить из дома, ехать на противоположный конец города, выстаивать очереди и, убив день, несолоно хлебавши, вернуться домой в дурном расположении духа.

Не только высокое качество жизни, но и доступ к потокам информации, отныне также не зависят от близости к библиотекам и газетным киоскам, музеям и лекториям. Формула успеха обусловлена степенью приобщённости к современным инфотехнологиям и способностям оперативно реагировать на новые тренды стремительно меняющегося современного мира. Если к этому добавить высокие запросы современного человека на чистую экологию и качественные продукты, то станут очевидными причины изменения стереотипов поведения горожанина и исхода из городов молодых семей. Сбываются пророчества Жан-Жака Руссо, предсказавшего истребление из города, ставшего воплощением Содома (современной порочной цивилизации), ближе к чистой, целомудренной природе. Лишь здесь, по его мнению, возможны незамутнённые человеческие отношения. Поселившиеся в субурбанистической зоне «Новейшие Эмилии» и «Новейшие Элоизы», по сути, становятся зачинателями новейшего постиндустриального мира.

Феномен субурбанизации, выразившийся в бегстве на окраины Еревана, либо за черту города, подстегнула пандемия коронавируса и фобии, вроде той, что COVID-19 – это не конец биологических напастей: возможны новые пандемии, не менее пернициозные для человека и животных. Желание оказаться подальше от гущи людей, на фоне массовой ипохондрии и тревожности, выглядит объяснимым и вполне оправданным.

Переход на «удалёнку» для многих работников умственного труда сделал жизнь в пригородах более привлекательной. До пандемии житель пригорода вынужден был в день по 1,5–2 часа тратить на дорогу до работы и обратно, или для решения банальной бюрократической проблемы. Приходилось «торчать» в пробках и заторах, «выгорая» за день, так что по возвращении домой только и оставалось сил, чтобы устроить «ночной дождь», впопыхах запоститься в Facebook-е, нырнуть в пижаму, плюхнуться перед телевизором, взять пульт, начать просмотр последних новостей и на «Новостях о культуре и спорте» заснуть перед экраном, чтобы на следующий день повторить это заново. В этих условиях жизнь в центре имела определённые преимущества. Теперь же на «дистанционке» оказалось возможным экономить деньги и время на дорогу, сидя дома, в уютном кабинете перед монитором, в мягких тапочках и фланелевых брюках, сохранять силы на просмотр в

конце дня фильма или прочтения книжки, уже два года пылящейся на полке, общение с семьёй и друзьями (в некоторых случаях также на исследовательскую работу, подготовку презентаций для лекций и пр.). Профессиональное общение осуществляется с помощью достигшей небывалого размаха виртуальной event-индустрии.

Правда, удалённая работа или работа с гибридным расписанием доступны не всем, по мнению экспертов, лишь 40% от общего числа занятых. Даже если эти цифры не преувеличены и отражают реальное положение дел, всё равно остаётся 60% населения, которые не имеют возможности спрятаться дома во время пандемии (фермеры, строители, дальнобойщики, водители, работники коммунальных служб, медики, силовики, официанты, повара, пожарники и работники чрезвычайной службы). Пандемия более выпукло подчеркнула разрыв между белыми воротничками и остальными.

Пандемия продемонстрировала преимущества личного транспорта, особенно велосипедов и скутеров, перед общественным транспортом и даже перед такси. В разы возросла онлайн доставка. Таким образом, пандемия объективно способствовала децентрализации экономики и городского населения во всём мире, и Ереван не составил исключения. Кроме того, пандемия местами обозначила, а местами сделала явными новые тренды развития современного социума, и не считаться с этим нельзя. Сейчас, когда пандемия медленно отступает, человечество пытается вернуться к прежней жизни. Но жить как раньше, до пандемии, а в нашем случае и до 44-дневной войны, мы уже не будем. Слишком динамично развивается мир и нам придётся либо, ковыляя и прихрамывая, поспевать за ним, либо окончательно выпасть из контекста истории, как всегда придумывая фантастические теории заговора и обвиняя в наших бедах других.

А кто сегодня остаётся жить в центре города? Как уже говорилось, успешные и в первую очередь семейные ереванцы концентрируются в «инсулах» на окраинах или непосредственно за чертой города, в спальнях районах традиционно обитает малоимущая часть населения, а в центре в основном задерживаются прорвавшиеся в центр представители «нового армянства» (разбогатевшего в 90-е на «распиле» приватизированного госимущества), новая госноменклатура и «старая элита», состоящая из детей старого советского истеблишмента, унаследовавшая от ближайших родственников апартаменты в «сталинских» или «хрущёвских» домах. Этот «умирающий класс умирающей империи» [Антонян 2012, 208], постаревшая «золотая молодёжь» времён «золотого века» партноменклатуры доживает свой век в привычной обстановке и не желает, да и не может ничего изменить ни в своей жизни²⁷ (об этом мы поговорим в одной из следующих публикаций), ни тем более в жизни страны. Ведь перемены ей не по карману, но ещё больше мешает «тонкая, рефлекслирующая душевная организация», отвлекающая от активной деятельности. Положение усугубляется дороговизной и ростом налогов на недвижимость в центре города. Жить в центре по-прежнему *comme il faut*, но накладно

²⁷ Феномен, названный фантастом Фредериком Полом «Чума Мидаса» («The Midas Plague») в одноимённом романе 50-х гг. прошлого века.

и не комфортно. Определённая часть жителей Центра испытывают постоянные фрустрации из-за того, что окружающие не разделяют их завышенной самооценки и как прежде не считают аванажным классом, хотя их семьи и кланы некогда действительно входили в число сливок ереванского общества.

Какая польза от стихийной децентрализации и джентризации?

Они смягчают последствия перенаселения центра. Поэтому государство должно оседлать волну субурбанизации и джентризации окраин, простимулировать эти тренды, чтобы сформировать вокруг Еревана пояс умных и экологически чистых городов-спутников, удобных для жизни в XXI в. и способных рассредоточить избыточное население Еревана. Это особенно актуально в условиях грядущих экологических перемен, связанных с глобальным потеплением. В условиях нагревания атмосферы и грядущего мирового «водного стресса» лучше всего перебираться в предгорья, поближе к водным источникам, например, в окрестности Гарни или Дзорахпюра. Именно там, пожалуй, стоит основать новый «умный город», единственное неудобство – это скользящие оползни в районе Вохчаберда. Это вопрос вопросов, и ответ на него должны дать специалисты. В Армении немало оползневых массивов, и это обстоятельство нельзя не учитывать. Так же, как надо брать в расчёт необходимость удобной транспортной связи нового административного центра с Ереваном, доступность к ней других районов Армении, близость к Араратской долине – главной житнице страны, и неперемнная отдалённость от границы (насколько это вообще возможно в условиях Армении).

Если не мегаполис, то что?

Конечно, прежде чем совершить этот ответственный шаг по переносу резиденции власти, нужно все обдумать, провести научные изыскания, пригласить иностранных специалистов, протащить этот проект через горнило всенародного обсуждения, решение парламента и конституционного суда (так как оппозиция непременно выступит против этой инициативы, хотя ещё пять лет назад вопрос строительства нового города в Араратской долине активно обсуждался в верхах), обозначить приоритетные направления развития будущей столицы. Возможно, оптимальный проект новой столицы должен включать несколько крупных посёлков (шц шл), с перспективой их экстенсивного развития.

Наиболее вероятный сценарий урбанистического развития «Армении пост-2020» предполагает возникновение небольшой агломерации городов, состоящей в первую очередь из расположенного неподалеку от Еревана городка, где будет сосредоточено большинство властных структур (традиционно резиденция власти в древней и средневековой Армении располагалась не в самой столице, а в некотором отдалении, иногда в дне пути от неё). В политической столице должны быть расположены все три ветви государственной власти – законодательной, исполнительной и судебной. Параллельно необходимо построить академгородок, куда будут перенесены академические центры и университеты с кампусами и соответствующей инфраструктурой. Во всём мире университетские города и академические

центры всегда находились далеко за пределами столицы, вдали от политической суеты. Почему Армения должна составлять исключение? Индустриальный (или торгово-промышленный) город, возможно, целесообразно будет перенести в Абовян, Чаренцаван или Бюрегаван, агротехнический посёлок – в Араратскую долину, например, в Армавир, спортивный городок – в Гарни. Вагаршапат-Эчмиадзин должен оставаться духовным центром, а Ереван – культурной и туристической столицей Армении. Ведь вторых таких шедевров зодчества, как Площадь республики, здание Оперы и балета, здание ЖД вокзала с охраняющим его Давидом Сасунским, Каскад и СКК едва ли удастся где-нибудь ещё возвести. И не нужно... Достаточно, если кипучая политическая жизнь республики, раскалённые страсти калейдоскопично меняющихся политических деятелей и оппозиционеров разных мастей переместятся подальше от Еревана и ереванцев, порядком подуставших от зависшей между небом и землёй мятущейся «фронды мегафонных принцев», своими собраниями и шествиями парализующих и без того застопоренную жизнь в городе. Оптимальным решением будет оставить в Ереване резиденцию президента с его аппаратом и обязательно внешнеполитические ведомства, ведь посольства и консульства также пожелают остаться в Ереване. Вообще «саморазгрузка» города должна проходить постепенно и поэтапно и регулироваться работой специальной комиссии. Форсирование процессов только навредит, как и любая другая крайность.

Переезд части населения в специализированные городки агломерации повлечёт за собой значительное сокращение маятниковой миграции – массовых регулярных поездок населения из спального района в центр и обратно. Замечено, что из-за маятниковых миграций территория-источник маятниковых мигрантов на определённый период времени практически «вымирает».

После «разгрузки» города его можно будет «перезагрузить»: расширить тротуары, проложить велосипедные дорожки, «копенгагенизировать»²⁸ некоторые центральные улицы, подобно тому, как это уже сделано на Северном проспекте.

Распределение ресурсов должно происходить по принципу ризомы. Демонтаж большого Центра, на смену которому придёт определённое количество малых центров оптимальных размеров, должен предусматривать санитарные зоны между ними – зелёные насаждения и искусственные водоёмы, определяющие микроклимат городов, что особенно актуально в эпоху глобального потепления. В санитарных зонах должно располагаться общественное пространство, так называемое «третье место» – открытое и незастроенное городское пространство, одинаково доступное для всех жителей и гостей города (common place) [См.: Хархордин 2009, 49–50; Gehl, Gemzøe 2004].

Как должны быть устроены новые города?

Города должны быть равноправны и равнозначны, в агломерации не должно быть явных доминантов, хотя Ереван ещё долго будет сохранять естественный ста-

²⁸ Специальный урбанистический термин, означающий превращение отдельных улиц и кварталов в бестранспортные, пешеходно-велосипедные.

тус города-лидера. Города должны быть «умными» (smart) и удобными, с парковками, электрическими зарядниками для автомобилей, широкими улицами и широкими тротуарами, велодорожками и дворовыми детскими и спортивными площадками. В центре города должен находиться неременный водоём (пруд, озерцо), вокруг которого должны быть парк или аллеи. Значение этого объекта должно выходить за рамки только экологической ниши. В Армении необходимо строить как можно больше водосборников (не широких, но глубоких), чтобы вода с гор не утекала в Аракс и Каспийское море, а собиралось в городах или возле них. В этой зоне нужно запретить строить или устанавливать что-либо кроме навесов от дождя, туалетов, аллей, скамеек и мусорных баков. Мороженое, соки и бутерброды нужно разрешить продавать только с колёс. Не допускать строительства стационарных киосков и палаток, пашлычных и кафешек и, конечно, особняков госчиновников.

Строительство небольшого современного города-резиденции сегодня для Армении – жизненная необходимость. Новый властный центр должен стать, прежде всего мозговым центром, оснащённым самыми продвинутыми интеллектуальными технологиями и имеющим самый высокий уровень кибербезопасности. Современная Армения проигрывает в прокси-войне из-за того, что при наличии интеллектуальной и креативной молодёжи и отдельных представителей интеллигенции, в Армении нет «умной» и креативной элиты. Лишь немногие начинают осознавать, что высокие технологии и кибербезопасность являются если не единственными, то главными условиями выживания в современном мире. Современные протоколы кибербезопасности – вещь недешёвая, но экономить на ней нельзя, последствия могут оказаться катастрофическими.

Превратить Ереван в «умный город» лично мне не представляется возможным. Он – дитя своей эпохи и несёт на себе печать нескольких сменившихся парадигм. Не только устаревшая инфраструктура, но и многие из жителей столицы не готовы к перезагрузке в соответствии с требованиями новой эпохи. Однако и новые города нужно строить «умными» в соответствии не с сегодняшними стандартами, а ориентированными на день завтрашний.

И, конечно, важнейшим вопросом остаётся экология. Наши города давно превратились в острова повышенной температуры. Асфальт поглощает большую часть солнечного света, способствуя образованию тепловых потоков, перегревая воздух в черте города. Стекло и металлические крыши отражают солнечные лучи, приводя к появлению так называемых тепловых островов и повышая температуру внутри помещений в результате парникового эффекта. Кондиционеры, выбрасывая горячий воздух из помещений на улицы, также усиливают эффект теплового острова, неудобство общественного транспорта вынуждает горожан чаще необходимого пользоваться личными автомобилями, которые загрязняют воздух и являются дополнительной нагрузкой на экосистему города. Вместо жестяных крыш предпочтительней иметь крыши с черепичной или хотя бы покрытой не поглощающей тепло изоляционной кровлей, такие крыши меньше раскаляются и не создают эффекта теплового острова. На Востоке продолжают применять тради-

ционные плоские крыши, на которых удобно устанавливать солнечные батареи и резервуары с технической водой.

Жители Еревана и других городов Араратской долины в своих домах летом «поджариваются», как караси на сковороде. Используемые на постсоветском пространстве стройматериалы малопригодны для строительства домов в условиях сильной жары. Их продолжают применять в силу инерции и из-за дешевизны. Железобетонные конструкции быстро раскаляются и хранят тепло из-за металлической арматуры внутри бетонных панелей и блоков. Зимой же арматуры внутри панелей быстро остывают, и дом превращается в холодильник, особенно квартиры, расположенные с торца.

Эту проблему нужно решать традиционными и новейшими техническими методами. Дома должны быть сейсмоустойчивыми, построены из современных легких, теплоизоляционных материалов или из традиционного армянского туфа. Чтобы приспособиться к быстро меняющемуся климату, не нужно изобретать велосипед. Но было бы весьма полезно обратиться к опыту восточных городов, в том числе Вавилона, Александрии, Тушпы-Вана, Тигранакерта или Алма-Аты советского периода²⁹. Известно, что классические восточные города занимали значительную территорию. Однако население в них было сосредоточено по большим и малым посёлкам, между которыми были сады и огороды.

При строительстве нужно использовать элементы архитектуры Ближнего Востока, например машрабию – узорную деревянную решётку, закрывающую балкон или эркер (выступающее за плоскость фасада окно верхних этажей). Машрабия способствует притоку свежего воздуха и защищает от прямых солнечных лучей. Она встречается во многих ближневосточных регионах. На многих зданиях в Персидском заливе также можно видеть бадгиры – ветровые башни, служащие для

²⁹ Александрия была городом смешанного типа, вроде Вавилона, такая же огромная – на восточный манер. Она была агломерацией посёлков, в промежутках между которыми были своего рода вертоград, в которых горожане выращивали финиковые пальмы и различные сельхозкультуры. В промежутках между посёлками были сады и водоёмы, воду в которые тянули из Нила. Сады имелись и по периметру, что защищало город от песчаных бурь и делало воздух свежим и прохладным.

Марцеллин сообщает: «Сама Александрия не выростала, как другие города, постепенно, но при самом основании заняла огромное пространство» [Res Gestae: XXII, 15]. Среди историков нет единого мнения о том, действительно ли площадь эллинистических городов была столь огромной, как это описывается в произведениях античных авторов. Многим это кажется выдумкой или гиперболизацией, другие считают сообщаемые в античных источниках данные верными, но уточняют, что речь идёт не только об урбанизированной части эллинистических городов, но и об огромной территории, используемой под сады и бахчевые культуры. В Армении такую территорию называли Айгестан – вертоград, от айги (այ գ ի) – плодовый сад, парк; на Руси такую территорию города называли «посадам». Различные цифры, показывающие количество жителей эллинистических городов, варьируются в зависимости от того, кого современники считали истинными горожанами: жителей только урбанизированной части города или также посадских, жителей вертоград. К примеру, в Ване начала XX в. проживавшие в мусульманском окружении армяне из Кахакамеджа (քաղաքի ներքինը, дословно – «Внутренний город», «Детинец») вели себя весьма заносчиво и пренебрежительно в отношении своих многочисленных соотечественников из Айгестана, не считая их носителями городских ценностей – горожанами в подлинном смысле этого слова.

естественной вентиляции помещений. В нижней части бадгира, что в переводе означает «ветролов», имеются створки, которые закрывают и открывают в зависимости от направления ветра. Аналогичный принцип применяется в современных системах охлаждения воздуха. Для максимального затенения и содействия воздухообмену следует использовать и другие структурные элементы зданий, в том числе башни, крытые галереи (клуатры) и купола, позволяющие увеличить объём воздуха внутри помещения и снизить нагрев от солнца. Цель подобных конструкций – путём создания разности температур способствовать возникновению сквозняка с целью охлаждения помещений, причём независимо от силы ветра на улице [См.: Амин Аль-Хабайбех 2019].

Одновременно муниципальные власти должны стимулировать насаждение вьюнов-многолетников, ползучих растений, способных обвить фасад и пристройки. Опыт показывает, что летом они понижают температуру на 2–3 градуса. На улицах летом необходимо использовать водяные распылители и возродить традиции уличных фонтанчиков для питья (цайтахпур).

Вместе с тем, необходимо запретить строительство непрозрачных заборов и ограждений перед фасадом здания, положить конец строительству «китайских стен» вокруг особняков олигархов, госчиновников и криминальных авторитетов.

Город должен быть умным, здоровым и безопасным, и в нём, по образному выражению Гейла, должно хотеться жить [Gehl 2010; Гейл 2012].

Наш прекрасный Ереван обладает целым рядом достоинств. По определению Яна Гейла, в городе должно быть открытое и свободное пространство. Должны быть места, где можно Ходить (Walking) [Gehl 133–145], Стоять (Standing) [Gehl 1987, 145–154] и Сидеть (Sitting) [Gehl 1987, 155–162]. А также должны быть места, где можно Видеть, Слышать и Говорить (Seeing, Hearing, and Talking) [Gehl 1987, 163–171] и Места, приятные во всех отношениях (Pleasant Place in Every Respect) [Gehl 1987, 171–182].

Это то, что в древнем Риме и в средневековых итальянских городах называлось RES PUBLICA [см.: Res publica 2009; Хархордин 2009, 45–73]. В Ереване есть, где Сидеть (бесчисленные кафешки на открытом воздухе, где даже зимой можно посидеть рядом с жаркой печкой, попить кофейку или красного вина), и маленькие ресторанчики и духаны (кабаки), есть публичные места, где можно видеть, слышать и говорить (Театральная площадь, пятачок перед Матенадараном и Площадь республики) – то, что Цицерон называет «достояние народа», «телом» (corpus) RES PUBLICA. Если бы в Ереване не было этого публичного пространства – открытых площадей, спланированных А. Таманяном, не было бы и Революций последних более чем трёх десятков лет. Интуитивно чувствуя в этих площадях опасность для себя, власть предержащие всегда старались сузить это публичное пространство, превратив его в места для парковки дорогих автомобилей, VIP кафе и ресторанов и пр. Однако эти важнейшие объекты RES PUBLICA всё ещё есть и функционируют и сопротивляются наступлению олигархических объектов, построенных во вкусе «новых армян» 90–00-х гг. Цицерон различает город (urbs) и RES PUBLICA. Без «общих мест» республиканский город превращается всего лишь в urbs [Хархордин 2009, 65–73]. Цицерон приводит пример красивейшего и

богатого эллинистического средиземноморского города Сиракузы, где в период правления тирана Дионисия «... народу не принадлежало ничего, а сам народ принадлежал одному человеку» [Цицерон 1966, 66; Хархордин 2009, 63]. И сегодня есть красивые города, принадлежащие одному человеку и даже названные в их честь.

Но в Ереване нет мест, где можно Ходить и Стоять, что отмечают практически все туристы из США, Европы и России. Передвижение в Ереване крайне затруднено, не только на четырёх- и двухколёсном транспорте, но и пешком. Поэтому новые «мелкобуржуазные»³⁰ города должны иметь места, где можно Ходить (с коляской или придерживая за руку ребёнка) и Стоять, где можно припарковаться и, конечно, Посидеть в тенечке на скамейке или в открытой «кафешке» выпить ледяного кофе-глясе или напёрсток густого горячего кофе по-восточному. Но об этом можно не беспокоиться, культура открытых, *à la manière française*, расположенных практически на проходной части улицы кафе в нас укоренилась достаточно глубоко, и отказываться от неё никто не собирается. Ереван и Гюмри должны оставаться культурными центрами и Меккой для туристов, остальные же посёлки агломерации должны быть для людей, которые в них живут. Городской ландшафт, архитектура, дизайн должны быть заострены на постоянное повышение качества жизни. Этот процесс займёт много времени, возможно, не одно десятилетие, но начинать нужно уже сейчас.

Социетальный эффект от переноса столицы не менее важен, нежели экономический и экологический. Перенос столицы приведёт к деэлитизации социума, точнее, на смену исключительно тонкой прослойке современной конформистской и паразитической квазиэлиты, сосредоточившей в своих руках все ресурсы и самой сосредоточившейся в Малом центре, придут рассредоточенные малые элиты, ответственные за доверенные им малые участки RES PUBLICA и готовые отвечать за них.

Заключение

Человечество пережило несколько витков урбанизации, которые с определёнными интервалами, подобно приливам и отливам, следовали друг за другом. За взлётом урбанизма обычно следовал спад и начинались периоды деурбанизации.

³⁰ Не стоит впадать во фрустрацию от выражения «мелкобуржуазный». Даже пролетарский поэт В. Маяковский по этому поводу оговаривался: «Не поймите меня на слове, я вовсе не против мещанского сословия Мещанам без различия классов и сословий моё славословие». С легкой руки большевиков в русском языке термин «мелкая буржуазия» получил негативную коннотацию. Хотя изначально во Франции это слово обозначало почтенных граждан, владеющих собственностью и ведущих достойную жизнь. Согласно «Марксистской энциклопедии»: «Мелкая буржуазия — класс мелких собственников города и деревни при системе товарного хозяйства, живущих исключительно или главным образом собственным трудом». В современном английском языке «мелкая» и «средняя буржуазия» (the petty bourgeoisie) = среднему классу (the middle class). В русском языке мелкая буржуазия (от фр. *bourg* – посёлок, посад, местечко, городок) обозначалась также термином «мещанство», «городское население». Не олигархат и не пролетариат являются основой и опорой любого процветающего и стабильного общества, а «средний класс», состоящий из успешных и законопослушных семейных людей.

Последний виток урбанизации стал порождением индустриальной цивилизации, пик которой пришёлся на вторую половину XIX – вторую половину XX вв. Начало постиндустриальной эры естественным образом совпало с деурбанизацией и субурбанизацией больших городов и мегаполисов. На определённом этапе во многих странах эти явления, особенно процесс субурбанизации, стал отслеживаться и использоваться государственными и общественными институтами. Начавшись стихийно, субурбанизация со временем приняла организованный и направленный характер, что проявлялось в поддержке переселенческих тенденций жителей мегаполиса за черту города, иногда в отдалённые, но созданные для жизни города и посёлки вдали от мегаполисов. Это помогло многим странам «разгрузить» города и сбить социальный и политический накал. В Армении субурбанизация до сих пор протекает стихийно и неорганизованно, хотя в наших условиях государству имеет смысл взять эти процессы под контроль и использовать для создания вокруг Еревана нескольких (хотя бы двух-трёх) мелкобуржуазных городов и посёлков и заселения их успешными молодыми семьями, куда будут перенесены вначале политико-административный центр страны, а позднее, в другие посёлки будут переведены промышленность, а также спорт, наука и образование. Благодаря этому Ереван разгрузится, а стихийное разрастание города за счёт центра будет остановлено. Так в Армении будет создана атмосфера для возрождения и укрепления экономического, военного и политического потенциала.

Город – субстанция материальная (и одновременно духовная), его легко представить и в него легче поверить, нежели в умозрительную идею возрождения нации. Строительство New-Имярек (назвать его можно по-разному) может стать той идеей, вокруг которой сплотятся все армяне и их друзья, – национальной идеей. Этот город может стать нашим пропуском в будущее. Ереван же навсегда останется городом нашей мечты...

Р. С. Единственное, чего следует опасаться, – это геттоизации Еревана. Во многих странах одной из причин ускоренной деурбанизации стала геттоизация заброшенных промышленных районов. Так, Париж оказался заселён выходцами из стран Магриба, Юго-Восточной Азии и Восточной Европы³¹, пригороды Лондона – выходцами из Индии, Пакистана и Африки. По мере того, как мигранты из гетто подтягивались в центр, мелкобуржуазная часть городского сообщества покидала столицы и обосновывалась в провинциальных городках или особых закрытых кварталах, куда доступ чужакам закрыт. А сам Париж был отдан на откуп госчиновникам, муниципальным работникам, музейщикам, туристам, мигрантам и силовикам. После переноса столицы Казахстана в Нур-Султан геттоизация поразила и «русскую», «совковую» Алма-Ату. Хочется, чтобы Еревану удалось избежать подобной участи. Для этого у Еревана есть все предпосылки, нужно только ими воспользоваться.

³¹ См. кинофильмы: *Banlieue 13* (Квартал 13), 2004; *Qu'est-ce qu'on a fait au Bon Dieu?* (Безумная свадьба, 2014).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Res publica 2009 — RES PUBLICA: История понятия. Res publica: история понятия / Пер. с нем. В. В. Серов, пер. с лат. О. Ю. Бойцова; науч. ред. О. В. Хархордин. Санкт-Петербург, 2009.
- Акопян 1987 — *Акопян Т.* Города исторической Армении. Ереван, 1987. На армянском языке.
- Алексеева 2019 — *Алексеева Е.* Либо шедевр, либо уродство // NUR.KZ. 24.02.2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.nur.kz/1780317-libo-sedevr-libo-urodstvo-ila-varlamov-ocenil-arhitekturu-astany.html> (дата обращения: 26.09.2021).
- Алматы 2015 — Алматы попал в рейтинг худших городов мира // Крыша. 2.11.2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://krisha.kz/content/news/2015/almaty-popal-v-reyting-hudshih-gorodov-mira> (дата обращения: 26.09.2021).
- Аль-Хабайбех 2019 — *Аль-Хабайбех А.* Города в эпоху глобального потепления: уроки традиционного зодчества // Курьер ЮНЕСКО. 2019. № 4. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.unesco.org/courier/2019-4/goroda-v-epohu-globalnogo-potepleniya-uroki-tradicionnogo-zodchestva> (дата обращения 29.09.2021).
- Антонян 2012 — *Антонян Ю.* Современная армянская интеллигенция: дискурсы самоидентификации и самовосприятия // Laboratorium. 2012. № 1. С. 205–209.
- Арутюнян 1964 — *Арутюнян В.* Город Ани. Ереван, 1964.
- Батухтин 2021 — *Батухтин Г.* Браунфилды: инструкция по применению. Академгородок 2021 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://academcity.org/content/braunfildy-instrukciya-po-primeneniyu> (дата обращения: 19.09.2021).
- Бродель 1986 — *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV—XVIII вв. Т. I. Структуры повседневности: Возможное и невозможное. Москва, 1986.
- В Одессе 2019 — В Одессе борьба с нахалстроем идёт с переменным успехом // Нахаловка Ростовская. 29.01.2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://zen.yandex.ru/media/id/5c04245dbf4b0f04178242a3/v-odesse-borba-s-nahalstroem-idet-s-peremennym-uspehom-5c4f72f93f060000adf5d811> (дата обращения: 12.09.2021).
- Варламов 2014 — *Варламов И.* Астана // Teletype. 2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://varlamov.ru/1009138.html> (дата обращения: 19.09.2021).
- Варламов 2019 — *Варламов И.* Что не так с Астаной: городская среда. Teletype. 20.02.2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://varlamov.ru/3316176.html> (дата обращения: 19.09.2021).
- Варламов 2020 — *Варламов И.* Ереван, который надо снести. Или нет? 02.03.2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fishki.net/3245734-erevan-kotoryj-nado-snesti-ili-net.html> (дата обращения: 20.09.2021).

- Власов 2004 – Власов В. Г. Ампи́р, или «Стиль Империи» // Новый энциклопедический словарь изобразительного искусства. В 10 томах. Т. I. Санкт-Петербург, 2004. С. 219–229.
- Гершман 2014 – Гершман А. Застройка в стиле Birdshit. 04.10.2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://urbanblog.ru/112416.html> (дата обращения: 26.09.2021).
- Гиляровский 2006 – Гиляровский В. А. Москва и москвичи. Москва, 2006.
- Имангалиев 2021 – Имангалиев Б. Культ ковров, белых внедорожников и самодурство: за что российского блогера Илью Варламова невзлюбили в Казахстане // Караван. 17.09.2021. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.caravan.kz/news/kult-kovrov-belykh-vnedorozhnikov-i-samodurstvo-za-chto-rossijskogo-blogera-ilyu-varlamova-nevzlyubili-v-kazakhstan-739805/> (дата обращения: 19.09.2021).
- Кнабе 1980 – Кнабе Г. С. Теснота и история в Древнем Риме // Культура и искусство античного мира. Материалы научной конференции – 1979. Москва, 1980. С. 385–405.
- Козыренко 2020 – Козыренко Н. Е. Архитектура сталинского ампира в Китае // Урбанистика. 2020. № 4. С. 1–17.
- Козыренко 2021 – Козыренко Н. Е. Архитектура Китая: сталинский ампи́р и новая народная архитектура // Инновации и инвестиции. 2021. № 3. С. 266–269.
- Косенов 2015 – Косенов А. Датскому архитектору доверили изменить облик Алматы // Tengrinews.Kz. 09.03.2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/datskomu-arhitektoru-doverili-izmenit-oblik-almatyi-271284 (дата обращения: 26.09.2021).
- Кочетов 1991 – Кочетов В. А. Римский бетон. Москва, 1991.
- Кошель 2003 – Кошель П. Возникший волею Петра. История Санкт-Петербурга с древних времён до середины XVIII века. Москва, 2003.
- Кресников 2010 – Кресников Т. В «грязном» списке «засветились» 4 города СНГ // Интерфакс-Запад. 16.01.2010. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://interfax.by/news/turizm/konsultant/57733/> (дата обращения: 26.09.2021).
- Маргарян 2007 – Маргарян Е. Г. Аршакаванская эллинистическая политея и Град Небесный Нерсеса Великого. Ереван, 2007.
- Маргарян 2013 – Маргарян Е. Г. Ани – город мечты. Город-миф. Город-утопия // Историко-культурное наследие Ширака. Гюмри, 2013. С. 27–37.
- Маргарян 2021 – Маргарян Е. Эллинизм и его трансформации. Проблемы периодизации, универсализации и преемственности. Ереван, 2021.
- Мирошниченко 2017 – Мирошниченко А. Каким ты стал, мой наклонный город? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://voxprouli.kz/kakim-ty-stal-moynaklonnyu-gorod-13586/> 5.10.2017 (дата обращения: 26.09.2021).
- Назарбаев хочет запретить 2007 – Назарбаев хочет запретить любое строительство в Алма-Ате // Lenta.ru. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2007/04/23/almaata/> 23.04.2007 (дата обращения: 26.09.2021).
- ТАСС 2021 – Путин считает, что некоторые офисы крупных компаний стоит перевести из Москвы в Сибирь. ТАСС [Электронный ресурс]. Москва. 30.06.2021. Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/11787957> (дата обращения: 20.09.2021).

- Саакашвили поддержал перенос 2009 – Саакашвили поддержал перенос парламента из Тбилиси. 21.07.2009. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://world.segodnya.ua/world/caakashvili-poderzhal-ideju-perenecti-parlament-iz-tbilici-v-kutaici-167051.html> (дата обращения: 19.09.2021).
- Саденова 2020 – Саденова С. Живут в Лондоне и пилят деревья в Алматы. Репортаж ORDA из Sulpak. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://orda.kz/zhivut-v-londone-i-piljat-derevja-v-almaty-v-chem-obvinjajut-sulpak/#part=2> 27.11.2020 (дата обращения: 26.09.2021).
- Сергеенко 2000 – Сергеенко М. *Жизнь Древнего Рима*. Санкт-Петербург, 2000.
- Соловьёв 2015 – Соловьёв С., Ключевский В. От истоков до монгольского нашествия. Москва, 2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://libcat.ru/knigi/nauka-i-obrazovanie/istoriya/103968-3-vasilij-klyuchevskij-luchshie-istoriki-sergej-solovev-vasilij-klyuchevskij-ot-istokov-d.html#text> (дата обращения: 01.09.2021).
- Сочивко 2018 – Сочивко С. Шойгу устал от «разжиревшей Москвы». Министр обороны вновь предложил перенести столицу за Урал. *Свободная Пресса*. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://svpressa.ru/society/article/212277/> 5.11.2018 (дата обращения: 26.09.2021).
- Степанян, Симян 2012 – Степанян А. А., Симян С. Т. Ереван как семиотический текст (опыт реконструкции «начала» и «конца» проспекта Маштоца) // Критика и семиотика. 2012. Вып. 16. С. 6–16.
- Хархордин 2009 – Хархордин О. В. Была ли республика вещью? // Что такое республиканская традиция: Сборник статей. Вып. 3 / Ред. О. В. Хархордин. Санкт-Петербург, 2009.
- Цельтнер 1983 – Цельтнер В. Мир искусства Ара Арутюняна // Искусство. 1983. № 12. С. 18–25.
- Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. – Москва, 1966.
- Чехов 2010 – Письмо М. М. Чехову, 4 ноября 1877 г. // Культурно-просветительский интернет-портал «Антон Павлович Чехов». 16.01.2010. <https://www.antonchegov.info/606-m-m-chexovu.html> (дата обращения: 26.09.2021).
- Штурм и протесты 2021 – Штурм и протесты: в Одессе борются с очередным нахалстроєм // СтройОбзор. 09.07.2021. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://stroyobzor.ua/ru/odessa/news-city/shturm-i-protesty-v-odesse-boryutsya-s-ocherednym-nakhalstroem> (дата обращения: 12.09.2021).
- Шуази 1935 – Шуази О. *История архитектуры*. Москва, 1935.
- Элькинд 2020 – Элькинд А. Материмся как москвичи, живём, правда, похуже. Seldon. News. 04.01.2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/221407268/> (дата обращения: 26.09.2021).
- Berg, Scott 2007 – Berg S., Scott W. *Grand Avenues: The Story of the French Visionary Who Designed Washington. D.C.* / New York, 2007.
- Gehl 1987 – Gehl J. *Life between Buildings: Using Public Space*. New York, 1987.
- Gehl 2006 – Gehl J. et al. *New City Life*. Copenhagen, 2006.
- Gehl 2010 – Gehl J. *Cities for People*. Washington, 2010.

- Gehl, Gemzøe 2000 – Gehl J., Gemzøe L. *New City Spaces*. Copenhagen, 2000.
 Gehl, Gemzøe 2004 – Gehl J., Gemzøe L. *Public Spaces, Public Life*. Copenhagen, 2004.
 Gehl, Svarre 2013 – Gehl J., Svarre B. *How to Study Public Life*. Washington, 2013.

REFERENCES

- Alekseeva 2019 – Alekseeva E. Either a masterpiece or ugliness. *NUR.KZ*. 24.02.2019. URL: <https://www.nur.kz/1780317-libo-sedevr-libo-urodstvo-ila-varlamov-ocenil-arhitekturu-astany.html>. In Russian.
- Al-Habaybeh 2019 – Al-Habaybeh A. Cities in the era of global warming: lessons of traditional architecture. *UNESCO Courier*. 2019. 4. URL: <https://ru.unesco.org/courier/2019-4/goroda-v-epohu-globalnogo-potepleniya-uroki-tradicionnogo-zodchestva>. In Russian.
- Almaty 2015 – Almaty got into the rating of the worst cities in the world. *Roof*. 2.11.2015. URL: <https://krisha.kz/content/news/2015/almaty-popal-v-reyting-hudshih-gorodov-mira>. In Russian.
- Antonyan 2012 – Antonyan Yu. Modern Armenian intelligentsia: discourses of self-identification and self-perception. *Laboratory*. 2012. 1. P. 205–209. In Russian.
- Assault and protests 2021 – Assault and protests: in Odessa they are fighting with another impudent construction. *StroyObzor*. 09.07.2021. URL: <https://stroyobzor.ua/ru/odessa/news-city/shturm-i-protesty-v-odesse-boryutsya-s-ocherednym-nakhalstroem>. In Russian.
- Batukhtin 2021 – Batukhtin G. Brownfields: instructions for use. *Akademgorodok 2021* URL: <https://academcity.org/content/braunfildy-instrukciya-po-primeneniyu>. In Russian.
- Braudel 1986 – Braudel F. *Material civilization, economy and Capitalism of the XV–XVIII centuries*. Vol. I. Structures of everyday life: Possible and impossible. Moscow, 1986.
- Chekhov 1877 – Letter to M. M. Chekhov, November 4, 1877. *Cultural and educational Internet portal "Anton Pavlovich Chekhov"*. 16.01.2010. URL: <https://www.anton-chehov.info/606-m-m-chexovu.html>. In Russian.
- Choisy 1935 – Choisy O. *History of Architecture*. Moscow, 1935. In Russian.
- Cicero. *Dialogues. About the state. About the laws*. Moscow, 1966.
- Elkind 2020 – Elkind A. We swear like Muscovites, we live, however, worse. *Seldon News* 04.01.2020. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/221407268> (date of request: 26.09.2021). In Russian.
- Gershman 2014 – Gershman A. Building in the style of Birdshit. 04.10.2014. URL: <https://urbanblog.ru/112416.html>. In Russian.
- Gilyarovskiy 2006 – Gilyarovskiy V. A. *Moscow and Muscovites*. Moscow, 2006. In Russian.
- Hakobyan 1987 – Hakobyan T. *Cities of historical Armenia*. Yerevan, 1987. In Armenian.
- Harutyunyan 1964 – Harutyunyan V. *The city of Ani*. Yerevan, 1964. In Russian.
- Imangaliev 2021 – Imangaliev B. The cult of carpets, white SUVs and tyranny: why Russian blogger Ilya Varlamov was disliked in Kazakhstan. *Caravan*. September 17, 2021.

- URL: <https://www.caravan.kz/news/kult-kovrov-belykh-vnedorozhnikov-i-samodurstvo-za-chto-rossijskogo-blogera-ilyu-varlamova-nevzlyubili-v-kazakhstane-739805>. In Russian.
- In Odessa 2019 – In Odessa, the fight against nakhalstroy is going on with varying success. *Nakhalovka Rostovskaya*. 2019. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5c04245dbf4b0f04178242a3/v-odessa-borba-s-nahalstroem-idet-s-peremennym-uspehom-5c4f72f93f060000adf5d811>. In Russian.
- Kharkhordin 2009 – Kharkhordin O. V. Was the republic a thing? What is the Republican tradition: A collection of articles. Ed. by O. V. Kharkhordin. Issue 3. St. Petersburg. 2009. In Russian.
- Knabe 1980 – Knabe G. S. Tightness and history in Ancient Rome. *Culture and art of the ancient world. Materials of the scientific conference - 1979*. Moscow, 1980. P. 385–405. In Russian.
- Kochetov 1991 – Kochetov V. A. Roman concrete. Moscow, 1991. In Russian.
- Kosenov 2015 – Kosenov A. The Danish architect was entrusted to change the appearance of Almaty. *Tengrinews.Kz*. 2015. URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/datskomu-arhitektoru-doverili-izmenit-oblik-almaty-271284. In Russian.
- Kozyrenko 2020 – Kozyrenko N. E. Architecture of the Stalinist Empire in China. *Urbanistics*. 2020. 4. P. 1–17. In Russian.
- Kozyrenko 2021 – Kozyrenko N. E. Architecture of China: the Stalinist Empire and New Folk Architecture. *Innovation and Investment*. 2021. 3. P. 266–269. In Russian.
- Kresnikov 2010 – Kresnikov T. 4 CIS cities "lit up" in the "dirty" list. *Interfax-West*. 16.01.2010. URL: <https://interfax.by/news/turizm/konsultant/57733>. In Russian.
- Margaryan 2007 – Margaryan Ye. Arshakavan Hellenistic Polytheia and the Heavenly City of Nerses the Great. Yerevan, 2007. In Russian.
- Margaryan 2013 – Margaryan Ye. Ani – the city of dreams. The city is a myth. The city is a utopia. *Historical-Cultural Heritage of Shirak. Modern Problems of Armenology*. Gyumri, 2013. P. 27–37. In Russian.
- Margaryan 2021 – MargaryanYe. Hellenism and its transformations. Problems of periodization, universalization, and continuity. Yerevan, 2021. In Russian.
- Miroshnichenko 2017 – Miroshnichenko A. What have you become, my inclined city? URL: <https://voxpopuli.kz/kakim-ty-stal-moy-naklonnyy-gorod-13586>. In Russian.
- Nazarbayev wants to ban 2007 – Nazarbayev wants to ban any construction in Almaty. *Lenta.ru*. URL: <https://lenta.ru/news/2007/04/23/almaata>. In Russian.
- Koshel 2003 – Koshel P. Originated by the will of Peter. The history of St. Petersburg from ancient times to the middle of the XVIII century. Moscow, 2003. In Russian.
- TASS 2021 – Putin believes that some offices of large companies should be moved from Moscow to Siberia. TASS. Moscow, 30.06.2021. URL: <https://tass.ru/ekonomika/11787957>. In Russian.
- Res publica 2009 – RES PUBLICA: The History of the Concept. Res publica [Text]: the history of the concept: [collection of articles] / Translated from German by V. V. Serov, translated from Latin by O. Yu. Boytsova; scientific ed. by O. V. Kharkhordin. St. Petersburg, 2009. In Russian.

- Sadenova 2020 – Sadenova S. Live in London and cut trees in Almaty. *ORDA report from Sulpak*. URL: <https://orda.kz/zhivut-v-londone-i-piljat-derevja-v-almaty-v-chem-obvinjajut-sulpak/#part=2>. In Russian.
- Sahakashvili supported Tbilisi 2009 – Sahakashvili supported the transfer of parliament from Tbilisi. 21.07.2009. URL: <https://world.segodnya.ua/world/caakashvili-poderzhal-ideju-perenecti-parlament-iz-tbilici-v-kutaici-167051.html>. In Russian.
- Sergeenko 2000 – Sergeenko M. The Life of Ancient Rome. St. Petersburg, 2000. In Russian.
- Sochivko 2018 – Sochivko S. Shoigu tired of “fattened Moscow”. The Minister of Defense again proposed to move the capital beyond the Urals. *Free Press*. 5.11.2018 URL: <https://svpressa.ru/society/article/212277>. In Russian.
- Solovyov 2015 – Solovyov S., Klyuchevsky V. From the origins to the Mongol invasion: [collection]. Moscow, 2015. URL: <https://libcat.ru/knigi/nauka-i-obrazovanie/istoriya/103968-3-vasilij-klyuchevskij-luchshie-istoriki-sergej-solovev-vasilij-klyuchevskij-ot-istokov-d.html#text>. In Russian.
- Stepanyan, Simyan 2012 – Stepanyan A. A., Simyan S. T. Yerevan as a semiotic text (experience of reconstruction of the "beginning" and "end" of Mashtots Avenue). *Criticism and Semiotics*. Vol. 16. 2012. P. 6–16. In Russian.
- Varlamov 2014 – Varlamov I. Astana. *Teletype*. 2014. URL: <https://varlamov.ru/1009138.html>. In Russian.
- Varlamov 2019 – Varlamov I. What’s wrong with Astana: urban environment. *Teletype*. 20.02.2019. URL: <https://varlamov.ru/3316176.html>. In Russian.
- Varlamov 2020 – Varlamov I. Yerevan, which should be demolished. Or not? 02.03.2020. URL: <https://fishki.net/3245734-erevan-kotoryj-nado-snesti-ili-net.html>. In Russian.
- Vlasov 2004 – Vlasov V. G. Empire, or "Empire style". *New Encyclopedic Dictionary of Fine Art*. In 10 vols. V. I. St. Petersburg, 2004. P. 219–229. In Russian.
- Zeltner 1997 – Zeltner V. The world of art Ara Harutyunyan. *Art*. 1983. 12. In Russian.

Материал поступил в редакцию 20.08.2021,
принят к публикации 19.09.2021

ГОРОД КАК КУЛЬТУРНЫЙ ЛОКУС

DOI: <https://doi.org/10.34680/urbis-2021-1-77-90>

ЦАРСКОСЕЛЬСКИЙ ТЕКСТ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ: СТРУКТУРА И ДИНАМИКА

О. А. Гриневич

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Беларусь
olga.grinevich.1994@mail.ru

В статье рассматривается царскосельский текст как один из локальных сверхтекстов русской литературы. Исследователи выделяют комплекс мифологем, образов и мотивов, позволяющих объединить тексты разных авторов в сверхтекстовое единство на основе семантических критериев (Г. Т. Савельева, Г. П. Козубовская, А. В. Никулина, С. В. Кулешова, А. Арьев). Цель настоящей статьи – проследить, как инвариантная структура сверхтекста может трансформироваться в процессе его функционирования. Для этого сверхтекст рассматривается не только на уровне семантики, но и на уровнях синтактики и прагматики. Семантическое ядро царскосельского текста составляют две мифологемы (город царей и город поэтов). Данные мифологемы представлены в тексте посредством системы образов и мотивов (образы соловья и лебедя, образы царскосельских статуй, мотивы воспоминания, сна, смерти). Ключевым механизмом динамики является метонимическое замещение целого (Царское Село) частью (образы-символы, связанные с этим местом). На уровне синтактики складываются устойчивые сюжетные и синтаксические конструкции, регулирующие воспроизведение семантических элементов, ключевой из которых является сюжет / жанр прогулки. Первая фаза сюжета – «подвижные картины» (визуальные впечатления, которые находятся в поле зрения перемещающегося в пространстве лирического субъекта). Вторая фаза – обращение к Другому (прежнему жителю этих мест, культовой фигуре). Трансформация данной сюжетной схемы может происходить в результате автономизации фаз сюжета, а также иронической рефлексии над объектами описания и адресатом (фигура Другого). В диахроническом аспекте большую роль играют коммуникативные процессы: в ходе функционирования сверхтекста формируются разные коммуникативные регистры (точки зрения автора и адресата стихотворения, интертекстуальный и интермедиаальный диалог). На уровне прагматики разрабатываются оппозиции поэтического и прозаического слова, вербального и визуального. Оппозиция поэзия – проза затрагивает представления о приемлемом для поэзии / прозы объекте изображения, которые меняются на протяжении функционирования царскосельского

Для цитирования:

Гриневич О. А. Царскосельский текст в русской поэзии: структура и динамика // *Urbis et Orbis. Микроистория и семиотика города*. 2021. № 1. С. 77–90.
DOI: <https://doi.org/10.34680/urbis-2021-1-77-90>

For citation:

Grinevich O. A. Tsarskoye Selo text in Russian Poetry: structure and dynamics. *Urbis et Orbis. Microhistory and Semiotics of the City*. 2021. 1. P. 77–90.
DOI: <https://doi.org/10.34680/urbis-2021-1-77-90>

текста. Начиная с эпохи модернизма в поле зрения лирического субъекта попадают предметы, относящиеся к сфере повседневности («смирненной прозы»). Эти образы противопоставлены конвенциональному визуальному коду, который включает в себя, прежде всего, царскосельские статуи (девушка с разбитым кувшином, статуя мира, памятник Пушкину). Осмысление элементов визуального кода происходит в процессе интертекстуального диалога между прецедентным текстом и его последующими трактовками. Таким образом, одним из ключевых механизмов развития царскосельского текста является диалог, который проявляется на трёх уровнях: субъектной структуры, интертекстуальном (диалог с претекстом) и интермедийальном (взаимодействие вербального и визуального кода).

Ключевые слова: царскосельский текст, свертхтекст, интертекст, интермедийальность, диалог.

TSARSKOYE SELO TEXT IN RUSSIAN POETRY: STRUCTURE AND DYNAMICS

Olga Grinevich

Yanka Kupala State University of Grodno, Belarus
olga.grinevich.1994@mail.ru

The article examines the Tsarskoye Selo text as one of the local supertexts of Russian literature. Researchers identify a complex of mythologemes, images, and motifs that make it possible to combine the texts of different authors into a supertext based on semantic criteria. The purpose of this article is to trace how the invariant structure of a supertext can be transformed in the course of its functioning. For this, supertext is considered not only at the level of semantics, but also at the levels of syntactics and pragmatics. The semantic core of the Tsarskoye Selo text is made up of two mythologemes (the city of kings and the city of poets). These mythologemes are presented in the text through a system of images and motives (images of a nightingale and a swan, images of Tsarskoye Selo statues, motives of memory, sleep, death). The key mechanism of dynamics is the metonymic replacement of the whole (Tsarskoe Selo) with a part (image-symbols associated with this place). At the syntactic level, stable plot and syntactic constructions are formed that regulate the reproduction of semantic elements, the key of which is the plot/genre of the walk. The first phase of the plot is «moving pictures» (visual impressions that are in the field of vision of a lyrical subject moving in space). The second phase is an appeal to the Other (the former resident of these places, a cult figure). The transformation of this plot scheme can occur as a result of the autonomization of the phases, as well as ironic reflection on the objects of description and the addressee (the figure of the Other). In the diachronic aspect, communication processes are important: during the development of the supertext, various communicative registers are formed (the points of view of the author and addressee of the poem, intertextual and intermedial dialogue). At the pragmatic level, oppositions of poetry and prose, verbal and visual are developed. The opposition poetry – prose concerns the idea of an object of description acceptable to poetry/prose. These ideas change during the functioning of the Tsarskoye Selo text. Beginning with the era of modernism, subjects related to the sphere of everyday life fall into the field of view of the lyrical subject. These images are contrasted with the conventional visual code, which includes, first of all, statues of Tsarskoye Selo (a girl with a

broken jug, a statue of peace, a monument to Pushkin). Understanding the elements of the visual code occurs during the intertextual dialogue between the case text and its following interpretations. Thus, one of the key mechanisms for the development of the Tsarskoye Selo text is dialogue, which manifests itself at three levels: at the level of the subject structure, at the intertextual level (dialogue with the pretext), and at the intermediate level (interaction of the verbal and visual code).

Keywords: Tsarskoye Selo text, supertext, intertext, intermediality, dialogue.

Осмысление Царского Села как пространства, генерирующего культурные смыслы и потому значимого для национальной культуры, стало возможным, главным образом благодаря его роли в биографии А. С. Пушкина. Царскосельский Лицей и связанные с ним прецедентные имена образовали мифогенное ядро, вокруг которого сложился царскосельский текст русской литературы. Исследователи данного сверткста на разном материале описали систему мифологем, мотивов и образов, которые составляют его семантический центр [Савельева 1996; Козубовская 2009; Никулина 2011; Кулешова 2014; Арьев 2014].

Цель статьи – выявить инвариантную структуру данного сверткста, а также проследить его динамику не только с точки зрения семантики, но и на уровнях синтактики и прагматики. Для того чтобы учесть разные типы контекстуальных связей в структуре сверткста, нужно рассматривать его с позиций системного подхода, то есть как часть коммуникативной системы «автор – художественное произведение – читатель», в которой большую роль играют прямые и обратные связи между автором, читателем, традицией и исторической ситуацией. Как будет изложено далее, царскосельский текст включает не только мифологемы о Царском селе, систему устойчивых мотивов и образов. Необходимо учитывать связи и отношения, которые складываются между ними (устойчивый сюжет), а также между текстом и контекстами, взаимодействия между разными художественными языками внутри сверткста. Так, для царскосельского текста большую роль играют отношения между поэзией и прозой (представлениями о поэтическом и прозаическом на разных этапах развития сверткста).

Царскосельский текст зарождается в первой половине XVIII в. как ответвление усадебного текста. Оба сверткста разрабатывают семантические оппозиции природа – цивилизация, частное – государственное, однако их осмысление в царскосельском тексте имеет свою специфику. Как отмечает С. В. Кулешова, «Ломоносов чётко не противопоставляет городское и (царско)сельское пространства. Это связано с особым статусом Царского Села: оно одновременно являлось и местом отдыха (непубличная, частная, индивидуальная сфера), и воплощало государственность (публичное, надиндивидуальное), сопрягая провинциальное и столичное бытие. Таким образом, в сознании Ломоносова и его современников Царское Село представало как синкретичный локус, взаимоориентирующий два культурных типа пространства и “снимающий” их противопоставление» [Кулешова 2014]. С другой стороны, противопоставление природы и цивилизации / культуры также нерелевантно для царскосельского текста, поскольку природное и культурное начала здесь находятся в гармоничном синтезе: «Коль красен взор природы / И па-

мятников вид, / Они где зрятся в воды, / И соловей сидит / Где близь и воспевает, / Зря розу иль зарю! / Он будто изъясляет / И Богу и царю / Своё благодаренье: / Царю — за память слуг; / Творцу — что влил стремленье / К любви всем тварям в дух. / И ты, сидя при розе, / Так, дней весенних сын, / Пой, Карамзин! — И в прозе / Глас слышен соловьи» [Державин 1957, 173–174].

В процитированной «Прогулке в Царском Селе» (1791) Г. Р. Державина реализуются две ключевые мифологемы, предопределившие пути развития царскосельского текста на протяжении двух столетий: Царское Село как город царей и город поэтов [Савельева 1996, 143]. Первая мифологема связана с образом Екатерины II, которая предстаёт не только в своём «царском» облике, но и как частное лицо (снятие оппозиции частное – государственное). Такое восприятие образа императрицы является «общим местом» в стихотворениях о Царском Селе, при этом авторы обращаются к традиции, сложившейся в стихотворении Г. Р. Державина «Фелица» (1782), который, в свою очередь, имеет в виду нравоучительную сказку Екатерины II о розе без шипов: «Где владычица полмира / И владычица сердец, / Притаив на лоне мира / Ослепительный венец, // Отрешась от пышной скуки / И тщеславья не любя, / Ум, искусства и науки / Утощала у себя; // Где являлась не царицей / Пред восторженным певцом, / А бессмертную Фелицей / И державным мудрецом» [Вяземский 1958, 315]; «То был рассвет и вкуса, и ума. / От Запада текло к нам просвещенье. / Императрица, мудрая сама, / Устав от дел, искала вдохновенья: / И роскошь мод, как сладкая чума, / Объяла всех восторгом увлеченья, / И жизнь текла, как шумный карнавал, / И при дворе блистал за балом бал» [Фофанов 2010, 155].

Эта же тенденция отражается и в прозе: в книге Э. Голлербаха «Город муз» (1927) отображена та часть жизни императрицы, которая относится к сфере повседневности, быта, приватности: «А сама “Фемида” по утрам, в заново отделанных Камероном апартаментах даёт аудиенции, обсуждает дела *государственные* и дела *амурные*. В 8 ч. утра *толстая старуха* в белом гродетуровом шлафроке и батистовом чепце, надетом слегка набекрень, выплывает из опочивальни в “серебряный кабинет”. На маркированном бобике дымится чашка крепчайшего кофе, на подносе лежат письма с сургучными печатями, лупа. Узкие зеркальные панно отражают *пухлое, помятое лицо, с густыми лапками у глаз*. *Монархиня* зевает, голубые *очи* увлажняются слезой. Не спала всю ночь – отчасти потому, что скорбела, отчасти потому, что утешалась. Вчера – ах! – в бозе почила Земира, любимая левретка царицы... До рассвета изливала огорчённая *государыня державную скорбь* на груди Ланского. Кто утешит, как не он?..» (курсив мой – О. Г.) [Голлербах 1993, 51–52]. Ироническая стилизация текста XVIII в. создаётся за счёт соединения разнородных стилевых тенденций: именование императрицы «Фемидой» и старухой, обращения к телесному коду и «высокой» лексике. Слияние сторон оппозиции частное – государственное переносится на стиливой уровень. Упоминание деталей внешнего облика Екатерины (признаки старости, усталости), которые вступают в противоречие с «державным» образом государыни, противоречит и сентименталистскому дискурсу (апелляция к эмоциональному плану, мотив слёз, восклицание «ах!»).

Вторая мифологема – город поэтов и поэзии, место творчества – появляется в царскосельском тексте ещё во второй половине XVIII в. Об этом свидетельствуют «Стихи к Музам на Сарское село» (1786) И. Ф. Богдановича, где также происходит совмещение частного и государственного: «В приятных сих местах, / Оставив некогда сует житейских бремя, / Я с лирой проводил от дел остывшее время, / И мысль моя текла свободно во стихах. <...> При множестве чудес, уму непостижимых, / Представив, Муза, мне приятности садов, / Гульбищи, рощи, крины, / Забыла наконец намеренье стихов / И всюду хочет петь дела Екатерины» [Богданович 1957, 181–182]. Данная мифологема реализуется в державинской «Прогулке в Сарском селе», где она оформляется с помощью образов лебедя и соловья, однако окончательное закрепление мифологема происходит благодаря пушкинскому мифу, который составляет ядро царскосельского текста.

Семантическое поле рассматриваемой мифологема предусматривает механизм динамики сверхтекста, который заключается в метонимическом замещении целого (Царское Село) частью (персоналии, образы-символы, связанные с местом). Такое замещение позволяет формировать новые символические образы и способствует обновлению поэтического языка. Наиболее наглядно этот механизм проявляется в творчестве А. Ахматовой. В стихотворении «Смуглый отрок бродил по аллеям...» присутствие Пушкина как ключевой фигуры царскосельского текста обозначается косвенным образом (шелест шагов, треуголка, том Парни). Композиция стихотворения включает сопоставление состояний «тогда» и «сейчас» и имеет иконический смысл, представляя собой картину отражения в озере:

Смуглый отрок бродил по аллеям У озёрных глухих берегов.	прошлое
И столетие мы лелеем Еле слышный шелест шагов.	настоящее
Иглы елей густо и колко Устилают низкие пни...	настоящее
Здесь лежала его треуголка И разорванный том Парни [Ахматова 1976, 26–27].	прошлое

Происходит замещение целого частью, изображения – текстом. Аналогичный механизм наблюдается в царскосельских строках М. Цветаевой: «Часы, года, века. – Ни нас, / Ни наших комнат. / И памятник, накоренясь, / Уже не помнит. // Давно бездействует метла, / И никнут льстиво / Над Музой Царского Села / Кресты крапивы» [Цветаева 1990, 118–119]. Замещение дополняется контаминацией: Муза Царского Села – это не только знаменитая царскосельская статуя девушки с разбитым кувшином (ил. 1), вдохновлявшая Пушкина, но и Анна Ахматова, которой посвящены цитируемые строки.

Ил. 1. Статуя Перетты (девушки с разбитым кувшином), Екатерининский парк Царского Села. Скульптор П. П. Соколов. Источник: <https://clck.ru/aeL8X>

По мере развития сверткста расширяется круг прецедентных фигур, связанных с Царским Селом и формирующих его поэтическую мифологию. Образ Пушкина дополняется образами Тютчева, Ахматовой, Гумилёва и Анненского: «К таким неожиданным и певучим бредням / Зовя с собой умы людей, / Был Иннокентий Анненский последним / Из царскосельских лебедей» [Гумилев 1988, 211]; «Как всё пустынно! Пламенная медь. / Тугих колоколов язвительное жало. / Как мне хотелось бы внезапно умереть, / Как Анненский у Царскосельского вокзала!» [Ивнев 2012]; «Здесь, сама себе мятежностью наскучив, / Медлительно прогуливался Тютчев; / Бродил, как тень, Владимир Соловьёв. / Шепча слова сентенций и стихов. // И в озёра лазоревый овал / Здесь Анненский созвучия бросал / Вслед облакам и лебединым кликам. // <...> Мечтала здесь задумчивая Анна / И с ней поэт изысканный и странный, / Как горестно и рано он погиб!...» [Голлербах 2009]. Прочитиро-

ванные примеры показывают, что мифологема культуры (Царское Село – город поэтов и поэзии) переключается с мифологемой памяти и / или смерти, представляющей Царское Село как город призраков. Показательный пример – стихотворение Б. Ахмадулиной, обращённое к М. Цветаевой: «Четверть века, Марина, тому, / как Елабуга ластится раем / к отдохнувшему лбу твоему, / но и рай ему мал и неравен. // Неужели к всеведенью мук, / что тебе удалось как удача, / я добавлю бесформенный звук / дважды мною пропетого плача. // Две бессмыслицы – мёртв и мертва, / две пустынности, два ударенья – / царскосельских садов дерева, / переделкинских рощиц дерева» [Ахмадулина 2009, 207]. Три пространственные локации – Елабуга, Царское Село и Переделкино замещают имена (Цветаева, Ахматова и Пастернак), и все три пространства овеяны аурой смерти и памяти о поэтах.

Потенциал развития сверхтекста содержится в двух разнонаправленных интенциях: сохранение и воспроизводство культурной памяти, с одной стороны, и стремление к разрушению стереотипов, ироническая рефлексия, с другой. Действие этих тенденций наиболее очевидно, если обратиться к уровням синтактики и прагматики сверхтекста.

На уровне синтактики рассмотрим инвариантные композиционные схемы и типы связей, которые устанавливаются между охарактеризованными выше элементами семантики. Здесь становится очевидной генетическая связь между царскосельским и усадебным текстами. Оба сверхтекста реализуются в жанре / сюжете элегической прогулки. Сюжет прогулки имеет двухфазную структуру. Первая фаза – нанизывание визуальных впечатлений, образов и мотивов – «подвижных картин», находящихся в поле зрения лирического субъекта. С коммуникативной точки зрения, он соответствует механизму автокоммуникации. Вторая фаза – встреча с Другим – как правило, с духами умерших, прежними обитателями здешних мест [см. подробнее: Гриневич 2020].

Конкретные реализации этой схемы предусматривают её усечённые варианты или выбор одной из фаз. Формируются устойчивые способы синтаксического оформления «подвижных картин»: часто это анафорические конструкции, в которых связь с описываемыми местами поддерживается указательными местоименными наречиями *здесь, где*, местоимениями *там, тут*: «С природою искусство сочетав, / Прекрасны вы, задумчивые парки: / Мне мил ковёр густых, хранимых трав / И зыбкие аллеи прохладных арки, / Где слаще мир мечтательных забав, / Где тень мягка и где лучи не ярки, / Где веет всё давно забытым сном / И шепчутся деревья о былом» [Фофанов 2010, 153]; «Здесь смущённая Леда раскинутых крыл / Не отводит от жадного лона, / Здесь Катюшу Бакунину Пушкин любил / Повстречать на прогулке у клёна / И над озером первые строфы сложил / Про шумящие славой знамёна. // Лебедей он когда-то кормил здесь с руки, / Дней лицейских беспечная пряжа / Здесь рвалась от порывов орлиной тоски / В мёртвом царстве команд и плюмажа, / А лукавый барокко бежал в завитки / На округлых плечах Эрмитажа» [Рождественский 2018]; «Там на портретах строги лица, / И тонок там туман седой, / Великолепье небылицы / Там нежно веет резедой. / Там нимфа с таицкой водой, /

Водой, которой не разлиться, / Там стала лебедем Фелица / И бронзой Пушкин молодой» [Анненский 1990, 198] (курсив мой – О. Г.).

Вторая фаза сюжета также может быть автономной, и тогда стихотворение представляет собой обращение к адресату, реальному или воображаемому: «О спутник мой неосторожный, / Мой друг ревнивый и тревожный, / Ты не пришёл за мной сюда. / Сентябрь, печаль и холода, / А возвращенье невозможно / В таинственные города – / Их два, один другому равен / Суровой красотой своей / И памятью священной славы, / Улыбкой освящён твоей» [Ахматова 1976, 277]; «Я Вас не знал и знать не мог, / О рыцарь Пушкинских традиций, / Носитель ордена в петлице / И Царскосельский педагог!» [Тарловский 2009, 313].

Наличие готовой схемы развёртывания мысли приводит к тому, что предпринимаются попытки её разрушения, отстранения. Это наблюдается, например, в стихотворении Д. Новикова: «Учись естественности фразы / у леса русского, братан, / пока тиран куёт указы. / Храни тебя твой Мандельштам. // Валы ревучи, грозны тучи, / и люди тоже таковы. / Но нет во всей вселенной круче, / чем царскосельские, братвы» [Новиков 2007, 170]. Д. Новиков подвергает иронической рефлексии формат обращения «ученик – учителю» и ставший частью коммуникативной структуры царскосельского текста пиетет, который принято демонстрировать по отношению к «призракам» Царского Села. Примечательно, что в качестве прецедентной фигуры, помимо собирательной «царскосельской братвы», избирается Мандельштам – периферийный для царскосельского текста персонаж, который, в свою очередь, также является разрушителем его традиционных конвенций. Стихотворение «Царское Село», адресованное Г. Иванову, – «непроизвольная сатира, приглашение лицезреть императорскую резиденцию без ностальгического флёра, глазами “Простодушного”» [Арьев 2014]: «Поедем в Царское Село! / Там улыбаются мещанки, / Когда гусары после пьянки / Садятся в крепкое седло... / Поедем в Царское Село!» [Мандельштам 2017, 53]. Композиция стихотворения соответствует первой фазе сюжета прогулки с её перечислительными конструкциями, однако визуальные объекты и персонажи, которые становятся объектом внимания и поэтизации, не являются частью того устоявшегося культурного перечня, который составляет ядро царскосельского текста: «Казармы, парки и дворцы, / А на деревьях – клочья ваты, / И грянут “здравия” раскаты / На крик “здорово, молодцы!” / Казармы, парки и дворцы...» [Мандельштам 2017, 53].

Иную стратегию избирает Л. Аронзон. Текстцентричность в восприятии Царского Села сопровождается в его стихотворении ироническим столкновением разных стилистических и смысловых пластов: «Поедем в Царское Село, / где для Ахматовой всё жило и цвело, / где каждый куст, иль пруд, иль речка – / цитаты из российской речи, / туда, где алчущий орёл / привязан рифмой к лету сада... // на всём свой отпечаток зада / оставив, освежим глагол» [Аронзон 2018, 141]. Совмещаются ключевые оппозиции царскосельского текста: частное – государственное, природа – культура, при этом характерный для ранних этапов развития сверхтекста одический пафос (алчущий орёл, «русской речи» вместо «русской») сочетается с просторечием.

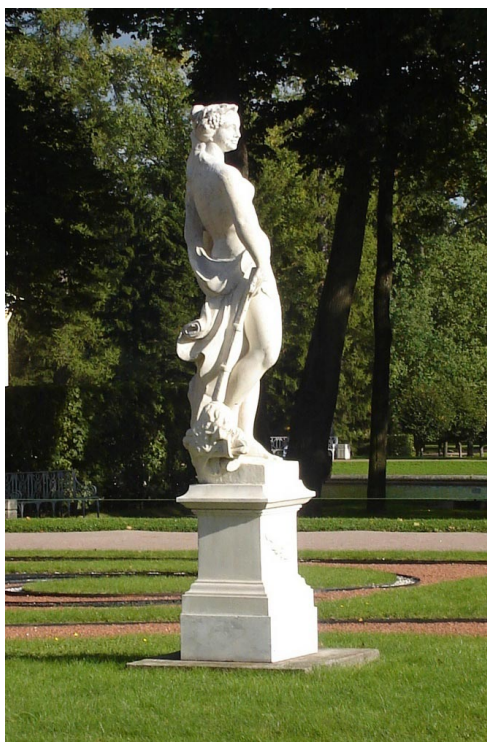
Рассматриваемые выше стилистические трансформации царскосельского текста затрагивают одну из оппозиций, которая регулирует уровень прагматики сверхтекста. В его структуре наблюдаются диалогические процессы, которые отражаются не только на субъектном уровне, но и во взаимодействии поэтического и прозаического языков. Представление о том, что может быть объектом поэзии, а что относится к сфере интересов «смиренной прозы», менялось на протяжении XIX–XXI вв. за время функционирования сверхтекста. Этот процесс особенно актуален для царскосельского текста, культуроцентричного по своей сущности. Включение в состав «подвижных картин» предметов, не относящихся к сфере культурной памяти, случайных деталей, элементов повседневности можно отнести к влиянию прозы. М. Цветаева, описывающая царскосельскую статую в соседстве с «крестами крапивы», адресуется А. Ахматовой, которая в «Царскосельской оде» игнорирует художественные средства одического жанра и обращается к подчёркнуто «непоэтическим» вещам: «Здесь не древние клады, / А дощатый забор, / Интендантские склады / И извозчий двор. / Шепелявя неловко / И с грехом пополам, / Молодая чертовка / Там гадает гостям. / Там солдатская шутка / Льётся, желчь не тая... / Полосатая будка / И махорки струя» [Ахматова 1976, 263].

Кроме того, оппозиция поэзии и прозы может восприниматься в контексте противопоставления прошлого и настоящего, особенно очевидная в стихотворении М. Цветаевой «Ещё один огромный взмах...». В первой части речь идёт о прошлом «царскосельской Музы» и акцент делается на её бестелесности, одухотворённости: «Что делала в тумане дней? / Ждала и пела? / Так много вздоха было в ней, / Так мало – тела» [Цветаева 1990, 118]. В описании же настоящего появляются «прозаические» детали (метла, кресты крапивы).

Оппозиция поэзия – проза взаимодействует с оппозицией вербальное – визуальное. Значительную часть царскосельского текста составляют стихотворения-экфрасисы, посвящённые значимым элементам культурного ландшафта Царского Села. Наиболее популярным объектом описания стала статуя девушки с разбитым кувшином, которой посвящено стихотворение А. С. Пушкина «Царскосельская статуя» (1830). В последующих интерпретациях этой темы большую роль играет метапоэтическая проблематика, заложенная как в тексте Пушкина, так и в самом факте обращения к ней самого знаменитого царскосельского поэта. Пушкиным разрабатывается экфрасическая оппозиция реальность – изображение, которая дополняется оппозицией движение – неподвижность, характерной для описаний скульптуры. Непосредственной реакцией на экфрасис Пушкина является шуточное стихотворение А. К. Толстого: «Урну с водой уронив, об утёс её дева разбила. / Дева печально сидит, праздный держа черепок. / Чудо! не сякнет вода, изливаясь из урны разбитой: / Дева над вечной струёй вечно печальна сидит. // Чуда не вижу я тут. Генерал-лейтенант Захаржевский, / В урне той дно просверлив, воду провёл чрез неё» [Толстой 1969, 447]. Реакция Толстого переносит стихотворение в «прозаический» регистр, что подчёркивается использованием анжамбемана, контрастирующего с гармонично выстроенным пушкинским ритмом. Слияние «усадебных» оппозиций частное – государственное, культура – природа, характерное для царскосельского текста, побуждает авторов создавать оппозиции

и противоречия на метапоэтическом уровне, сталкивая противоположные стилистические регистры. Любое последующее обращение к теме царскосельской статуи предполагает знание культурного фона и диалог с предшественниками, попытки оспорить их или продолжить традицию.

Другой объект описания царскосельского парка – статуя мира (ил. 2), которой посвятил одноимённое стихотворение И. Анненский. Если в статуе Перетты авторы обращают внимание на противоречие между движением и неподвижностью (вода и камень), возможность запечатлеть мимолётную эмоцию (печаль из-за разбитого кувшина) в камне (= в вечности), то в статуе «Расе» Анненский видит воплощение равнодушия, бесстрастности, что нивелирует противоречие между рукотворностью скульптуры и «естественностью» окружающей её природы: «Не тешит тирс её, она не бьёт в тимпан, / И беломраморный её не любит Пан. // Одни туманы к ней холодные ласкались, / И раны чёрные от влажных губ остались. // Но дева красотой по-прежнему горда, / И трав вокруг неё не косят никогда. // Не знаю почему – богини изваянье / Над сердцем сладкое имеет обаянье... // Люблю обиду в ней, её ужасный нос, / И ноги сжатые, и грубый узел кос. // Особенно, когда холодный дождик сеет, / И нагота её беспомощно белеет... // О, дайте вечность мне, – и вечность я отдам / За равнодушие к обидам и годам» [Анненский 1988, 94].

Ил. 2. Статуя «Расе». Итальянский скульптор Бартоло Модоло
Источник: <https://clck.ru/aeL8g>

Своеобразной репликой в этом экфрастическом диалоге является стихотворение В. Комаровского «Ни этот павильон хандры порфиородной...» (1913), где, отдавая предпочтение статуе Перетты, автор декларирует выбор поэтической традиции (классической или модернистской): «Я тоже не пойду по траурным следам, / Где – “равнодушная к обидам и годам” / Обманутым стихом прославленная

Расе / Стоит, довольная придворною удачей: / Помолодеть и ей внезапно довелось! / Отремонтирован ей “ужасный” нос / Ремесленным резцом; и выбелены раны, / Что накопили ей холодные туманы. // Я буду вспоминать, по новому скупой, / Тебя, избитую обиденной тропой, / Сочувствием вдовы, насмешкой балагура... / С рукой подпёртою сидящую понуро. / Я вечер воскрешу и поглотят меня / Деревьев сумерки. Безумолчно звеня, / Пускай смешается с листвою многошумной / Гремучая струя и отдых мой бездумный» [Комаровский 2021].

Оппозиция неподвижности и движения появляется в стихотворении Анненского «Бронзовый поэт» (ил. 3), в котором речь идёт о памятнике Пушкину в Лицейском саду. Как и в стихотворении «Царскосельская статуя», лирический сюжет представляет собой чудесное оживление скульптуры: «Не шевелись – сейчас гвоздики засверкают, // Воздушные кусты сольются и растают, / И бронзовый поэт, стряхнув дремоты гнёт, / С подставки на траву росистую прыгнет» [Анненский 1988, 93]. В обоих стихотворениях сталкиваются природные (движение) и культурные (неподвижность) образы (вода и камень, воздух и бронза). Мифопоэтическая семантика воды и камня сближает стихотворения о царскосельских статуях с петербургским текстом русской литературы.

Ил. 3. Памятник А. С. Пушкину, Лицейский сад. Скульптор Р. Р. Бах
Источник: <https://clck.ru/aeL8y>

Таким образом, стихотворения о Царском Селе объединены не только общей темой, мотивами, образами и пространственными описаниями, но и образуют между собой диалогические связи и переключки. Это доказывает, что царскосельский текст обладает трёхуровневой структурой. Уровень семантики объединяет тексты в сверткестовое единство на основании образно-мотивного сходства, образующего структуру, пронизанную внутренними ассоциативными связями. Так, две

ключевые мифологемы (город царей и город поэтов) связаны между собой нивелированием оппозиций частное – государственное, природа – культура, которое компенсируется за счёт стилистических контрастов, создаваемых авторами для обновления поэтического языка. Данные мифологемы обладают системой образно-мотивных репрезентантов (образы соловья, лебедя, мотивы воспоминания, сна, смерти, осеннего увядания). Уровень синтактики регулирует порядок воспроизведения образно-мотивного комплекса, реализуемого в сюжете / жанре прогулки. На уровне прагматики разрабатываются оппозиции поэзия – проза, вербальное – визуальное, которые обеспечивают непрерывность диалогических связей между разными художественными языками и поэтическими традициями, что даёт возможность длительного функционирования сверткста в литературном процессе.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Анненский 1988 – Анненский И. Ф. Избранные произведения. Ленинград, 1988.
- Анненский 1990 – Анненский И. Ф. Стихотворения и трагедии. Ленинград, 1990.
- Аронзон 2018 – Аронзон Л. Собрание произведений. В 2 т. Т. 2. Санкт-Петербург, 2018.
- Арьев 2014 – Арьев А. «Роддом отечественных муз» (Царское Село в русской поэтической традиции) // Арион. 2014. № 1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/arion/2014/1/roddom-otechestvennyh-muz.html> (дата обращения: 14.07.2021).
- Ахмадулина 2009 – Ахмадулина Б. Друзей моих прекрасные черты... Москва, 2009.
- Ахматова 1976 – Ахматова А. Стихотворения и поэмы. Ленинград, 1976.
- Богданович 1957 – Богданович И. Ф. Стихотворения и поэмы. Ленинград, 1957.
- Вяземский 1958 – Вяземский П. А. Стихотворения. Ленинград, 1958.
- Голлербах 1993 – Голлербах Э. Город муз. Санкт-Петербург, 1993.
- Голлербах 2009 – Голлербах Э. Разные стихотворения. [Электронный вариант]. Режим доступа: <https://aonidy.livejournal.com/14428.html> (дата обращения: 18.07.2021).
- Гриневич 2020 – Гриневич О. А. Трансформация постриторической модели «усадебного текста» в поэзии А. А. Фета // *Studia Litterarum*. 2020. Т. 5. №. 2. С. 220–233.
- Гумилев 1988 – Гумилев Н. Стихотворения и поэмы. Ленинград, 1988.
- Державин 1957 – Державин Г. Р. Стихотворения / Вступ. ст., подгот. и общ. ред. Д. Д. Благого, примеч. В. А. Западова. Ленинград, 1957.
- Ивнев 2012 – Ивнев Р. «Как всё пустынно! Пламенная медь...». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.biblioteka-poeta.ru/kak-vse-pustynno-plamennaya-med/ivnev-r/> (дата обращения: 18.07.2021).
- Козубовская 2009 – Козубовская Г. П. «Царскосельский текст» русской культуры: А. А. Ахматова и А. С. Пушкин // Вестник Алтайской государственной педагогической академии. 2009. № 9. С. 119–128.

- Комаровский 2021 – *Комаровский В.* «Ни этот павильон хандры порфирородной...». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://oldpoems.ru/ni-etot-pavilon-handry-porfirorodnoj-komarovskij-vasilij/> (дата обращения: 18.07.2021).
- Кулешова 2014 – *Кулешова С. В.* Становление «усадебного текста» в русской поэзии 30–50-х годов XVIII века (А. Кантемир, В. Тредиаковский, М. Ломоносов). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://philology.snauka.ru/2014/02/683> (дата обращения: 14.07.2021).
- Мандельштам 2017 – *Мандельштам О. Э.* Полное собрание поэзии и прозы в одном томе. Москва, 2017.
- Никулина 2011 – *Никулина А. В.* Сад и лебедь как мифологемы «царскосельского текста» И. Ф. Анненского // *Культура и текст.* 2011. № 12. С. 211–218.
- Новиков 2007 – *Новиков Д.* Виза. Москва, 2007.
- Рождественский 2018 – *Рождественский Вс.* Стихи Всеволода Рождественского [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.m-necropol.ru/rojdestvenskiy-vsevol.html> (дата обращения: 18.07.2021).
- Савельева 1996 – *Савельева Г. Т.* Два мифа о Царском Селе. Анненский и Мандельштам // *Иннокентий Анненский и русская культура XX века.* Санкт-Петербург, 1996. С. 143–152.
- Тарловский 2009 – *Тарловский М.* Молчаливый полёт. Москва, 2009.
- Толстой 1969 – *Толстой А. К.* Собрание сочинений в четырёх томах. Т. 1. Москва, 1969.
- Фофанов 2010 – *Фофанов К.* Стихотворения и поэмы. Санкт-Петербург, 2010.
- Цветаева 1990 – *Цветаева М.* Стихотворения и поэмы. Ленинград, 1990.

REFERENCES

- Akhmadulina 2009 – *Akhmadulina B.* My friends have beautiful features... Moscow, 2009. In Russian.
- Akhmatova 1976 – *Akhmatova A.* Lines and poems. Leningrad, 1976. In Russian.
- Annensky 1988 – *Annensky I. F.* Selected works. Leningrad, 1988. In Russian.
- Annensky 1990 – *Annensky I. F.* Poems and tragedies. Leningrad, 1990. In Russian.
- Ariev 2014 – *Ariev A.* «Maternity hospital of domestic muses» (Tsarskoe Selo in the Russian poetic tradition). *Arion.* 2014. Vol. 1. URL: <https://magazines.gorky.media/arion/2014/1/roddom-otechestvennyh-muz.html>. In Russian.
- Aronzon 2018 – *Aronzon L.* Collected Works. In 2 volumes. Vol. 2. St. Petersburg, 2018. In Russian.
- Bogdanovich 1957 – *Bogdanovich I. F.* Lines and poems. Leningrad, 1957. In Russian.
- Derzhavin 1957 – *Derzhavin G. R.* Poems. Ed. D. D. by Blagoy, V. A. Zapadov. Leningrad, 1957. In Russian.
- Fofanov 2010 – *Fofanov K.* Poems and poems. St. Petersburg, 2010. In Russian.
- Grinevich 2020 – *Grinevich O. A.* Post-Rhetorical Model of the «estate text» and Its Transformation in Fet's Poetry. *Studia Litterarum.* 2020. Vol. 5. 2. P. 220–233. In Russian.
- Gumilev 1988 – *Gumilev N.* Poems and poems. Leningrad, 1988. In Russian.

- Hollerbach 1993 – Hollerbach E. City of muses. St. Petersburg, 1993. In Russian.
- Hollerbach 2009 – Hollerbach E. Various poems. URL: <https://aonidy.livejournal.com/14428.html>. In Russian.
- Ivnev 2012 – Ivnev R. «How deserted everything is! Flaming copper...». URL: <http://www.biblioteka-poeta.ru/kak-vse-pustynno-plamennaya-med/ivnev-r/>. In Russian.
- Komarovsky 2021 – Komarovsky V. “Not this pavilion of porphyrogenital melancholy...”. URL: <https://oldpoems.ru/ni-etot-pavilon-handry-porfirorodnoj-komarovskij-vasilij/>. In Russian.
- Kozubovskaya 2009 – Kozubovskaya G. P. «Tsarskoye Selo text» of Russian culture: A. A. Akhmatova and A. S. Pushkin. *Bulletin of the Altai State Pedagogical Academy*. 2009. 9. P. 119–128. In Russian.
- Kuleshova 2014 – Kuleshova S. V. Becoming «The manor text» in Russian poetry of the 30–50s of the XVIII century (A. Cantemir, V. Trediakovsky, M. Lomonosov). URL: <https://philology.snauka.ru/2014/02/683>. In Russian.
- Mandelstam 2017 – Mandelstam O. E. Complete collection of poetry and prose in one volume. Moscow, 2017. In Russian.
- Nikulina 2011 – Nikulina A. V. Garden and the swan as mythologemes of the «Tsarskoye Selo text» by I. F. Annensky. *Culture and text*. 2011. 12. P. 211–218. In Russian.
- Novikov 2007 – Novikov D. Visa. Moscow, 2007. In Russian.
- Rozhdestvensky 2018 – Rozhdestvensky V. Poems by Vsevolod Rozhdestvensky. URL: <http://www.m-necropol.ru/rojdestvenskiy-vsevol.html>. In Russian.
- Savelyeva 1996 – Savelyeva G. T. Two myths about Tsarskoe Selo. Annensky and Mandelstam. *Innokenty Annensky and Russian culture of the twentieth century*. St. Petersburg, 1996. P. 143–152. In Russian.
- Tarlovsy 2009 – Tarlovsy M. Silent flight. Moscow, 2009. In Russian.
- Tolstoy 1969 – Tolstoy A. K. Collected works in four volumes. Vol. 1. Moscow, 1969. In Russian.
- Tsvetaeva 1990 – Tsvetaeva M. Lines and poems. Leningrad, 1990. In Russian.
- Vyazemsky 1958 – Vyazemsky P. A. Poems. Leningrad, 1958. In Russian.

Материал поступил в редакцию 02.09.2021
принят к публикации 11.10.2021

DOI: <https://doi.org/10.34680/urbis-2021-1-91-105>

ВЛАДИВОСТОК В ВИДОВЫХ ОТКРЫТКАХ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ Б. В. АВГУСТОВСКОГО

Е. В. Головнёва

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия
golovneva.elena@gmail.com

Н. И. Мартишина

Сибирский государственный университет путей сообщения,
Новосибирск, Россия
nmartishina@yandex.ru

**Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-59-23007:
«Опыты изучения и визуальной репрезентации фронтальных территорий России и СССР
в визуальной антропологии первой половины XX века: на примере исследований
русских и венгерских учёных и кинематографистов» (рук. Е. В. Головнёва)**

В статье изучаются архивные визуальные репрезентации города Владивостока посредством анализа особого типа фотографических материалов — видовых открыток. В качестве материала для исследования рассматривается коллекция видовых открыток Бориса Владимировича Августовского (1902–1991) — известного дальневосточного краеведа и коллекционера, которым была собрана уникальная коллекция документальных и фотографических материалов, открыток, книг, рукописей и статей, посвящённых истории Владивостока и Приморского края. Видовая открытка исследуется как значимый визуально-антропологический источник, помогающий сконструировать вполне определённый образ города: выделить его пространство из всех прочих по каким-либо признакам, сфокусироваться на специфических фрагментах, сформировать ассоциации, связанные с данным пространством. На основе анализа видовых открыток из коллекции Б. В. Августовского выделяются ключевые мотивы и образы, из которых складывался образ Владивостока в конце XIX – начале XX в. Делается вывод о том, что исторически видовые открытки оказались эффективным способом конструирования образов городов восточных окраин Российской империи.

Для цитирования:

Головнёва Е. В., Мартишина Н. И. Владивосток в видовых открытках из коллекции Б. В. Августовского // *Urbis et Orbis. Микроистория и семиотика города.* 2021. № 1. С. 91–105.
DOI: <https://doi.org/10.34680/urbis-2021-1-91-105>

For citation:

Golovneva E. V., Martishina N. I. Vladivostok on view postcards from the collection of B. V. Avgustovsky. *Urbis et Orbis. Microhistory and Semiotics of the City.* 2021. 1. P. 91–105.
DOI: <https://doi.org/10.34680/urbis-2021-1-91-105>

Ключевые слова: образ города, визуальные репрезентации, культурное конструирование, видовая открытка, Владивосток, Б. В. Августовский.

VLADIVOSTOK ON VIEW POSTCARDS FROM THE COLLECTION OF B. V. AVGUSTOVSKY

Elena Golovneva

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russia
golovneva.elena@gmail.com

Natalia Martishina

Siberian Transport University, Novosibirsk, Russia
nmartishina@yandex.ru

The article examines archival visual representations of Vladivostok by analyzing a special type of photographic materials – view postcards. As a case study the collection of view postcards by Boris Vladimirovich Avgustovsky (1902–1991) is considered. Avgustovsky is a famous Far Eastern local historian, who collected a unique collection of documentary and photographic materials, postcards, books, manuscripts and articles on the history of Vladivostok and the Primorsky Krai. The view postcard is studied as a significant visual anthropological document that helps to construct a well-defined image of the city: to distinguish its space from all others according to some characteristics, to focus on specific fragments as well as to form associations with this space. Based on the analysis of view postcards from the collection of B. V. Avgustovsky, the key motives and images are distinguished. These motives formed the image of Vladivostok in the late 19th – early 20th century. It is concluded that in historical meaning view postcards appeared to be an effective way of constructing images of cities in the eastern outskirts of the Russian Empire.

Keywords: image of city, visual representations, cultural construction, view postcard, Vladivostok, Boris Avgustovsky.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что видовые открытки г. Владивостока, собранные Б. В. Августовским, практически не изучены с точки зрения их репрезентационного потенциала, не осмыслены как социокультурный феномен в исторических и визуально-антропологических исследованиях, культурологии. В рамках *urban studies* изучение видовых открыток из коллекции Августовского открывает новые ракурсы взгляда на городскую среду города Владивостока на рубеже веков. В более широком контексте изучение видовых открыток Владивостока позволяет дополнить историко-литературные и культурологические представления об образе города вообще, городах восточной окраины Российской империи в частности и вносит существенный вклад в формирование типологии российских городов и осмысление роли визуально-антропологических материалов в репрезентации города.

В качестве методологической установки в данной работе используется подход, который анализирует взгляд на город как специфический культурный конструкт, воплощающий в своём материальном устройстве фундаментальные эстетические, социальные и мировоззренческие установки людей [Аванесов 2018; Головнёва 2016; Горнова 2014], а также представления М. де Серто [Серто 2008] и А. Лефевра [Лефевр 2002] о городском пространстве как гетерогенном образовании. Используя понятийный аппарат А. Лефевра, можно сказать, что город Владивосток в видовых открытках раскрывается прежде всего в аспекте пространства репрезентаций (не только реальных, но и утопических), а также как мультимодальный текст, объединяющий фотографическое изображение и его интерпретацию. Анализ видовых открыток открывает возможность их прочтения как содержательно полноценных высказываний, поскольку в фотоизображении всегда есть точка зрения: место съёмки, фокус, предпочтительное время суток и т. д. Фотография запечатлевает гораздо больше, чем просто материальное состояние городских памятников. Вербальный и визуальный ряды здесь тесно переплетаются, и видовые открытки выступают как эквиваленты описаний.

В процессе исследования названной темы авторами был проанализирован фонд Б. В. Августовского, хранящийся в настоящее время в архиве Общества изучения Амурского края (Владивосток)¹. Хронологические рамки источниковой базы охватывают период конца XIX – середины XX вв.

Феномен видовой открытки

С момента своего появления в России фотография окраинных (фронтирных) территорий позволяла решить вопрос формирования образа границ империи, а первые краеведческие фотосессии активно поддерживались, в частности, Русским Географическим Обществом. Для империи, упорядочивающей мир по модели каталога или архива, важна была категория «просматриваемости» территории. В связи с этим перечень визуальных образов российских городов, созданных в конце XIX – начале XX вв., включал в себя не только образы городов Центральной России², но и активно пополнялся фотографическими картинками городских пространств восточных окраин государства (в том числе – образами дальневосточных городов), которые вступали во взаимодействие со сложившимся восприятием российского города, дополняя и усложняя его.

Среди фотоматериалов, являющихся источниками информации о городе, можно выделить видовые открытки, которые, в отличие от обычных туристических фотографий, претендуют на некоторую долю объективности при воспроизведении образа городского пространства. Видовые открытки рассказывали о местности, связывали её отдельные пространства в повествовательное целое. Однако

¹ Архив Общества изучения Амурского края. Ф. 18. Оп. 4. Д. 1. Л. 132, 144: Открытки из коллекции Б. В. Августовского.

² Соответствующие фотографические серии были созданы в 1890-х гг., к примеру, нижегородским фотографом М. П. Дмитриевым, а в начале 1900-х гг. – известным фотографом С. М. Прокудиным-Горским.

сложно сказать, что изучению видовых открыток как целостного явления до сих пор уделяется должное внимание в гуманитарных исследованиях. Опыт изучения видовой открытки в процессе конструирования образа города и репрезентации туристических направлений начинает нарабатываться в работах историков, искусствоведов, культурологов [Milman 2011; Ларина 2010; Мозохина 2012; Самбур 2013], но по-прежнему является типичной ситуацией, когда видовые открытки воспринимаются лишь как вспомогательный музейный материал, а их экспонирование оказывается случайным и обусловлено необходимостью визуального фона для воссоздания духа эпохи. Как правило, открытки попадают в музеи в качестве случайных даров или в составе других собраний [Мозохина 2012, 166].

Между тем, очевидно, что видовые открытки, репрезентирующие город, являются объектом интереса нескольких гуманитарных дисциплин. Открытки выступают проводником определённых культурных, политических и идеологических установок, а попадая в архивы и частные коллекции, становятся интересным историческим и культурологическим источником [Rose 2010; Ларина 2004; Ларина 2010]. В качестве социокультурного феномена почтовые открытки могут рассматриваться как средство поддержания социальных связей, как феномен места памяти (П. Нора) и даже – как элемент символического нациестроительства [Ермолин 2019, 74].

Как отмечал В. Беньямин, «взаимоотношения людей в больших городах отличаются ярко-выраженным перевесом активности зрения над активностью слуха» [Беньямин 2004, 83]. При этом значительную роль среди визуальных источников в индивидуальном восприятии города играют именно видовые открытки. Под термином «видовая открытка» подразумевается одна из разновидностей иллюстрированных почтовых карточек, в основе изображений на которых лежат фотографии. На видовых открытках воспроизводятся портреты, фотоснимки различных событий, виды городов и местностей, отдельные памятники и т. п. Видовые открытки в значительной степени дополняют наше восприятие реально существующего города, являются важным инструментом формирования «города воображаемого», демонстрируют ограниченную часть пространства, которая представляется авторами фотографических изображений как достойная внимания. Объекты, изображённые на видовых открытках, помогают сформировать вполне определённый образ города, выделяют это пространство из всех прочих по каким-либо признакам, наводят фокус на конкретные фрагменты, формируют ассоциации, связанные с данным пространством. Основой формирования уникальных образов города в видовой открытке, как правило, становится его ландшафт и природные условия, население, история места, культурные особенности и достопримечательности.

По словам К. Линча, созданные в воображении города являются индивидуализированными: каждый человек самостоятельно формирует образ города, выбирая значимые для него фрагменты и места и наделяя их смыслом [Линч 1982]. В видовой открытке мы имеем дело с авторской «обработкой» материалов, которая за-

ключается в фокусировке изображения, монтаже, соединении панорамных и крупных планов, обозначении цветовых и световых акцентов. Фотограф как будто предлагает зрителю готовое решение для «правильного восприятия»: точку, с которой рекомендуется смотреть на объект, и чувство, которое нужно испытать при его созерцании. Наглядность изображения создаёт эффект личного присутствия в городе, порождает ощущение «со-зрителя», реализуя цель художественного произведения – «дать ощущение вещи как видение» [Шкловский 1983, 12]. При этом видовая открытка – это элемент сувенирной продукции, позволяющий воспринимать город преимущественно с фасадной (лицевой) стороны и порождающий его стереотипные образы в коллективном сознании.

В России стало возможным производить отпечатки и открытки значительными тиражами к 1890-м гг., так что каждый желающий мог приобрести «любимый вид» города по умеренной цене. Люди, народы, культуры, города становились брендами огромного государства [Октябрьская, Попова 2010, 111]. Изготовление первой серии видовых открыток в 1872 году [Тагрин 1978] пользовалось успехом в качестве сувенирной продукции. Фотография попала в область «прикладного искусства», ею заинтересовался частный сектор: владельцы гостиниц и ресторанов, издававшие до этого почтовую бумагу с рисунками, в рекламных целях изображавшими здания, в которых располагались эти учреждения. Значительный объём открытых писем печатался в Германии и Швеции, в продажу поступала продукция целого ряда зарубежных фирм (E. G. Svanstrom, Hermann Poy, Rommler & Jonas, Stengel & Co и др.). С 1904–1914 годами ассоциируется период расцвета документальной (и вообще иллюстрированной) открытки, проявившийся в массовом издании, стилевом многообразии, начале коллекционирования этих печатных изданий, появлением специализированных журналов. Издание почтовых карточек стало доходной отраслью полиграфического производства [Самбур 2013].

Распространение и тиражирование почтовых карточек с изображениями достопримечательностей определённого города (или страны) способствовали соединению образа данных местностей именно с запечатлёнными объектами. Несмотря на всё существовавшее разнообразие сюжетов, типичными для видовых открыток, издававшихся по всему миру, было изображение культовых сооружений, гостиниц, вокзалов, учебных и лечебных заведений, магазинов, музеев, городских инженерных сооружений, памятников, рек и систем мостов. Чаще всего на фотооткрытках был запечатлён общий вид здания с главного фасада, что восходит к практике создания «парадных видов» XIX столетия, со специальным выбором точки репрезентации. Выбирая объекты для фиксации, издатели и фотографы отбирали, прежде всего, те здания и местности, которые были хорошо узнаваемы, были людными, пользовались неизменным вниманием как самых горожан, так и гостей города. Образ города, воссозданный в открытке, эстетически выверен: исторический центр является его эксклюзивным видом.

Владивосток в архивных видовых открытках

Уникальность Владивостока как города «дальневосточного фронта»³ прежде всего заключается в его местоположении. Находящийся на расстоянии семи часовых поясов и семи тысяч миль от столицы России, Владивосток воспринимался в прошлом и воспринимается сейчас как город, расположенный на «краю света», имеющий особые ландшафтные и климатические черты. Ещё в 1910 г. в «Кратком историческом очерке г. Владивостока» журналист Н. П. Матвеев писал: «Владивосток вытянут на протяжении более версты по северному берегу бухты Золотой Рог, обширной, глубокой, со всех сторон обставленной горами и потому чрезвычайно удобной для стоянки судов» [Матвеев 1910]. Действительно, тесное сплетение моря с возвышенностями образует эффектный естественный рельеф Владивостока; конусообразные холмы – сопки – поднимаются в северном от кромки воды направлении. Особую важность представляет собой гавань – бухта Золотой Рог, имеющая необычную Г-образную форму, с юга защищённая массивным островом Русским, к западу от которой, за полуостровом Эгершельда, блестит на солнце большой залив – Амурский.

Природа городских окрестностей Владивостока описывается как область «переплетения противоположностей» (сосны и рябины пышно растут рядом с маньчжурским орехом и женьшенем, медведи и изюбри бродят рядом с тиграми [Пономарчук 1990, 156]), климат – как отличающийся влажностью и постоянным присутствием ветра. Например, в отчёте Владивостокского городского врача коллежского асессора Новикова от 9 апреля 1881 г. военному губернатору Владивостока содержатся сведения о том, что, «находясь почти на одной широте с Римом и Венецией, он имеет среднюю годовую температуру одинаковую со Стокгольмом и Петербургом. Одну половину года с мая по октябрь климат Владивостока совершенно морской с частыми густыми туманами, другую половину года, вследствие почти непрерывно дующих сухих, холодных Северо-Восточных ветров, он имеет климат сухой вполне континентальный. <...> Зимой имеет холодную, бесснежную; зимой дуют почти постоянно <...> ветра, значительной силы, сухие и холодные, поднимающие по улицам сильную пыль. Эти ветра составляют одно из наиболее неблагоприятных климатических условий Владивостока, порождая очень значительное число заболеваний воспалением дыхательных органов» [цит. по: Позняк 2014, 110].

С точки зрения своего геополитического положения, Владивосток – это русско-европейский город в Азии, военный форпост, основанный на земле, которая до 1860 г. принадлежала Китаю. Значение города возросло после того, как в 1896 году

³ Понятие «дальневосточный фронт» обозначает контактную зону в Азиатско-Тихоокеанском регионе, где в атмосфере тесного межэтнического взаимодействия середины XIX в. соединились судьбы русского и китайского, корейского, тунгусо-маньчжурского населения, сформировались психологические, языковые и культурные традиции совместности этносов.

был открыт Суэцкий канал, намного сокративший путь из Европы в Тихий океан и на русский Дальний Восток. Оказавшись настоящим «плавильным котлом» (в городе был многонациональный состав населения, преобладали военные, иностранцы, мужчины – при выраженном недостатке женщин и временном характере населения), Владивосток оказался в зоне пристального интереса приезжающих на Дальний Восток. Город посещали писатель А. П. Чехов, наследник российского престола цесаревич Николай, адмирал С. О. Макаров, полярный исследователь Ф. Нансен, оставившие после себя яркие свидетельства о пребывании во Владивостоке.

Так, норвежский учёный-исследователь Фритьоф Нансен в 1913 г. нашёл владивостокский пейзаж, с его сочетанием моря и сопки, живописным и сравнил город с Неаполем [Щербак 2005]. Американка Элеонора Прей, прибывшая в город в 1894 году, отмечала, что «здесь у нас, куда ни глянешь, всё солёная вода и горы, а вид из окна до того хорош, что другого такого я в жизни не видала. Два залива да бесчисленные острова и сопки» [Прей 2012, 15]. Писатель и путешественник Н. Г. Гарин-Михайловский, говоря об особой восточной экзотике и «иностранном духе» Владивостока, писал, что впечатление это особенно усиливается в центре города, где «много и богатых, и изящных, и массивных, и лёгких построек», где расположены торговые магазины «Кунст и Альберс», «Чурин», японские магазины. Согласно писателю, Владивосток, так же как Благовещенск и Хабаровск, но в большем масштабе, захвачен строительной горячкой, а вид его порта, расположенного в красивейшей бухте, весьма внушителен [Луганский, Алексюк 1997, 117].

Основание Владивостока в 1860 г. совпало с появлением фотоаппаратов в Европе и с увеличением интереса к фотофиксации отдалённых территорий Российской империи. В частности, фотографические материалы, изображающие города Дальнего Востока, были оставлены лейтенантом Владимиром Менделеевым, который в 1891 году, совершая путешествие на крейсере «Память Азова», сделал множество снимков с видами Дальнего Востока. Большой вклад в документирование истории региона своей коллекцией из более чем 150 снимков внёс фотограф-купец Владимир Ланин, проживавший во Владивостоке в период с 1870 до 1888 гг. и фотографировавший виды Амура, Южно-Уссурийского края, первых дальневосточных городов Хабаровска и Владивостока⁴. Часть собрания американки Элеоноры Лорд Прей (1868–1954), прожившей во Владивостоке более тридцати лет, составляет два десятка фотоальбомов, которые содержат замечательные виды старого Владивостока, его пригородов, фотографии людей, которые дополняются точными описаниями, сообщениями новостей и подробными отчётами о ежедневных событиях, приведёнными в письмах [Прей 2012].

⁴ Архив Общества изучения Амурского края. Ф. 18. Оп. 4. Д. 5. Л. 1, 12: Фотографии В. В. Ланина.

Ил. 1. Владивосток. Вид города с бухты
Архив Общества изучения Амурского края. Ф. 18. Оп. 4. Л. 1

Не случайно именно Владивосток – город портовый, военный и динамичный – стал отправным пунктом развития фотоискусства на Дальнем Востоке, а в городе стали постепенно появляться местные фотографы. Самыми известными фотоателе в городе Владивостоке были мастерская Ф. И. Подзорова на улице Светланской, мастерская В. К. Мацкевича на улице Пекинской и «Золотой Рог» на улице Среднепологой. Ф. И. Подзорову принадлежат качественные и великолепные открытки, которые печатались в голубовато-зелёном тоне⁵. Каждая открытка была пронумерована и подписана: «Привет из Порт-Артура», «Привет из Дальнего», «Издания Фот. Ф. И. Подзорова, Порт-Артур». Тыльная сторона фотобумаги, на которой в конце XIX – начале XX вв. печатались фотографии, снабжалась надписью *post card*, или оборотная сторона была расчерчена под почтовую марку и адрес. Фотографию на такой бумаге, снабжённую адресом и почтовой маркой, можно было отправлять по почте.

В местной газете «Владивосток» 24 июня 1894 г. отмечалось: «Фотографическое искусство начинает распространяться всё более и более. Когда-то существовала одна, возможно две фотографии. Теперь их пять или шесть насчитывается, да, кроме того, очень многие любители обзавелись значительным количеством фотографических снимков как местной природы, так равно и лежащей в других краях области, пользуясь для этого всяким удобным случаем, каждою командировкою по службе. Кроме того, многое снято из жизни и типов наших людей: моряков,

⁵ В 1909 году фотохудожник получил Гран-при и Большую золотую медаль на Международной выставке в Милане за свои выдающиеся работы, а уже в 1910 году был также отмечен медалью на выставке в Ростове-на-Дону.

китайцев и пр. Фотография получает замечательно широкое распространение <...> Кроме этих, так сказать, наших постоянных фотографов, время от времени появляются приезжие фотографы-иностранцы <...> Кроме фотографов появляются мастера разделять фотографические снимки красками. Последнее искусство, как известно, особенно развито в соседней с нами Японии. Кроме того, там много особых ремесленников, специально занятых переделкою из фотографических портретов в большие размеры на полотне и раскрашиванием их масляною краскою и вышиванием тут же костюмов» [Александровская 2013, 123].

К сожалению, до нас не дошли имена всех фотографов, сотрудничавших с производителями открыток в самом Владивостоке в первой половине XX в., а следовательно, неизвестны их биографии (такие важные детали, скажем, как время и место получения профессиональных навыков, происхождение). Тем не менее, выбор объектов для фотографирования и манера построения кадра вполне выдержаны в духе времени: на открытках представлены либо панорама всего города или отдельной улицы, сфотографированные сверху, либо отдельно стоящие здания (в основном административные, военные или культурные учреждения). В таком подходе выражается неявная установка: в городе, где имеются памятники культуры, архитектурные достопримечательности, с которыми связаны жизни выдающихся соотечественников, существуют фундаментальные основания «экзистенциальной парадигмы города» [Горнова 2011, 47; Мартишина 2020, 176].

Не случайно большой интерес к коллекционированию этих открыток, как значимых инструментов репрезентации города, проявляли краеведы. Один из них, хорошо известный на Дальнем Востоке, – Борис Владимирович Августовский (1902–1991), член Географического общества СССР, член Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

Августовский родился в Ташкенте, учился в Москве на Большой Полянке, и ещё в Москве от преподавателей казённой гимназии перенял любовь и уважение к истории и её документации. В 1922 г. ушёл добровольцем в Красную Армию, служил в команде лазарета, в аптеке, а через два года был уволен в запас и поступил в Бишкеке на работу в городскую больницу санитаром. В 1937 г. сдал экзамены за курс фармацевтического техникума и окончательно связал свою жизнь с медициной, фармацевтикой. В 1941 г. был призван в Красную Армию, назначен начальником аптеки военного госпиталя, участвовал в войне с Японией. В конце 1946 г. был демобилизован в звании капитана медицинской службы и назначен директором фармацевтической фабрики во Владивостоке.

Как отмечал в интервью сам Б. В. Августовский, «толчком к сбору моих нынешних коллекций стал такой случай. Ещё в 1932 г. во Фрунзе встретил людей, приехавших из Владивостока, двое были моими сослуживцами. После разгрома Квантунской армии случайно купил в Харбине несколько открыток старого Владивостока с надеждой подарить их при встрече с моими фрунзенскими товарищами на память о городе их молодости. В Киргизию я не уехал, стал жить во Владивостоке. Тогда и заинтересовался, а где же те места и те здания, что засняты на старых фотооткрытках. Начал расспрашивать старожилов, и в свободное время стал копаться в библиотеке... Вот так и собрал свыше 500 открыток с видами нашего города.

Помимо этого, покупал в букинистических магазинах книги по истории Владивостока; если кто-либо что-то предлагал почитать о городе, с благодарностью брал и делал нужные мне выписки, фотокопии. Порою это делали для меня знающие меня люди. Собирал старые фотографии, журналы, газеты. Имею газеты «Владивосток» за 1884 и последующие годы, правда, не полностью; журналы конца 1910–20-х гг. Очень благодарен директору музея в г. Николаевске-на-Амуре тов. Юзефову, который прислал мне много фотографий, сделанных В. В. Ланиным»⁶.

Ил. 2. Дом Бабинцева, ул. Светланская, Владивосток
Архив Общества изучения Амурского края. Ф. 18. Оп. 4. Л. 1

На видовых открытках из архивной коллекции Б. В. Августовского мы видим историю становления и развития г. Владивостока: строительство одноэтажных деревянных домов в первые двадцать лет существования города, появление с 1880 г. каменных и кирпичных домов и архитектурных памятников известных архитекторов А. А. Гвоздиовского, Г. Р. Юнгхенделя, Ф. Ф. Постникова (новый железнодорожный вокзал, универсальный магазин «Кунст и Альберс», здание костёла и морского штаба, гостиниц «Версаль» и «Гранд-отель», Восточного института и др.). Из растянутого вдоль береговой линии поселения с очаговым характером застройки, обусловленной прибрежным положением и рельефом местности, город обретает каменные солидные здания, тротуары, мосты, пристани, базары. Видовые открытки из коллекции Б. В. Августовского характеризуются эффектностью фронтальных и угловых ракурсов, выверенностью точек репрезентаций, крупны-

⁶ Архив Общества изучения Амурского края. Ф. 18. Оп. 4. Д. 1. Л. 132: Августовский Б. В. «История Владивостока стала для меня смыслом жизни».

ми планами архитектурных деталей. Рамка открытки как будто фиксирует для зрителя идеальную точку зрения, из которой разворачивается зрелище.

Анализ обширного, но содержательно целостного массива видовых открыток позволяет выделить мотивы и образы («опорные точки» конструирования), из которых складывается образ Владивостока в конце XIX – начале XX в.:

- панорамные виды: с бухты Золотой Рог, улиц Светланская, Алеутская, Пекинская);

- храмы: Успенская церковь, Покровская церковь, Лютеранская кирха;

- памятники: Китайская кумирня, Триумфальная арка (ей посвящено много открыток), памятник Г. И. Невельскому и др.;

- здания: «Пушкинский театр», железнодорожный вокзал, Русско-китайский банк, Почтово-телеграфная контора, консульство Японии, Торговый дом «Кунст и Альберс».

В определённой степени эти виды контрастируют с хаотичной застройкой Владивостока 1880-х гг., где «большинство домов, принадлежащие небогатому классу, деревянные; построены против всяких правил гигиены, весьма тесны, холодны и сыры. <...> Хотя дома строились и строятся из брёвен, но немало встречается и таких, наружные стены которых состоят только из одной плахи. Удобств при домах никаких <...> особенно неблагоприятные санитарные условия представляют: манзовский квартал, Семёновский покос и слободки – Линейная и Матросская, которые по большей части состоят из фанз или жалких лачуг» [Позняк 2014, 113]. Районы, где преобладали азиатские мигранты (так называемый Манзовский базар вблизи Семёновской площади, район вблизи Семёновского покоса и др.), запечатлены на фотографиях, сделанных иностранцами в качестве удивлявших их «экзотических мест» города [Анча и др. 2009], но остаются за пределами открытки как сувенирной продукции, формирующей эстетически привлекательный образ города.

Заключение

Анализ снимков из коллекции Б. В. Августовского демонстрирует, что при создании панорамных видов города фотографы конца XIX – начала XX в. использовали возможности документальных географических данных: характер рельефа местности, расстояний, освещённости, уровней горизонта и т. п. Включение этих параметров в видовые открытки способствовало созданию эстетически ценного рисунка города, близкого изобразительному, с наличием пространственной и световой перспективы. В результате динамика картин создаёт эффект кинематографичности. Кроме того, видовые открытки демонстрируют нам целенаправленное создание знаковых мест.

По сравнению с русским равнинным пейзажем, на открытках из коллекции Августовского ландшафтный пейзаж Дальнего Востока выглядит как включающий в себя изгибы линий, переплетение видов, смешение красок, что создаёт эффект изобилия природы и уникальности архитектурных сооружений дальневосточного города. Владивосток предстаёт в модусе открытого, обширного пространства со-

пок и тайги, противоположному модусу закрытого и тесного пространства города. Кроме того, Владивосток выглядит как город с характерными признаками столичности, до которого, действительно, среднему русскому губернскому городу далеко: с европейскими зданиями, хорошо вымощенными улицами, наличием электрических трамваев.

Таким образом, видовые открытки оказываются эффективным способом конструирования визуального образа Владивостока. Значимость видовых открыток в конструировании образа города обусловлена тем, что в силу своей специфики визуальные образы городского пространства решают некоторые из возникающих в таком конструировании задач более эффективно по сравнению с текстовыми формами описания города. Первоочередное значение в этом плане имеет наглядность городских объектов, что позволяет персонифицировать город и создать тем самым более личностное отношение к нему, осуществить его эмоциональное принятие. В населённых пунктах с яркими отличительными особенностями климата, ландшафта, окружающей природы, местоположения (каковым, безусловно, является Владивосток) конструирование образа города опирается на объективные характеристики, а в его восприятии велика роль визуальных образов, порождаемых в том числе и видовыми открытками из коллекции Б. В. Августовского.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аванесов 2018 – *Аванесов С. С.* Городское пространство как антропологический феномен // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2018. № 2 (16). С. 10–31.
- Александровская 2013 – *Александровская Л. В.* Карл Шульц – фотолетописец Владивостока конца XIX века. Владивосток, 2013.
- Анча и др. 2009 – Владивосток в фотографиях Меррилла Хаскелла. 11 августа 1919 – 23 февраля 1920 / Ред. Д. А. Анча, В. И. Калинин, Т. З. Позняк. Хабаровск, 2009.
- Беньямин 2004 – *Беньямин В.* Шарль Бодлер. Поэт в эпоху зрелого капитализма / Пер. с нем. С. Ромашко // Беньямин В. Маски времени. Санкт-Петербург, 2004. С. 47–234.
- Головнёва 2016 – *Головнёва Е. В.* Мифологизация как способ конструирования городской идентичности (Екатеринбург на интернет-форумах) // Уральский исторический вестник. 2016. № 3 (52). С. 43–51.
- Горнова 2011 – *Горнова Г. В.* НОМО URBANUS: антиномии и конфликты городской жизни в типах горожан. Омск, 2011.
- Горнова 2014 – *Горнова Г. В.* Философия города. Москва, 2014.
- Ермолин 2019 – *Ермолин Д. С.* Почтовые открытки с видом Приштины (Косово / Сербия): образ города и его эволюция в 1910–2010-х гг. // Антропологический форум. 2019. № 41. С. 72–96.
- Ларина 2004 – *Ларина А. Н.* Почтовая открытка в руках историка // Историк и художник. 2004. № 2. С. 109–121.
- Ларина 2010 – *Ларина А. Н.* История Москвы в почтовой открытке. Москва, 2010.

- Лефевр 2002 – *Лефевр А.* Производство пространства / Пер. с фр. С. А. Эфирова // Социологическое обозрение. 2002. Том 2. № 3. С. 27–29.
- Линч 1982 – *Линч К.* Образ города / Пер. с англ. В. Л. Глазычева под ред. А. В. Иконникова. Москва, 1982.
- Луганский, Алексюк 1997 – Владимир Клавдиевич Арсеньев. Биография в фотографиях, воспоминаниях друзей, свидетельствах эпохи / Ред. Ю. Луганский, Г. А. Алексюк. Владивосток, 1997.
- Мартишина 2020 – *Мартишина Н. И.* Мифологический компонент в конструировании образа города и городской идентичности // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2020. № 3 (25). С. 168–178.
- Матвеев 1910 – *Матвеев Н. П.* Краткий исторический очерк города Владивостока. 1860–1910 гг. Владивосток, 1910.
- Мозохина 2012 – *Мозохина Н. А.* Открытка в музее: проблемы формирования и экспонирования коллекций на современном этапе // Вопросы музеологии. 2012. № 1. С. 165–175.
- Октябрьская, Попова 2010 – *Октябрьская И. В., Попова И. В.* Открытые письма Сергея Борисова. Из истории фотографии Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 4 (44). С. 110–121.
- Позняк 2014 – *Позняк Т. З.* Образ Владивостока в представлении современников во второй половине XIX – начале XX в. // Ойкумена. 2014. № 3. С. 109–119.
- Пономарчук 1990 – *Пономарчук Г. И.* Растительность и животный мир // Физическая география Приморского края. Владивосток, 1990.
- Преи 2012 – *Преи Э. Л.* Избранные письма. 1894–1906 / Пер. с англ. А. А. Сапелкина. Владивосток, 2012.
- Самбур 2013 – *Самбур М. В.* Почтовая открытка как источник информации по истории и культуре // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 4. С. 65–69.
- Серто 2008 – *Серто де М.* По городу пешком / Пер. с фр. А. Космарского // Социологическое обозрение. 2008. Том 7. № 2. С. 24–38.
- Тагрин 1978 – *Тагрин Н. С.* Мир в открытке. Москва, 1978.
- Шкловский 1983 – *Шкловский В. Б.* О теории прозы. Москва, 1983.
- Щербак 2005 – *Щербак В.* Норвежский гость // Знаменитые гости Владивостока. Владивосток, 2005. С. 87–89.
- Milman 2011 – *Milman A.* The Symbolic Role of Postcards in Representing a Destination Image: The Case of Alanya, Turkey. *International Journal of Hospitality and Tourism Administration*. 2011. Vol. 12. 2. P. 144–173.
- Rose 2001 – *Rose G.* Visual Methodologies: An Introduction to the Interpretation of Visual Materials. London, 2001.

REFERENCES

- Aleksandrovskaya 2013 – *Aleksandrovskaya L. V.* Karl Schultz as a photographer of Vladivostok in the late of 19th century. Vladivostok, 2013. In Russian.

- Ancha et al. 2009 – Vladivostok in the photos of Merrill Haskell. 11 August 1919 – 23 February 1920. Ed. by D. A. Ancha, V. I. Kalinin, T. Z. Poznyak. Khabarovsk, 2009. In Russian.
- Avanesov 2018 – Avanesov S. S. Urban space as anthropological phenomenon // *ПРАΞΗΜΑ (Praxema). Journal of Visual Semiotics*. 2018. 2 (16). P. 10–31. In Russian.
- Benjamin 2004 – Benjamin W. Charles Baudelaire: A Lyric Poet in the Era of High Capitalism. Transl. into Russian by S. Romashko. *Benjamin W. Time masks*. St. Petersburg, 2004. P. 47–234.
- Certeau 2008 – de Certeau M. Marches dans la ville. Transl. into Russian. *Russian Sociological Review*. 2008. Vol. 7. 2. P. 24–38.
- Ermolin 2019 – Ermolin D. S. Postcards with a view of Pristina (Kosovo / Serbia): the image of the city and its evolution in the 1910–2010s. *Anthropological Forum*. 2019. 41. P. 72–96. In Russian.
- Golovneva 2016 – Golovneva E. V. Mythologization as a means of urban identity constructing (Ekaterinburg in Internet-forums). *Ural Historical Journal*. 2016. 3 (52). P. 43–51. In Russian.
- Gornova 2011 – Gornova G. V. HOMO URBANUS: antinomies and conflicts of urban life in the types of citizens. Omsk, 2011. In Russian.
- Gornova 2014 – Gornova G. V. The philosophy of the city. Moscow, 2014. In Russian
- Larina 2004 – Larina A. N. Postcard in the hands of a historian. *Historian and Painter*. 2004. 2. P. 109–121. In Russian.
- Larina 2010 – Larina A. N. The history of Moscow on a postcard. Moscow, 2010. In Russian.
- Lefebvre 2002 – Lefebvre H. La production de l'espace. Transl. into Russian. *Russian Sociological Review*. 2002. Vol. 2. 3. P. 27–29.
- Lugansky, Aleksyuk 1997 – Vladimir Klavdievich Arseniev. Biography in photos, in memories of friends, in evidence of the era. Ed. by Yu. Lugansky, G. A. Aleksyuk. Vladivostok, 1997. In Russian.
- Lynch 1982 – Lynch K. The Image of the City. Transl. into Russian by V. L. Glazychev. Moscow, 1982.
- Martishina 2020 – Martishina N. I. A mythological component in the construction of the image of the city and urban identity. *ПРАΞΗΜΑ (Praxema). Journal of Visual Semiotics*. 2020. 3 (25). P. 168–178. In Russian.
- Matveev 1910 – Matveev N. P. A brief historical review of Vladivostok. 1860–1910. Vladivostok, 1910. In Russian.
- Milman 2011 – Milman A. The Symbolic Role of Postcards in Representing a Destination Image: The Case of Alanya, Turkey. *International Journal of Hospitality and Tourism Administration*. 2011. Vol. 12. 2. P. 144–173.
- Mozokhina 2012 – Mozokhina N. A. Postcard in the museum: problems of forming and exhibiting collections at the present stage. *The problems of museology*. 2012. 1. P. 165–175. In Russian.
- Oktyabrskaya, Popova 2010 – Oktyabrskaya I. V., Popova I. V. Open letters of Sergey Borisov. From the history of Altai Photography. *Archaeology, ethnography & Anthropology of Eurasia*. 2010. 4 (44). P. 110–121. In Russian.

- Ponomarchuk 1990 – Ponomarchuk G. I. Vegetation and fauna. *Physical Geography of Primorsky Krai*. Vladivostok, 1990. In Russian.
- Poznyak 2014 – Poznyak T. Z. The image of Vladivostok in the view of contemporaries in the second half of the 19th – early 20th century. *Ojkumena*. 2014. 3. P. 109–119. In Russian.
- Pray 2012 – Pray E. L. Selected letters. 1894–1906. Transl. into Russian. Vladivostok, 2012.
- Rose 2001 – Rose G. Visual Methodologies: An Introduction to the Interpretation of Visual Materials. London, 2001.
- Sambur 2013 – Sambur M. V. Postcard as a source of information on history and culture. *The Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*. 2013. 4. P. 65–69. In Russian.
- Shcherbak 2005 – Shcherbak V. Norwegian guest. *The famous guests of Vladivostok*. Vladivostok, 2005. P. 87–89. In Russian.
- Shklovsky 1983 – Shklovsky V. B. On the theory of prose. Moscow, 1983. In Russian.
- Tagrin 1978 – Tagrin N. S. World in the postcard. Moscow, 1978. In Russian.

Материал поступил в редакцию 10.06.2021
принят к публикации 12.08.2021

DOI: <https://doi.org/10.34680/urbis-2021-1-106-118>

ИДЕНТИЧНОСТЬ СООБЩЕСТВ ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ МИНСКА)

Э. А. Усовская

Белорусский государственный университет, Республика Беларусь
elina-rain@mail.ru

В статье раскрываются актуальные для культурных исследований проблемы городской идентичности личности и сообществ. Они решаются в аспекте принадлежности к городу как к определённом месту, манифестирующему собственную уникальность и ценности. Город является не только пространством, в котором человек работает и отдыхает – это место, где он общается, испытывает привязанность, хранит в памяти важные для него события. Город рассматривается не с позиции его функционирования как экономико-социального организма, а эксплицируется в качестве культурной системы, располагающей собственной исторической, мемориальной, культурной конфигурацией и содержанием. Целью статьи является определение ценностей, позволяющих человеку и социально-культурным общностям относить себя к городу. К ценностям, вокруг выстраивается идентичность сообществ города, следует отнести историческое прошлое и настоящее; чувство гордости за место, где человек живёт; рациональную и эмоциональную привязанность к городу, району, двору как к комьюнити, где можно общаться, решать социальные и иные вопросы на основе чувства солидарности и взаимопомощи. Городская идентичность рассматривается на двух уровнях – общегородской и локальной. Общегородская идентичность проявляется в символике значимых для города объектов, проводимых активностей и т. д. Локальная идентичность выражается в привязанности к району, двору, в проведении общих мероприятий, в появлении совместных чатов. Большое значение для формирования чувства идентичности сообществ имеет процесс и результат освоения аутентичных объектов и промышленного ландшафта. «Иницированная» идентичность города рассматривается как процесс реанимации старых мест города и новых пространств, которые маркируются смыслами и ценностями, формирующими идентичность. Одним из успешных примеров ревитализации «забытых» локаций является улица Октябрьская в Минске.

Ключевые слова: город, культура, идентичность, сообщество, единство, ценности.

Для цитирования:

Усовская Э. А. Идентичность сообществ города (на примере Минска) // *Urbis et Orbis. Микроистория и семиотика города*. 2021. № 1. С. 106–118.

DOI: <https://doi.org/10.34680/urbis-2021-1-106-118>

For citation:

Usovskaya E. A. Identity of the city's communities (the case of Minsk). *Urbis et Orbis. Microhistory and Semiotics of the City*. 2021. 1. P. 106–118.

DOI: <https://doi.org/10.34680/urbis-2021-1-106-118>

IDENTITY OF THE CITY'S COMMUNITIES (THE CASE OF MINSK)

Elina Usovskaya

Belarusian State University, Republic of Belarus

elina-rain@mail.ru

The article reveals the problems of the urban identity of the individual and communities that are relevant for cultural research. They are resolved in the aspect of belonging to the city as to a certain place, manifesting its own uniqueness and values. The city is not only a space in which a person works and rests. It is a place where he communicates, feels affection, stores important events in his memory. The city is viewed not from the position of its functioning as an economic and social organism but is explicated as a cultural system with its own historical, memorial, cultural configuration, and content. The purpose of the article is to determine the values that allow a person and socio-cultural communities to refer themselves to the city. The values, the identity of the city's communities are built around, include the historical past and the present; a sense of pride in the place where a person lives; rational and emotional attachment to the city, district, courtyard as a community, where you can communicate, solve social and other issues based on a sense of solidarity and mutual assistance. Urban identity is considered at two levels - city-wide and local. The city-wide identity is manifested in the symbolism of objects significant for the city, activities carried out, etc. Local identity is expressed in attachment to the district, courtyard, in holding common events, in the emergence of joint chats. The process and result of the development of authentic objects and industrial landscape have great importance for the formation of a sense of community identity. "Initiated" identity of the city is examined as a process of reanimation of old places of the city and new spaces, which are marked with meanings and values that form the identity. One of the successful examples of the revitalization of "forgotten" locations is Oktyabrskaya Street in Minsk.

Keywords: city, culture, identity, community, unity, values.

Идентичность представляет собой достаточно сложное явление, обладающее системообразующими характеристиками, маркирующее принадлежность личности, сообщества к чему-либо – стране, нации, городу и т. д. Эта принадлежность обладает не только обусловленным рациональностью контекстом, сознательным соотношением и отнесением к объекту / явлению, но и глубинной психологической, эмоциональной связью. В данном случае вопрос состоит в том, что позволяет человеку, сообществу считать себя частью города, испытывать чувство привязанности к нему. Для нас это будет, прежде всего, сопричастность на основе разделяемых ценностей, лежащих в основе культуры. Воспользуемся формулировкой С. Холла, для которого культура означает «подлинную, обоснованную территорию практик, репрезентаций, языков и обычаев какого-либо конкретного исторического общества», так же как «противоречивые формы «здравого смысла», укоренившиеся в жизни народа и способствовавшие её формированию» [Hall 1997, 24].

Применительно к городу это означает, что у его жителей существует понимание того, что они живут в общем пространстве, вносят определённый вклад в развитие города, поддержание его традиций, сохраняют его историю, выполняют

определённые обязанности, связанные с ролевыми функциями, несут ответственность за прошлое, настоящее и будущее, решают совместно возникающие трудности, вопросы с благоустройством.

Идентичность, как нам представляется, эксплицируется, как минимум, на двух уровнях – всего города и определённой локации (района, двора / дворов). Город как всеобщий для его жителей аксиологический топос призван поддерживать единство социальных практик и культурных смыслов, находящих своё выражение в символическом языке города, в аутентичных, знаковых местах. Общегородская идентичность в таком случае может концентрироваться вокруг архитектурных и скульптурных объектов, создающих символическое лицо города. Для Парижа, например, это Эйфелева башня, для Нью-Йорка – статуя свободы, Сиднея – оперный театр и т. д. За образностью этих объектов скрываются история, разделяемые, или совместные ценности, объединяющие людей. Для многомиллионных мегаполисов это особенно важно в силу размывания общих контекстов и корней, массовости однообразных домов и районов, доминирования принципа «дом – территория для сна и гигиенических процедур». Кроме того, поскольку современные города стремительно приобретают статус и характер полиэтнических образований, образуются локации, часто создающиеся как сегрегационные национально-культурные анклав. Это рождает массу проблем совместного жизненного пространства, коммуникации, интеграции и в немалой степени отражает нерешённость вопросов, связанных с аккультурационными стратегиями и реалиями жизни в другой культуре. Адаптация так называемых чужих национальных общностей к доминирующей, официальной культуре нередко создаёт очаги социальной напряжённости, конфликтов на религиозной и этнической почве. Вследствие этого городу как социально-культурному телу необходимо осуществлять поиск тех самых совместных скреп, которые позволили бы ему оставаться общим домом для жизни. Естественно, что для этого необходимо решать проблемы и экономического характера, системы здравоохранения, доступности самых разных благ для всех категорий населения.

Формирование, по мнению Дэвида Тросби, городской идентичности и её поддержание препятствуют тотальной глобализации и унификации: «Для настоящего периода характерны поиски холистической модели, в рамках которой можно было бы должным образом представить как экономические, так и культурные соображения, а также разрабатывать политику, находящую баланс между многочисленными экономическими, культурными, социальными, экологическими и другими целями городского развития и утверждающую роль местной культурной дифференциации в глобализированной международной экономике» [Тросби 2013, 179]. Для поддержания общегородской идентичности важное значение приобретают совместные активности, действия в самых разных формах. Это могут быть карнавалы, Дни города, фестивали национальных культур, особенно актуальные для городов с многообразной этнокультурной палитрой. Так, в Гродно два раза в год проводится Фестиваль национальных культур, демонстрирующий, с одной стороны, исторически традиционные для Беларуси феномены полиэтничности и поликонфессиональности, с другой – умение жить вместе. В Минске до не-

давнего времени большим успехом пользовались Дни национальных культур, проходивших в историческом Верхнем городе, центром которого являлась ратуша как символ терпимости и свободы, отсылающей к получению городом Магдебургского права в 1499 г. (ил. 1).

Ил. 1. День грузинской национальной культуры «Тбилисоба». Фото автора

Идентичность сообщества возникает в связи с осознанием в качестве ценностного образования социальных, гражданских, экологических и других смыслов. Сегодня это в полной мере раскрывается через локальную дворовую, районную идентичность Минска и других городов и местечек. Она появляется в результате роста гражданского самосознания, развития гражданского общества, потребности в реализации демократических прав и свобод. Её основой является ответственность и взаимопомощь. Для поддержки данного уровня идентичности актуальной становится ритуализация как процесс, поддерживающий единство этих пространств. Она, как нам представляется, проявляется в разных формах, в том числе и карнавализации, совместных акциях, активностях, например, по благоустройству двора. Это могут быть также спектакли, концерты, чаепития, игры, мастер-классы. В художественно-символическом воплощении подобная идентичность находит выражение в виде айдентики – флагов, муралов. В социально-коммуникативном смысле – поддерживается общими чатами, в которых содержится разноплановая информация, в том числе о помощи нуждающимся как материальной, так и психологической. Разрозненность между дворами, домами, квартирами известна достаточно хорошо. Совместные инициативы, дружба соседей явление, скорее исключительное, чем обыденное. В силу этого появление в социальных сетях и реальных городских кварталах, дворах небезразличных сообществ возвращает социальную

поддержку и ответственность, чувство сопричастности и гордости за свой район, дом и т. д.

Одним из актуальных явлений последних десятилетий стал феномен *инициированной идентичности* (термин автора). Его цель состоит в «нанесении» знаков, смыслов на определённые локации города. Собственно, подобная стратегия актуальна для любой другой территории, которая не всегда обладает исторически значимым прошлым и не имеет явно привлекательных объектов. В таком случае возможно инициировать её значение и привлекательность с помощью разных мероприятий, в том числе художественных практик. Инициированная идентичность придаёт значение и ценность и тем топосам города, которые утратили или утрачивают своё значение. Это могут быть заброшенные фабрики и заводы, индустриальные или иные пространства. Практика их реанимации и превращения в культурные индустрии активно используется в Европе, в частности, в Великобритании, где с 1998 г. поддержка креативных индустрий была заявлена одним из приоритетов государственной политики. Примером возвращения к жизни ряда бывших промышленных объектов в Беларуси может служить ул. Октябрьская в Минске (ил. 2, 3).

Ил. 2. Общий вид улицы Октябрьской. Фото автора

Ил. 3. Улица Октябрьская в Минске. Фото автора

Эта часть города исторически представляет собой индустриальную зону, формировавшуюся на протяжении двух прошедших столетий, располагавшуюся недалеко от реки Свислочь и железной дороги, выглядевшую достаточно непривлекательно. Центрообразующим промышленным предприятием стал завод «Гигант». Под этим внушительным названием скрывался заводик с двенадцатью рабочими, выпускавшими ручные окучки. Однако в 1921 г. на месте деревянного построили кирпичное здание и создали одно из крупнейших станкостроительных предприятий в БССР, которое впоследствии получило название Минского завода Октябрьской революции. В конце 1980-х гг. часть производства была вынесена за пределы города. Пустовавшие помещения постепенно приходили в упадок. Однако в 2010-х гг. заводская территория стала меняться и превратилась в экспериментальный арт-ландшафт с множеством кафе, студий, галерей, фотостудий, воркшопов и т. д. Буквально за 8–10 лет Октябрьская преобразилась и стала местом притяжения молодёжной аудитории, туристов.

В большинстве корпусов завода открылись творческие площадки – культурные хабы и инкубаторы. Среди них – культовая креативная площадка «ЦЭХ» с ангаром для выставок, место проведения лекций, воркшопов, встреч, галерея «Ок16» (в настоящее время закрыта) и много других «топовых» мест.

«Ок16» представлял собой культурный хаб, цель которого открывать, вдохновлять, исследовать и масштабировать культурные проекты (ил. 4, 5).

Ил. 4. Культурный хаб «Ок16». Фото автора

Ил. 5. Культурный хаб «Ок16». Фото автора

Инкубатор включал сеть активностей, краткосрочных и перспективных проектов, в том числе театральных экспериментов, арт-фестивалей (ил. 6, 7), экспозиций арт-объектов с использованием мультимедийных проекций, захватывающих самые разные темы, сюжеты, проблемы.

Ил. 6. Литвак-фэст (Litvak Klezmer Fest!). Фестиваль еврейско-белорусской культуры. Фото автора

Ил. 7. Фестиваль еврейско-белорусской культуры Litvak Klezmer Fest! (2019 г.)
Фото автора

Помимо прочего, «Ок16» представлял собой образец совместной продуктивной работы Белгазпромбанка во взаимодействии с Национальной комиссией по делам ЮНЕСКО, Министерствами иностранных дел и культуры, Национальным художественным музеем Республики Беларусь, Белорусским союзом художников и другими партнёрскими организациями.

Одной из знаковых для развития истории современного искусства и освоения индустриального пространства Беларуси была галерея «Ў», органично вписавшаяся в арт-среду Октябрьской (ил. 8).

Ил. 8. Галерея современного искусства «Ў». Фото автора

Её название отсылает к уникальности белорусского языка, единственного из славянских языков, имеющих подобную букву в алфавите. Ещё недавно она включала несколько локаций, позволяющих осуществлять экспозицию работ современных белорусских и зарубежных художников, проводить встречи с представителями самых разных социальных и культурных сред, кафе-бар, помещения для воркшопов, мастер-классов, семинаров, библиотеку, книжный магазин. Она поддерживала междисциплинарные исследовательские проекты в сотрудничестве с профессиональным экспертным сообществом Беларуси в таких научных направлениях, как визуально-культурные и критические урбанистические исследования, философия, социология, гендерные проблемы, современная история и общество. К этому следует добавить обсуждение проблем экологического развития, создание безбарьерной среды, проведение встреч с уже ставшими легендой мэтрами белорусской литературы и искусства, чьё творчество совпало с вехами пути к независимости Беларуси.

Индустриальный ландшафт Октябрьской продолжают здания бывшего кожевенного завода, история которого восходит к 1895 г. Сегодня здесь работают кафе «Лавка», Enzo, «Депо». Внутренние дворики представляют собой оригинальные площадки для инсталляций, арт-объектов, места, где можно отдохнуть и пооб-

щаться. Особой популярностью пользуется кафе-бистро «Лавка» (ил. 9). Сюда приезжают специально выпить чашку кофе, вкус и аромат которого отличается изысканностью.

Ил. 9. Внутренний двор кафе-пространства «Лавка». Фото автора

Необычное место в эстетике и идентичности Октябрьской занимают граффити и муралы, ставшие достопримечательностью не только этой части Минска, но и всего города. Они появились ещё в 2010 г. Однако известность и масштабность приобрели после того, как здесь был проведён урбан-арт фестиваль «Vulica-brasil» («Улица Бразил») в 2014 г. (ил. 10, 11, 12).

Ил. 10. Мурал на ул. Октябрьской. Фото автора

Ил. 11. Мурал на ул. Октябрьской. Фото автора

Ил. 12. Мурал на ул. Октябрьской. Фото автора

Муралы на стенах зданий олицетворяют собой культурное разнообразие мира и Беларуси, которой присущи межэтническая и конфессиональная терпимость. К сожалению, большинство креативных площадок, которые с помощью энтузиастов, волонтеров, художников, частных инвестиций превратились в современные креативные пространства, способствовали развитию и упрочению общегородской и локальной городской идентичности, стали известным туристическим местом, а также послужили экономическому и социальному развитию мегаполиса, сегодня не работают.

Идентичность городского пространства формируется и вокруг ностальгии по утраченной аутентичности. Как пишет Шарон Зукин, «тяга к аутентичности отражает разрыв между тем, что мы испытываем в данном пространстве, и нашим мироощущением, составляющим часть нашего менталитета... Идея аутентичности важна потому, что она связывает наше личное стремление укорениться в конкретной пространственно-временной точке с космическим масштабом широких социальных сил, перестраивающих наш мир посредством множества мелких и нередко незаметных шагов» [Зукин 2019, 316]. Действительно, человек, общность, живущие в определенном месте длительное время, возможно, из поколения в поколение вместе испытывают чувство привязанности к нему и идентичность, выделяющую их на фоне других сообществ. Вторжение в мир устоявшихся моделей поведения, мышления, образ жизни новых практик, современных построек, уплотняющих район, шума или снос зданий с последующим переселением в новые места рождает ощущение потери, страх, разрушает чувство идентичности и эмоциональной привязанности людей к месту и друг к другу. В то же время ностальгия по аутентичности свидетельствует о том, что несмотря на быстрый ритм огромных городов и самой жизни, люди стремятся найти точку опоры в виде чего-то традиционно-аутентичного, настоящего, устоявшегося, внушающего доверие, создающего ощущение сопричастности к совместному делу, истории, друг к другу. Возможно поэтому популярной становится малоэтажная городская застройка, оригинальные архитектурные решения, создающие иллюзию аутентичности, или освоение старых районов и кварталов, их реанимация и ревитализация.

Таким образом, идентичность городского пространства выстраивается вокруг самых разных ценностей – собственно культурных, духовных, социальных, играющих исключительно важную роль в развитии чувств привязанности, сопричастности, совместной деятельности при формировании чувства общности людей.

БИБЛИОГРАФИЯ

Зукин 2019 – Зукин Ш. *Обнажённый город. Смерть и жизнь аутентичных городских пространств* / Пер. с англ. А. Лазарева и Н. Эдельмана; под науч. ред. В. Данилова. Москва, 2019.

Тросби 2013 – Тросби Д. *Экономика и культура* / Пер. с англ. И. Кушнаревой. Москва, 2013.

Hall 1997 – Representation: Cultural representations and signifying practices (Culture, Media and Identities series). Ed. by S. Hall. Thousand Oaks, 1997.

REFERENCES

Hall 1997 – Representation: Cultural representations and signifying practices (Culture, Media and Identities series). Ed. by Stuart Hall. Thousand Oaks, 1997.

Th rosby 2013 - Th rosby D. Economics and Culture. Moscow, 2013. In Russian.

Zukin 2019 – Zukin Sh. Naked City. Death and Life of Authentic Urban Places. Moscow, 2019. In Russian.

Материал поступил в редакцию 14.09.2021
принят к публикации 29.10.2021

ГОРОД В КИНО

DOI: <https://doi.org/10.34680/urbis-2021-1-119-141>

ПАРАДЖАНОВСКИЙ КИЕВ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ: «КИЕВСКИЕ ФРЕСКИ»

Т. С. Симян

Ереванский государственный университет, Армения
tsimyan@ysu.am

Исследование выполнено при финансовой поддержке Комитета по науке РА
в рамках научного проекта № 21AG-6C041

Статья посвящена анализу феномена Сергея Параджанова и восприятию Параджановым городского пространства через призму киносценария «Киевские фрески». Целью статьи является анализ городского ландшафта Киева на примере киносценария и кинопробы «Киевские фрески», а также «духа» города на уровне предметного мира, быта и праздника. Предметом обсуждения является следующий тезис: Сергей Параджанов на языке визуальных знаков, через пространственные синтагмы и сегменты разных исторических пластов показывает «свой» Киев. В киносценарии особо акцентирована советская эпоха и отголоски Великой Отечественной войны в городском пространстве в послевоенные годы. Эмпирический анализ киносценария показал, что фильм «Киевские фрески» как продолжение киевского свертхтекста советской эпохи представляет большой интерес для анализа городского пространства. Выявление функций киносценария позволяет заключить, что Параджанов намеревался создать в тематическом плане советский фильм, а по средствам визуализации – модернистский. Анализ пространного контекста «Киевских фресок» выявляет, что советский кинематографический истеблишмент был не в состоянии понять авторский замысел, представляющий 20-летие победы в Великой Отечественной войне в модернистском ключе. Киносценарий «Киевские фрески» раскрывает не только психологические проблемы жителей города, но и контент Воображаемого (Ж. Лакан) послевоенного Киева. Анализ параджановских интенций в киносценарии показал, что режиссёр хотел представить в динамичном плане древний и новый (советский) Киев, «душу» города через детали (фрески), фрагменты, метафоры. Зритель постоянно должен находиться в творческом процессе, в диалоге с текстом: домысливать, реконструировать, понимать и воссоздавать визуальные знаки на уровне частного и общественного. Автор статьи реконструировал предсоветскую эпоху Киева на основе деталей скульптуры князя Владимира, памятников гетманам (XVI–XVII вв.), а советскую эпоху – через памятник Ни-

Для цитирования:

Симян Т. С. Параджановский Киев советской эпохи: «Киевские фрески» // *Urbis et Orbis. Микроистория и семиотика города.* 2021. № 1. С. 119–141.
DOI: <https://doi.org/10.34680/urbis-2021-1-119-141>

For citation:

Simyan T. S. Kiev of the Soviet-Era from Parajanov's point of view: "Kiev Frescoes". *Urbis et Orbis. Microhistory and Semiotics of the City.* 2021. 1. P. 119–141.
DOI: <https://doi.org/10.34680/urbis-2021-1-119-141>

колаю Щорсу. По сценарию, особую смысловую нагрузку несут стоящие под памятником Щорсу советские генералы, принимающие парад, а также предметы амуниции – сапоги, шинели, мундиры, другие атрибуты – медали, ордена, звёзды, братские могилы, машина «Победа», немецкие трофеи (аккордеон в немецком футляре) и т. д. В киносценарии, где были упомянуты различные вещи и объекты, выявлены два гиперонима – «профанное» и «сакральное», указывающие на разные функции объектов в городском пространстве. В контексте гиперонима «профанное» было проанализировано «третье место» советского Киева (кафе, цирк), а также городская инфраструктура (трамвай, метро). Объектом анализа стали так же советский быт (холодильники, мотоциклы с коляской, авоськи) и гастрономические гипонимы (апельсин, украинский борщ, торт «Киевский»). «Сакральное» города было представлено на примере указанных в киносценарии социальных институтов и артефактов – Национального музея УССР (Музей искусства им. Богдана и Варвары Ханенко) и Свято-Успенской-Киево-Печерской Лавры (XI в.). Все упомянутые детали в «Киевских фресках» функционировали как «говорящие» индексы-знаки или образы-знаки, с помощью которых Параджанов раскрывал предсоветские и советские историко-культурные пласты Киева.

Ключевые слова: киевский текст, киевский свертхтекст, киноязык, Параджанов, «Киевские фрески», Советская Украина, праздник Победы, праздник в кино.

KIEV OF THE SOVIET-ERA FROM PARAJANOV'S POINT OF VIEW: "KIEV FRESCOES"

Tigran Simyan

Yerevan State University, Armenia

tsimyan@ysu.am

**The work was supported by the Science Committee of RA,
in the frames of the research project № № 21AG-6C041**

The article analyzes Sergey Parajanov's habitus and Parajanov's vision of the Kiev urban space based on the film script "Kiev frescoes". Using the example of the screenplay and screen test "Kiev frescoes", the article investigates the urban landscape of Kiev and presents the "spirit" of the city at the level of the objective world, everyday life, and celebration. Specifically, I argue that Sergei Parajanov, in the Newspeak of visual signs, through spatial syntagmas and segments, conveys different historical layers of Kiev. The Soviet-era and the echoes of the Second World War in the post-war years of urban space are especially emphasized. An empirical analysis of the screenplay shows that the film "Kiev Frescoes" is a continuation of the Kiev supertext of the Soviet era and is of great interest for analyzing urban space and for identifying the functions of individual city buildings, squares, sculptures, and monuments. Examination of the screenplay reveals that Parajanov was preparing to create a Soviet film thematically, and a modernist one by means of visualization. An analysis of the large context of "Kiev frescoes" showed that the Soviet film establishment was unable to understand the author's intention, representing the 20th anniversary of the Great Victory in Kiev. The screenplay "Kiev frescoes" reveals not only the psychological problems of the city's inhabitants but also the content of their imaginary post-war Kiev. The analysis of Parajanov's intentions in the screenplay showed that he wanted to dynamically present the ancient and new (Soviet) Kiev, the "soul" of the city

thanks to the details (fresco), fragmentation, and metaphors. The spectator had to be in the creative process all the time, in dialogue with the text: to conjecture, reconstruct, understand, and recreate visual signs at the level of private and public, social. Based on the screenplay and screen tests, the author reconstructed the pre-Soviet-era of Kiev through the details of the sculpture of Prince Vladimir, hetmans (XVI–XVII centuries), and the Soviet-era through the sculpture of Nikolai Shchors, standing next to Soviet generals as spectators of the parade, as well as through boots, greatcoats, uniforms, medals, orders, stars, mass graves, the Pobeda car, German trophies (accordion in a German case). Based on the screenplay, in which various phenomena, things, and objects were mentioned, two hypernyms “profane” and “sacred” were identified, indicating different functions of objects in the urban space. In the context of the hypernym “profane”, the authors analyzed the “third place” of Soviet Kiev (cafes, circus), as well as infrastructure (tram, metro). The subject of the analysis was also the Soviet way of life (refrigerators, motorcycles with a sidecar, shopping bags) and gastronomic hyponyms (orange, Ukrainian borsch, Kiev cake). The “sacred” of the city was presented through the example of the National Museum of the Ukrainian SSR (Museum of Art named after Bogdan and Varvara Khanenko) and the Holy Dormition Kiev Caves Lavra (XI century), since these social institutions and artifacts were indicated in the script. All the above-mentioned details and phenomena in the “Kiev frescoes” functioned as “speaking” indexes-signs or image-signs, with the help of which Parajanova conveyed both the pre-Soviet and Soviet layers of Kiev.

Keywords: Kiev text, Kiev supertext, cinema language, Parajanov, “Kiev frescoes”, Soviet Ukraine, Victory Day, holiday in cinema.

Введение

Уроженец мультикультурного города Тифлиса Сергей Параджанов был человеком фронта, или «границы»¹. В Тифлисе жили армяне, грузины, русские, евреи, турки и т. д., и для творческого человека такая мультикультурность стала предпосылкой рождения полифонических и «пограничных» (кино)текстов на основе нового киноязыка.

Ю. Лотман, анализируя фильм «Ашик-Кериб», отмечает, что в фильме открыто используются языки кино, «совершенно ины[e] по своей эстетической природе», проявляется «смелость художника, который “берёт своё там, где находит”, не ослабляет, а обновляет искусство» [Лотман 1987, 67]. Сказанное Лотманом может быть экстраполировано и на переход от киноязыка «Теней забытых предков» (1965) к эстетическим открытиям «Киевских фресок» (1966) и «Цвета граната» (1968). «Киевские фрески» являются значимым этапом на пути поиска нового киноязыка и способов изображения городского пространства.

В связи с этим интересно высказывание Жан-Люка Годара: «Я верю в идею, что на первом месте – произведение художника, а не его личность. Именно поэтому я думаю, что не мы создаём язык искусства, а язык создаёт художника. Сергей Параджанов сам по себе произведение, творение кинематографического языка. Язык кино сам по себе существует, а авторы кино – его слуги. Параджанов является покорным и талантливой слугой этого языка» [цит. по Пашаян 2018, 52].

¹ См. подробнее [Симян 2019а, 197–215].

Параджанов прекрасно понимал, что он создаёт свой сложный киноязык. Во время обсуждения киносценария «Киевские фрески» сам режиссёр признавал его сложность, отмечая: «Пусть над ним задумается любой, прочитав его» [Деревянко 1990, 56].

Цель статьи – проанализировать отображение «городского ландшафта» Киева на примере киносценария и кинопробы «Киевских фресок», а также передать «дух» города на уровне предметного мира, быта и праздника².

Главный тезис статьи: С. Параджанов на языке визуальных знаков, через пространственные синтагмы и сегменты показывает разные исторические пласты Киева, особенно советскую эпоху и отголоски Великой Отечественной войны в поствоенные годы.

Джеймс Стеффен, анализируя видение города Параджановым, усматривает некую общность с произведениями Джеймса Джойса («Улисс», 1922)³ и Дзиги Вертова («Человек с киноаппаратом», 1929) [Стеффен 2013, 90]. Типологически параджановское видение города переключается также с картиной Ф. Феллини «Рим» (1972)⁴. Но «первооткрывателем» подобного способа был Уолт Уитмен со своим «методом» каталога как продукта субъективного видения. Например, в стихотворении Уитмена «**Salut au Monde!**» с помощью рефренов «Я слышу» (I hear), «Я вижу» (I see) [Whitman 1855, 243] выявляется, по выражению К. Чуковского, «каталог вещей» [см. подробнее: Чуковский 1969, 9–50]. 15-минутные кинопробы Параджанова также показывают основные поэтологические приёмы изображения, уже использованные в фильме «Цвет граната» (1968).

Американский исследователь творчества Параджанова отмечает следующие основные технические детали: переход от «живых картин» к статичной камере (переход от «Теней...» к «Киевским фрескам»), рама картины, как композиционный метод и декоративный мотив, композиции-натюрморты, тройные композиции внутри отдельных кадров, абстрактность мизансцены, пантомима и другие эксперименты с актёрской игрой на сцене [Стеффен 2013, 98–101]. О статичности камеры эксплицитно говорит и Сергей Параджанов в своём «Выступлении перед творческой и научной молодёжью Белоруссии 1 декабря 1971 года»: «Картина “Саят-Нова” снята с одной точки, не меняя свет, цвет, не меняя оптику, с одной точки. Картина статична, безумно статична, и этим она мне очень дорога» [Параджанов 2011].

Несомненно, картина «Киевские фрески» могла стать модернистской работой, посвящённой Украине, Киеву. В связи с этим интересен эскиз Параджанова «Снимите новый гимн Земле!», в котором режиссёр рассказывает о том, как один из украинских чиновников обратился к нему с предложением снять фильм о Зем-

² По сути, данная статья продолжает дискурс параджановского киевского текста советской эпохи [Steffen 2013, 88–113 (рус. пер. Стеффен 2013, 83–106)] и общих исследований этого свёрхтекста на примере разных дискурсов. Об этом см. [Бураго 2016, 35–40].

³ О соотношении теорий и подходов Джойс-Выготский-Эйзенштейн-Параджанов см. подробнее [Oeler 2016, 472–487].

⁴ О заочных отношениях Параджанова и Феллини см. статьи Арцви Бахчиняна [Бахчинян 2009, 3; Bakhchinyan 2009, 234–237].

ле, перекликающийся с фильмом Довженко «Земля». Новый гимн Земле, посвящение Украине. «Лучше вас, – отметил чиновник, – это никто не сделает! И после этого снимайте всё, что хотите!»... Уходя, Параджанов ему сказал: «Вы не просидите долго в этом кресле!». Он побледнел и спросил: «Почему?». «Вы добрый человек, – отметил режиссёр, – а такие люди не задерживаются на этом посту...» [Параджанов 2020, 155]. Так и случилось. Параджанову не позволили снять фильм о Киеве.

Киев в творчестве Параджанова

Сергей Параджанов в своих эскизах, интервью, выступлениях, а также в кинотекстах неоднократно обращался к городу, городскому пространству. Режиссёр не обошёл своим вниманием и город Киев, прославивший его, поскольку фильм «Тени забытых предков» был снят им на Украине [Параджанов 1999]. О замысле Параджанова снять фильм, посвящённый столице Украины, говорится в его речи: «Я давно мечтал снять фильм о Киеве. Киев уже не раз бывал на экране – исторический, пейзажный, архитектурный, индустриальный, разрушенный войной. Но почти никто не всматривался в душу Киева, не замечал его печалей и желаний, не замечал его человечности. Есть Киев новый и древний. И это один и тот же город. Город, который с каждым поколением обретает новую красоту, не теряя при этом старой. Биография современного Киева немыслима без его детства. И потому так хочется сделать фильм о времени – о великом зодчем, который постоянно реконструирует, восстанавливает, разрушает, достраивает» [Параджанов 1999].

Слова режиссёра свидетельствуют о том, что он стремился показать душу города, показать его «изнутри» в контрасте древнего и нового, но в то же время как нечто целокупное. Режиссёр воспринимает город как живой организм, как субъект, что позволяет раскрыть психологическую и этическую составляющую («печали и желания», «человечность») города. Он видит Киев глазами разных поколений, в диакронии, со времён основания («детство города») до его современного состояния.

В то же время Параджанов с помощью одной детали показывает суть украинской земли. В «Киевских фресках» есть уникальный киноэпизод: «По площади ехал грузовик с чернозёмом. На чёрной земле спали две женщины в белых платках. В сумерках по площади Победы гнали табун колхозных коней. Передние ноги коней были связаны. Стреноженные кони прыгали... Прыгали гривы» [Параджанов 1990, 47].

Если сказанное перевести на визуальный язык, то спящие женщины в белых платках на фоне чернозёма смотрятся красиво, как и стреноженные кони. На прагматическом уровне подобные кадры, снятые с определённой высоты, воздействуют в плане цветового контраста. Одновременно чернозём символизирует украинскую землю и отсылает зрителя к фильму Довженко «Земля» (1930). На коннотативном уровне в киносценарии рабочий класс страны показан в цветовой оппозиции (белое vs. чёрное). Женщины спокойно спят на чернозёме, а дух деревни, колхозной жизни передан посредством красивых коней и общего эпизода на чернозёме (лежащие женщины). Иными словами, «периферия» представлена в центре города исходя из критериев красоты, а не идеологии.

Сценарий «Киевских фресок» (1966) был написан Параджановым в соавторстве с известным украинским писателем Павло Загребельным. Госкино Украины после просмотра кинопроб приняло решение закрыть фильм с «вердиктом»: «непонятно», «формализм» [Антипенко 2013, 81]. Для того времени подобное восприятие Киева было новаторским, именно поэтому в киносценарии приводятся цитаты из 25-го тома «Большой советской энциклопедии» (БСЭ), раскрывающие значение слова «фреска»: «<...> Основное значение – свежий. Фреска – позволяющая создавать монументальные произведения, органически связанные с архитектурой и временем. Фреска – палитра фрески довольно сдержанна, что придаёт ей благородную простоту. Методы использования фресок изменяются с их развитием» [Параджанов 1990, 43].

Ссылки на БСЭ сделаны специально, поскольку в советскую эпоху энциклопедия воспринималась как «опора» науки, состоящая из ёмких, выверенных, прошедших цензуру ясных и недвусмысленных текстов. Авторы сценария прекрасно осознавали, что могут возникнуть проблемы с пониманием текста киносценария. Приведённые цитаты являются подсказками, формирующими правильное восприятие фильма кинематографическим истеблишментом той эпохи. Иными словами, поэтика фильма основана на выстраивании целого по фрагментам. Подобный подход был не только поэтологическим приёмом, но и жизненным кредо самого режиссёра: «Я ищу фрески жизни и пытаюсь найти их» [Деревянко 1990, 56].

Выписка из словаря – «Фреска (итал. fresco). Слово “фреска” в своём основном значении – свежий» – указывает на свежесть параджановского взгляда на Киев, позволившего показать город с его архитектурными сооружениями в пространственно-временном срезе. В 15-минутной кинопробе можно увидеть киевские городские «фрески», булаву выдающегося украинского полководца, гетмана Богдана Хмельницкого, часть горельефа памятника Великому князю Владимиру (ил. 1, 2).

Ил. 1. Булава Б. Хмельницкого. Кадр из кинопробы «Киевские фрески». Сергей Параджанов

Ил. 2. Князь Владимир. Кадр из кинопробы «Киевские фрески». Сергей Параджанов

Как видно из иллюстративных примеров, Параджанов в «Киевских фресках» показывает фрагменты, детали «визитных карточек» Киева в контексте памятников культуры. Выбранные ракурсы в плане цветовой палитры сдержанны и просты. Благодаря метонимическим кадрам Параджанов придаёт визуальной синтагме красочность. В его кинопробе можно увидеть и разные городские ракурсы – от сакрального до профанного (ил. 3).

Ил. 3. Киев. Кадр из кинопробы «Киевские фрески». Сергей Параджанов

Посредством размазанного фона профанных зданий городским «фрескам» придаётся некая мифологизированность. Кадр выхватывает не целое, а части отдельных зданий, скульптур, человеческие фигуры и т. д. (ил. 4).

Ил. 4. Деталь памятника. Кадр из кинопробы «Киевские фрески». Сергей Параджанов

Даже на примере 15-минутной кинопробы видно, что визуальное повествование зиждется на фрагментарности визуальных образов. В противном случае эти кадры приобрели бы значение документальных. Технически, в плане кинематографии, этот замысел можно осуществить с помощью монтажа – собрать целое по частям, но это целое является продуктом субъективного восприятия художника-режиссёра. Е. Левин, рассуждая о жанре⁵ киносценария, отмечает, что это было «калейдоскопом видения, сплетений реального и воображаемого, в нём пунктиром просматривалась фабула, еле просвечивала конкретная жизненная история сквозного персонажа» [Левин 1990, 42].

Советский киноистеблишмент воспринимал дробность, калейдоскопичность видения как дефект, поскольку не был готов увидеть фильм о городе на языке фресок. Мирон Черненко, анализируя фильм «Ашик-Кериб», заключает, что искусство «по аналогии, по созвучию и по смыслу [можно назвать] калейдографом, вспомнив изначальный греческий смысл этого словосочетания – “красивая форма”. Его искусство складывается из обломков всех культур...» [Черненко 1989, 74].

Параджанов стремился заговорить на языке красоты, «красивой формы» – кинофресок, чтобы показать «свой» Киев. В связи с этим интересна его идея на об-

⁵ Автор статьи предполагает, что здесь говорится не о конкретном жанре киносценария, а о модусе представления будущего фильма Параджанова.

суждении киносценария 24 марта 1965 г. в формате сценарно-редакционной коллегии: «Я ищущу фрески жизни и пытаюсь найти их. <...> Надо задуматься всем, что есть Киев, и создать фильм о нём, о людях, живущих в нём, и национальном характере» [Деревянко 1990, 56]. Изображение жителей города было задумано на двух уровнях: восприятия индивидуального и общественного. Дух Киева на уровне индивидуального представлен в контексте случайного любовного треугольника (человек-режиссёр vs. женщина-хранительница музея vs. грузчик – мужчина 55 лет), а общее – на примере всех жителей города Киева, появляющихся в эпизодах. Подобный замысел технически можно передать через фрагментарность изображения, т. е. через монтаж. Американский исследователь творчества Параджанова Джеймс Стеффен отмечает, что «монтаж как метод представляет жизнь города как одновременность, как свободное сопоставление людей разного общественного положения и подробностей их жизни. В этом отношении параджановское видение Киева является типично модернистским» [Стеффен 2013, 90].

«Вещный мир», советские артефакты: победа и поражение

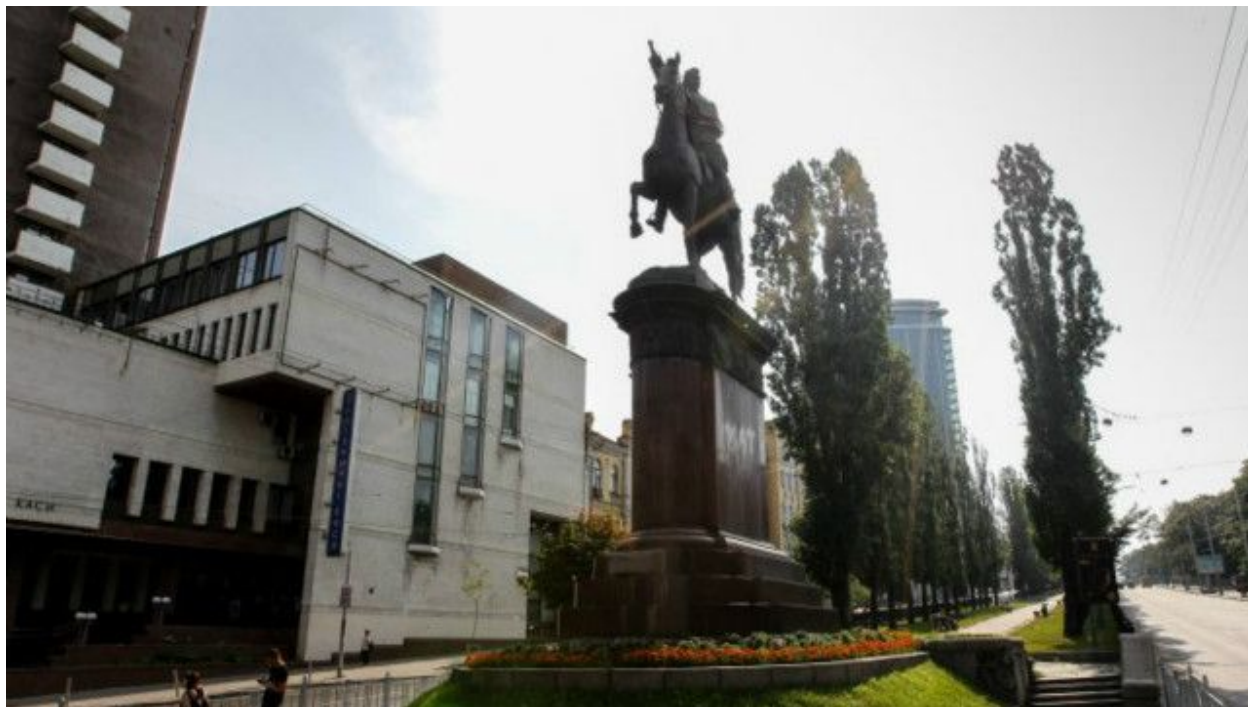
Все события происходят в Киеве 9 Мая 1965 г., включённые в контекст 20-летия Великой победы в Великой Отечественной войне. Визуальным «рефреном» в сценарии является салют в честь победы. По этому поводу интересные детали сообщает оператор фильма «Киевские фрески» Александр Антипенко. Предполагалось, что каждую новеллу параджановского фильма предварит вспышка салюта над Киевом [Антипенко 2013, 80]. Киев должен был предстать перед публикой не будничным, а праздничным («Утром с лучами солнца в “квартиру, где горел свет”, ворвались все шумы праздничного города»).

Во вступительной части сценария и в первой фреске камера фиксирует образы знаковых исторических фигур – красного командарма Николая Щорса (1895–1919), князя Владимира, гетманов Украины [Параджанов 1990, 43, 44], предположительно гетманов запорожского войска XVI – первой половины XVII вв. Яцко Неровича-Бородавку (1619–1621), Петра Сагайдачного (1621–1622), Олифера Голуба (1622) и др. Они должны были быть показаны фрагментарно, не в хронологической последовательности, а уже во второй фреске рядом с памятником Щорсу на бульваре Шевченко (ил. 5) должна была стоять «группа генералов» на фоне двадцати грузовых военных машин с солдатами [Параджанов 1990, 44].

Памятник Щорсу является символом советской Украины. Националисты во главе с лидером «Добровольческого движения ОУН» Николаем Кохановским не раз хотели демонтировать его, ссылаясь на закон о декоммунизации Киева [Активисты планируют 2016].

«Дух» СССР, Великой Отечественной войны и праздника Победы передаётся через военные атрибуты: **сапоги** («...Многочисленно на цыпочках идут солдатские сапоги») [Параджанов 1990, 44], **шинели** («...Жены одёргивают шинели мужей, сдувают пушинки...») [Параджанов 1990, 44], **мундиры, медали, ордена, звёзды** («...Мундир изогнулся... забренчал медалями, орденами... звёздами») [Параджанов 1990, 46], **инвалидные коляски** как атрибут последствий Великой Оте-

чественной войны («Залп. Инвалидная коляска. Инвалид нажимает на педали... летит мимо светофора... въезжает один на пустую площадь Победы») (ил. 6).

Ил. 5. Памятник Николаю Щорсу. Киев. 1954

Источник: <https://kyivpastfuture.com.ua/ru/pamyatnyk-nykolayu-shhorsu-ystoryya/>

Ил. 6. Площадь победы. Киев. 1985

Источник: <https://clck.ru/aeL7K>

Заметим, что эта площадь исторически отсылает и к культурному пласту XIX в., поскольку она была известна под названием Еврейский базар или Галицкий базар (с 1869 г. – Галицкая площадь) [Киев. Энциклопедический справочник 1985, 486].

В ряде фресок представлены **братские могилы**: «...Братские могилы на Бойковом кладбище... белые одинаковые таблички... женщины в чёрном» [Параджанов 1990, 46]. В киносценарии есть также эпизод, где старая вдова обещает подарить крест Святого Георгия своему мужу, похороненному «на Лукьяновском кладбище, и... это очень близко от зоопарка, если идти тропинкой» [Параджанов 1990, 53]. На самом деле речь идёт об одном и том же кладбище. Братское **Лукьяновское кладбище** называют ещё и Бойковым кладбищем в честь дважды Героя Советского Союза (январь, апрель 1944) полковника 54-ой танковой дивизии Бойко Ивана Никифоровича (1910–1975), принимавшего участие в обороне Киева [Киев. Энциклопедический справочник 1985, 70], но нынешнее официальное название кладбища – Государственный историко-мемориальный Лукьяновский заповедник (ил. 7).

Ил. 7. Крест и карта. Вход в Лукьяновское кладбище. 2020. Фото: Половко Сергей Николаевич
Источник: [https://w.wiki/4Ei\\$](https://w.wiki/4Ei$)

Старая машина «Победа» (1946–1958), ассоциируется, с одной стороны, с праздником Победы, с другой же – с советским машиностроением как знаком эпохи. Однако мы видим, что женщина с «головой ушла в капот» и «ковыряется» в моторе [Параджанов 1990, 44]. Эти кадры имплицитно указывают на эмансипированность женщин, разбирающихся в моторе, и, в то же время, на дефекты ходовой

части машин тех лет. Оппозиция: праздника 20-летия победы – и «ставшая» из-за поломки машина под названием «Победа» – содержит скрытую иронию и скепсис по отношению к советской системе. Ироничность проскальзывает и в образе дворника Феликса (его все звали Филя): «... он был празднично одет, при широком галстуке, в лаковых туфлях. – Сегодня у него праздник... он освобождал Киев... хороший человек... тихий... вчера только вот был свидетелем драки с грузинами у магазина “Автомобили”, а сегодня в такой день повестка в суд, как свидетеля, конечно...» [Параджанов 1990, 47]. Цитата показывает, как отмечают праздник победы социальные низы и красноречивым семиокодом является язык одежды дворника.

В 8-й фреске на фоне городского пространства показан также военный трофей: «Из машины вышел «Генерал»... Он помог сойти старухе с мешком и аккордеоном в немецком футляре» [Параджанов 1990, 53]. «Аккордеон в немецком футляре» в контексте праздника 20-летия победы в Великой Отечественной войне несёт положительную функциональную нагрузку. В связи с этим вспоминаются параджановские высказывания о Берлине и о немцах в эскизе «Чашка из сервиза Адольфа Гитлера». Там противопоставляется экономическое процветание побеждённой Германии и безнадёжное отставание победившего в войне СССР.

В эскизе «Чашка из сервиза Адольфа Гитлера» читаем: «На Берлинском кинофестивале нас не задержали больше одного дня. Я плакал у мэра города и просил показать мне Бранденбургские ворота и рейхстаг.

Ну и по совместительству мне как человеку особенному показали толкучку в Берлине, где я купил кофейную чашку из сервиза Адольфа Гитлера.

Город потрясающий, чистый, большой, сытый. Смешно было, что я победитель, а вокруг меня побеждённые. Это был единственный город, где я ощутил, что я побеждённый, а немцы – победители и в смысле дизайна, и в смысле сытости нации, и в смысле витрин, ресторанов, кафе, счастливых лиц молодёжи, ходящей в обнимку и шикарно одетой... Мне казалось, специально организовали этот парад, чтобы мы ощущали себя полунищими и по сумме, которую нам выдали на пропитание, и по тому, что шикарный номер в “[К]емпинский” стоил удивительно больших денег, а больше суток нас не задержали. Нас четырежды проверили, и на четвёртый раз я сам убедился, что я действительно Параджанов – советский режиссёр и не вывожу ничего: нет ни оружия, ни прокламаций, а увожу приз – пуд бронзы и чашку из гитлеровского сервиза» [Церетели 2008, 184].

Иными словами, что для Параджанова полноценное пребывание в городе, помимо ознакомления с объектами культурного значения, означало также посещение барахолки, блошиных рынков. Он был большим любителем вернисажей. Это особенное городское пространство, дающее возможность понять прошлое через предметный мир. В параджановский текст просачиваются элементы мистификации (покупка чашки из сервиза Адольфа Гитлера), юмористическая гиперболизация. Он упро-

сил со слезами на глазах, чтобы ему показали центр города (Бранденбургские ворота, рейхстаг) и периферию (толкучку). По сути, он увидел разные культурные пласты Берлина: «визитные карточки» Берлина и «вещный мир» прошлого.

Для Параджанова толкучка была пространством игры. В. Катанян вспоминает, что на киевской барахолке Параджанов «подолгу стоял перед китчевыми клетчатыми ковриками с русалками и лебедями⁶, беседовал с продавцами по-украински, торговался, не покупая, и всё подбивал меня приобрести эту «потрясающую красоту. Никаких тулупов не было, мне надоело, я замёрз и звал его уехать» [Катанян 1994, 12]. Рассказанный В. Катаняном эпизод ещё раз подтверждает, что Параджанов был вроде актёра в «театре» городского пространства.

Но вернёмся к берлинскому городскому тексту. Параджанов противопоставляет побеждённый Берлин «победителям», советским людям. В то же время он отмечает, что Берлин – город чистый, большой и сытый, чего нельзя было сказать о советских городах конца 1980-х. Перед глазами режиссёра Берлин предстаёт через призму богатства, счастья, красоты и дизайна. Его восхищало оформление витрин, кафе и ресторанов; иными словами, красивое моделирование «третьего места», неизвестное советским городам. Эскиз заканчивается упоминанием о чашке из гитлеровского сервиза, которая преподносится как «трофей», «приз». Эта чашка – единственный сувенир, который смог себе позволить приобрести на барахолке всемирно известный советский режиссёр.

Также сильное впечатление на Параджанова произвела немецкая молодёжь – модно одетая, гуляющая в обнимку. В тексте Параджанова это воспринимается как знак свободы и счастья. И тут же напрашивается сравнение с победившей Германию страной, которая пошла совершенно другим путём. Вертикаль советской власти была смоделирована по принципу авторитарности, что и привело к краху системы.

«Профанное»: «третье место» советского Киева, инфраструктура и советский быт

Из городской транспортной инфраструктуры в киносценарии упоминаются киевские трамваи и киевское метро [Параджанов 1990, 44, 46]. Заметим, что трамваи в Киеве появились ещё в дореволюционное время. Киев был первым городом Российской империи, где с 1892 г. уже ходили (вместо конных) электрические трамваи [Киев. Энциклопедический справочник 1985, 616–617]. Киевское метро было открыто в советское время – 6 ноября 1960 г., и стало третьим по счёту в СССР после Москвы и Ленинграда [Киев. Энциклопедический справочник 1985, 387–388].

⁶ Эта фраза Катаняна о клетчатых ковриках с лебедями и русалками отсылает нас к знаменитому эпизоду из фильма Леонида Гайдая «Операция “Ы” и другие приключения Шурика»: «Внедряйте культурку, вешайте коврики на сухую штукатурку» [Источник: https://www.youtube.com/watch?v=WMwcDc_YFJk].

«Дух» производства УССР представлен в параджановском сценарии холодильниками («...Вверх по шоссе мчатся зеркальные гиганты – холодильники») [Параджанов 1990, 44]. По всей вероятности, Параджанов имел в виду холодильники «Кристалл», которые выпускались в пригороде Киева, на Василевском заводе, с 1954 г.

В фильме о Киеве режиссёр упоминает названия магазинов («Мебель», «Гастроном», «Детский мир»), кафе («Экспресс»), авиакас («Аэрофлот») [Параджанов 1990, 44, 47, 52] и т. д. Сами названия олицетворяют советские реалии: указаны гиперонимы («Мебель», «Гастроном», «Детский мир»), но в названиях отсутствует индивидуализация. Название кафе «Экспресс» ассоциируется с движением, скоростью, что можно интерпретировать как быстрый и качественный сервис. Что касается названия «Аэрофлот», то в наши дни оно функционирует в совершенно ином контексте, нежели тогда. На фоне напряжённых политических отношений между Россией и Украиной сегодня название этой авиакомпании в Украине несёт в себе исключительно негативную коннотацию, но в начале 1960-х, когда гражданская авиация в СССР только зарождалась, логотип «Аэрофлот» был одним из брендов успешности в Стране Советов, сравнимым с полётом в космос.

Отдельные детали в киносценарии указывают на стиль советской логистики: «Мотоцикл с коляской... Ящики апельсинов... минеральные и сладкие воды... Жадно обхватила мотоциклиста буфетчица в белом халате» [Параджанов 1990, 46].

Особенно в наши дни анахроничен кадр, запечатлевший мотоцикл с коляской⁷, открытые ящики апельсинов на «пленэре» оставляют впечатление, что в советское время не соблюдались санитарные нормы. Об этом говорит и одежда буфетчицы, которая в белом халате мчится по проспекту Победы. В киносценарии переданы и типичные для советских гастрономов детали:

А. «Авоська с ядрами апельсина» [Параджанов 1990, 48]. Вещная синтагма «апельсины в авоське» на визуальном уровне смотрится красиво. Однако апельсины в авоське несут в себе не только эстетическую нагрузку, но и целый комплекс коннотативных смыслов. Авоська символизирует советскую эпоху. Само название сумки указывает на дефицит товаров в СССР, где не было полиэтиленовых упаковочных материалов. Поэтому многие вынуждены носить с собой в карманах, ридикюлях сумку-авоську, на случай, если попадётся что-то из продуктов или товаров повседневного спроса; может быть, хозяйственных принадлежностей. Кадр с апельсинами в авоське в киносценарии функционирует не только на эстетическом уровне, но и на «сюрреалистическом». Неспроста уже в постсоветскую эпоху М. Задорнов назвал авоську «нихренаськой» [Задорнов 1992]. Синонимом авоськи может быть ещё и «нифигаська». Изображение авоськи с апельсинами косвенно указывает на то, что в канун победы в одном из магазинов Киева «выбросили» экзотический фрукт – апельсин.

⁷ Автор статьи помнит жёлтые мотоциклы с коляской, на которых милиционеры патрулировали советские города.

Б. Украинский борщ. По киносценарию героиня («она») собиралась угостить грузчика борщом [Параджанов 1990, 48], и под этим подразумевается многое...

В. Киевский торт. В сценарии повествуется о том, что на четвёртом этаже дома на Белорусской улице «выносили коробки с тортами... открывали коробки, спорили, искали «Киевский»...» [Параджанов 1990, 49]. Этот бытовой эпизод, по сути, отсылает к гастрономическому символу Киева советской эпохи (ил. 8).

Ил. 8. Киевский торт. Источник: <https://clck.ru/aeL7b>

Украинский исследователь творчества Параджанова Загребельный отмечает, что Параджанов во время съёмок «Теней забытых предков» привозил из Киева несколько коробок «Киевского» торта, которым угощал гуцулов и съёмочную группу [Загребельный 2011, 15]. Рецепт и технология приготовления этого торта были разработаны в 1956 г. на Киевской кондитерской фабрике имени Карла Маркса. Торт стал одним из любимых лакомств не только в УССР, но и во всём Союзе⁸. И сегодня торт не утратил своего символического смысла и производится компанией «Roshen»⁹.

⁸ Этот торт, по утверждённой рецептуре, производился на всех кондитерских фабриках Советского Союза. Так, в Армении «Киевский» торт производился Ереванским комбинатом восточных изделий.

⁹ О современном виде и упаковке торта см. [Roshen].

Одним из часто упоминаемых в киносценарии знаний является Центральное здание цирка. Во второй фреске говорится о «колоннах цирка», «куполе цирка» [Параджанов 1990, 44, 52] (ил. 9).

Ил. 9. Центральное здание цирка. Киев. 2009. Источник: <https://w.wiki/4EjG>

Здание киевского цирка было построено в 1960 г. Соответственно, это один из символов советской эпохи. Не случайно в киносценарии «события» и основные визуальные ряды разворачиваются вокруг площади Победы. К тому же Параджанов жил в высотном здании напротив цирка, в маленькой двухкомнатной квартире [Мадоян 2001, 68].

Как всегда, Параджанов карнавализует свой нарратив. В эскизе «За что меня лишили Ленинской премии» режиссёр пишет: «Перед каждым праздником, за неделю до демонстрации, я просыпаюсь по утрам под крики: “К цирку, к цирку!..” “К Большевику, к Большевику”» [Параджанов 2020, 151]. Эпизод напоминает этим, как в советское время портреты вождей натягивали на холст длиной в три этажа, а кто-то из организаторов руководил процессом. Как говорит сам Параджанов, «цирк и завод “Большевик” располагались на противоположных сторонах от балкона квартиры» [Параджанов 2020, 151]. Параджанов, со свойственным ему артистизмом, продолжает свою интеллектуальную игру: «Я им кричу: “Вы что же делаете! Прекратите издевательства! Уже одного еврея распяли, так нам две тыщи лет нет покоя!” Смотрят на меня, как на идиота, пожимают плечами и снова за своё: “К цирку, к цирку!” К “Большевику, к “Большевику”» [Параджанов 2020, 151]. Нарратив Параджанова функционирует в эмоциональном поле иронии, карнавальности. Парад и праздник воспринимаются в контексте «цирка» как чего-то несерьёзного, игрового.

Если в «Киевских фресках» здание цирка фигурировало как образец советской архитектуры, то для самого Параджанова цирк стал местом рефлексии власти в кафкианском духе: «Разочарованный в себе и в том, что у него ничего не получа-

лось, дрессировщик наотмашь ударил хлыстом бегемота. Потрясённый неожиданным ударом, бегемот сбил с ног дрессировщика, и они оба, окровавленные, лежали на манеже в ожидании решения. Решение было принято... Дирекция и "комиссия по охране труда" списали бегемота в городской зоопарк, установив, что "он сумасшедший"» [Параджанов 2020, 153].

Приведённая цитата образно демонстрирует стиль работы советских должностных лиц, абсурдность, неправильность принятия решений руководством и комиссиями. Сказанное можно дополнить пассажем: «В одном из вольеров было многолюдно и шумно. За решёткой бегемот с увлечением проделывал трюки, что не удавались ему два года тому назад. А меня все продолжают убеждать, что "он был сумасшедшим"» [Параджанов 2020, 153]. Из цитаты можно заключить, что только нарратор видит то, чего не видит толпа. В нашем контексте нарратор как человек искусства, как посвящённый, противопоставленный профанам – руководящей «верхушке» и представителям толпы, видит незримое.

Из того же эскиза узнаём, что киевский зоопарк был местом для философских раздумий Параджанова: «Спустя два года я снова в Киеве... Не шуршат под ногами игриво размокшие листья каштанов... Я с волнением брожу по пустым, мокрым аллеям зоопарка» [Параджанов 2020, 153]. Слова передают дух осеннего Киева, запах опавшей листвы каштанов¹⁰, хотя в киевском свёрхтексте гораздо больше акцентируются весна, центр города (Крещатик), цветущие каштаны, что и придаёт особое очарование городу и «индивидуальность» на ольфакторном уровне.

«Сакральное»: музеи, церкви Киева

По режиссёрскому замыслу, во второй фреске в кадре должны были появиться Музей искусства им. Богдана и Варвары Ханенко, который в советское время назывался Киевским музеем западного и восточного искусства, а также ключевая картина из собрания музея Диего Веласкеса «Инфанта Маргарита» (1658–1660, холст, масло), которая была куплена киевскими коллекционерами супругами Ханенко в 1912 г. на берлинском аукционе. До этого она находилась в коллекции Вебера. Помимо картины Веласкеса, согласно киносценарию, в кадре должны быть показаны картины Сурбарана, Гойи, Моралеса [Параджанов 1990, 44], сундук Кассоне (V в., Испания) [Параджанов 1990, 46].

По сценарию в кадре появляется монастырь Свято-Успенской Киево-Печерской Лавры (XI в.) со своим двором («Дворы Киевской Лавры... немые монахи») [Параджанов 1990, 46]. Параджанов очень любил показывать своим гостям достопримечательности центра. В. Катанян в своей книге «Прикосновение к идолам» рассказывает о том, как режиссёр завёл его пещеру Киево-Печерской Лавры и начал там «длинный разговор с монахом на плохом украинском, а когда они выбрались на свет Божий, сообщил, что договорился, и [их] принимают послушниками в ка-

¹⁰ О расцвётших каштанах в контексте воровской субкультуры. См. текст Александра Розенбаума [Розенбаум 2015].

кую-то обитель» [Катанян 1997, 216]. Параджанов не просто знакомил с городом, но и наслаждался процессом общения, игрой и мистификацией.

Режиссёр любил Киев и пытался показать «свой» Киев с его жителями, являющимися человеческим капиталом города. Известный писатель, сценарист, главный редактор журнала «Экран» Агаси Айвазян (1925–2007) в эскизе о Параджанове отмечает, что сам режиссёр гостю из Еревана предлагал показать «достопримечательности Киева. Он был влюблён в Киев, как ценитель искусства и как армянин: армяне любят мир, любят и ценят общечеловеческие ценности, абстрагируясь от национальных различий. Он посвятил мне целый день, повёз меня в оперный театр, где его очень любили и широко использовали его творческий талант, показал все улицы, которые я не видел, он смотрел на них глазами искусства» [Айвазян 2005, 263]. Жаль, конечно, что Айвазян не раскрыл параджановский «метод» видения городского пространства и не указал на конкретные городские пейзажные перспективы. Но он демонстрировал гостям «своё» восприятие города и ракурсы отдельных городских «фресок».

Параджанов раскрывал магию города не только для гостей, но и для коренных жителей. Вот что пишет в связи с этим его супруга, Светлана Щербатюк: «Я всегда любила свой город, но по-настоящему узнала его благодаря Сергею. Каждая прогулка с ним была откровением. Архитектурные стили, поверхностно представленные в школьных учебниках по истории, оживали воочию. И уж, конечно, ничего не говорилось в них о замечательных домах, построенных в стиле модерн начала XX века. Их так много в моём любимом городе! О каждом доме Сергей Параджанов рассказывал, как о живом существе. И когда только успел узнать этот город, в котором никогда раньше не бывал!» [Цит. по Сергей Параджанов Maestro 2019, 18–19]. Приведённый пассаж показывает, как Параджанов «читал» город сегментарно, раскрывая его с «обратной перспективы»¹¹. А нарратив о городе и зданиях представлял эмоционально, одушевляя городское пространство («О каждом доме Сергей Параджанов рассказывал, как о живом существе»). Из текста Светланы Щербатюк становится очевидно, что Параджанов обладал глубокими знаниями в архитектуре и живописи, так как и в незнакомых городах ему удавалось раскрывать их культурные пласты.

Иногда ему приходилось «подрабатывать» на «халтурной» работе. Однако и здесь проявлялась его неординарность. На первом этаже одного из зданий на проспекте Победы (дом 1), где он жил, была «Вареничная» (сейчас кафе), в которую он заходил, восклицая: «Расступись, идёт украинский буржуазный националист Параджанов! Народ шарахался» [Загребельный 2011, 12]. Василий Катанян пишет о том, как Серёжу «немного подкармливали в “Вареничной”», которая открылась на первом этаже его дома, так как он там сделал фреску: «<...> взял несколько разноцветных керамических плиток и, отламывая от них плоскогубцами кусочки и нанося на стену раствор цемента, сочинил пёструю толпу испанских танцовщиц в

¹¹ См. об этом подробнее [Степанян / Сима́н 2012, 6–16].

окружении гитаристов. Мы зашли туда поесть, его встретили, как короля, а он тут же: «Видите этого черноусого? (Это я.) Так вот, я с него делал того испанца с бубном. Узнаёте? Он из Барселоны, ни слова не понимает по-русски, поэтому дайте нам двойные порции!» Все в восторге и денег с нас не берут» [Катанян 1997, 222].

Процитированный фрагмент свидетельствует о том, что Параджанов создавал образцы декоративно-прикладного искусства в городском интерьере. В 1960-е гг. Параджанова заинтересовала техника мозаики. В ряду работ, выполненных в этой технике, заслуживают внимания «Чаренц» (1965), «Казак Мамай» (1965) «Каменная баба» (1960-е гг.), «Ослики» (1965) [См. Сергей Параджанов Maestro 2019, 32–36].

Творчество Параджанова как дизайнера переключается с творчеством грузинского художника Пиросмани, рисовавшего для городских духанов картины, картины-рекламы¹². По всей вероятности, упомянутая Катаняном фреска не сохранилась, но эпизод из воспоминаний Катаняна играет важную роль в понимании образа Параджанова как «играющего человека», для которого мир был неким театральным действием.

Выводы

Таким образом, можно заключить, что киносценарий «Киевские фрески» является продолжением киевского свертхтекста советской эпохи и представляет большой интерес для анализа городского пространства и выявления функций отдельных городских зданий, площадей, скульптур и памятников. Анализ киносценария показал, что Параджанов намеревался создать в тематическом плане советский фильм, а посредством визуализации киноязыка – модернистский. Изучение пространного контекста «Киевских фресок» говорит о том, что советский киноинтелигент не в состоянии был понять авторский замысел киносценария, параджановский знаковый код, который должен был представить 20-летие Великой победы.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Айвазян 2005 – Айвазян А. Всего лишь одна жизнь. Ереван, 2005. На армянском языке.
- Активисты планируют 2016 – Активисты планируют снести памятник Щорсу, КГГА против // BBC NEWS Украина, 2016. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.bbc.com/ukrainian/ukraine_in_russian/2016/06/160629_ru_s_shchors_monument (дата обращения: 01.09.2021).
- Антипенко 2013 – Антипенко А. Его девиз был – отдавать // Экранный мир Сергея Параджанова. Сборник статей / Сост. Ю. Морозов. Киев, 2013. С. 77–82.
- Бахчинян 2009 – Бахчинян А. Федерико Феллини-Сергей Параджанов. Никогда не встречавшиеся братья по цеху // Азг (вкладыш о культуре). 21.11.2009. На арм. языке.

¹² См. об этом подробнее [Симян 2019 б, 259–276].

- Бураго 2016 – Бураго Е. Г. Семиотика города: Киев как текст культуры // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2016. № 2. С. 35–40.
- Деревянко 1990 – Деревянко Т. Вернёмся в 1965-й... // Искусство кино. 1990. № 5. С. 55–62.
- Загребельный 2011 – Загребельный М. Сергей Параджанов. Харьков, 2011.
- Задорнов 1992 – Задорнов М. Нихренаська, 1992. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=SF67XBSM20s> (дата обращения: 01.09.2021).
- Катанян 1994 – Катанян В. Сергей Параджанов: Цена вечного праздника. Москва, 1994.
- Катанян 1997 – Катанян В. Прикосновение к идолам. Москва, 1997.
- Киев. Энциклопедический справочник 1985 – Киев. Энциклопедический справочник / Отв. ред. А. В. Кудрицкий. 2-е изд. Киев, 1985.
- Левин 1990 – Левин Е. Предисловие // Искусство кино. 1990. № 5. С. 41–42.
- Лотман 1987 – Лотман Ю. Новизна легенды // Искусство кино. 1987. № 5. С. 63–67.
- Мадоян 2001 – Мадоян Р. «Цвет граната» и легенда Параджанова. Калифорния / Глендел, 2001. На армянском языке.
- Параджанов 1990 – Параджанов С. Киевские фрески // Искусство кино. 1990. № 5. С. 43–54.
- Параджанов 1999 – Параджанов С. Исповедь Сергея Параджанова, ...собранный и сколажированный Гарегином Закояном // Киноведческие записки. 1999. № 44. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kinozapiski.ru/ru/article/sendvalues/658/> (дата обращения: 01.09.2021).
- Параджанов 2011 – Параджанов С. «Если художнику не верят после сорока, то ему не поверят и на том свете...». Выступление перед творческой и научной молодёжью Белоруссии 1 декабря 1971 года // Континент. 2011. № 150.
- Параджанов 2020 – Параджанов С. Гранат любви. Москва, 2020.
- Пашаян 2018 – Пашаян С. Сергей Параджанов. Ереван, 2018. (На армянском языке).
- Розенбаум 2015 – Розенбаум А. Расцвели каштаны. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=rUqfIX0VB6Q> (дата обращения: 01.09.2021).
- Сергей Параджанов Maestro 2019 – Сергей Параджанов Maestro 2019: [Альбом изобразительных работ] / Сост. В. А. Бархударян, В. И. Журавлёва. Ереван, 2019.
- Сиян 2019 а – Сиян Т. С. Сергей Параджанов как текст: человек, габитус, интерьер (на материале визуальных текстов) // ПРАЕНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2019. № 3. С. 197–215.
- Сиян 2019 б – Сиян Т. С. Старый Тифлис в памяти разных поколений: живопись, кафе, закат города (на примере В. Элибеяна, А. Айвазяна) // Сюжетология и сюжетология. 2019. № 1. С. 259–276.
- Степанян, Сиян 2012 – Степанян А. А. Сиян Т. С. Ереван как семиотический текст // Критика и семиотика. 2012. Вып. 16. С. 6–16.

- Стеффен 2013 – *Стеффен Д.* «Киевские фрески»: неосуществлённый кинопроект Сергея Параджанова // *Экранный мир Сергея Параджанова. Сборник статей / Сост. Ю. Морозов. Киев, 2013. С. 83–106.*
- Церетели 2008 – Коллаж на фоне автопортрета. Жизнь – игра / Автор идеи, предисловия, комментариев, составление и подбор иллюстраций К. Церетели. Нижний Новгород, 2008.
- Черненко 1989 – *Черненко М.* Путешествие на крах поэтики // *Искусство кино. 1989. № 5. С. 70–74.*
- Чуковский 1969 – *Чуковский К.* Мой Уитмен. Москва, 1969.
- Bakhchinyan 2009 – *Bakhchinyan A.* Serguei Parajanov et Federico Fellini. Des confrères qui ne se sont jamais rencontrés. «Fellinità». Ed. Jean-Max Mejean. Paris, 2009. P. 234–237.
- Roshen – Фирма «Roshen»: торт «Киевский». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://roshenstores.com/ru/tort-kijivskij/p252> (дата обращения: 01.09.2021).
- Whitman 1855 – Whitman Wh. *Leaves of Grass.* Brookline / New York, 1855. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://whitmanarchive.org/published/LG/1860/poems/51> (дата обращения: 01.09.2021).
- Oeler 2016 – Oeler K. A Collective Interior Monologue: Sergej Parajanov and Eisenstein's Joyce-Inspired Vision of Cinema. *The Modern Language Review.* 2016. Vol. 101. 2. P. 472–487.

REFERENCES

- Activists plan 2016 – Activists plan to demolish the monument of Shchors, Kiev City State Administration against. BBC NEWS Ukraine. 2016. URL: https://www.bbc.com/ukrainian/ukraine_in_russian/2016/06/160629_ru_s_shchors_monument. In Russian.
- Antipenko 2013 – Antipenko A. His motto was – to give. The screen world of Sergei Parajanov. Collection of articles. Compiled by Yu. Morozov. Kiev, 2013. P. 77–82. In Russian.
- Ayvazyan 2005 – Ayvazyan A. Only one life. Yerevan, 2005. In Armenian.
- Bakhchinyan 2009 – Bakhchinyan A. Federico Fellini-Sergey Parajanov. Brothers never met in the shop. *Azg (Nation. L iner about culture)*. 21.11. 2009. In Armenian.
- Bakhchinyan 2009 – Bakhchinyan A. Sergey Parajanov et Federico Fellini. Des confrères qui ne se sont jamais rencontrés. «Fellinità». Ed. Jean-Max Mejean. Paris, 2009. P. 234–237. In French.
- Burago 2016 – Burago E. G. City Semiotics: Kiev as a culture text. Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. *Series: Theory of language. Semiotics. Semantics.* 2016. 2. P. 35–40. In Russian.
- Chernenko 1989 – Chernenko M. Journey to the collapse of poetics. *Art of cinema.* 1989. 5. P. 70–74. In Russian.
- Chukovsky 1969 – Chukovsky K. My Whitman. Moscow, 1969. In Russian.

- Derevianko 1990 – Derevianko T. Back in 1965... *Art of cinema*. 1990. 5. P. 55–62. In Russian.
- Katanyan 1994 – Katanyan V. Sergey Parajanov: The Price of an eternal holiday. Moscow, 1994. In Russian.
- Katanyan 1997 – Katanyan V. Touching idols. Moscow, 1997. In Russian.
- Kiev. Encyclopedic reference book 1985 – Kiev. Encyclopedic reference book (Editor-in-chief A.V. Kudritsky). 2-nd ed. Kiev, 1985. In Russian.
- Levin 1990 – Levin E. Foreword. *Art of cinema*. 1990. 5. P. 41–42. In Russian.
- Lotman 1987 – Lotman Y. The novelty of the legend. *Art of cinema*. 1987. 5. P. 63–67. In Russian.
- Madoyan 2001 – Madoyan R. "The Color of Pomegranate" and the Legend of Parajanov. California / Glendale, 2001. In Armenian.
- Oeler 2016 – Oeler K. A Collective Interior Monologue: Sergej Parajanov and Eisenstein's Joyce-Inspired Vision of Cinema. *The Modern Language Review*. 2016. Vol. 101. 2. P. 472–487.
- Parajanov 1990 – Parajanov S. Kiev Frescoes. *Art of cinema*. 1990. 5. P. 43–54. In Russian.
- Parajanov 1999 – Parajanov S. Confessions of Sergei Parajanov, ...collected and coined by Garegin Zakoyan. Film studies notes. 1991. 44. URL: <http://www.kinozapiski.ru/ru/article/sendvalues/658/>. In Russian.
- Parajanov 2011 – Parajanov S. "If an Artist is not believed after forty, then he will not be believed in the next world...". Speech to the creative and scientific youth of Belarus on December 1, 1971. *Continent*. 2011. 150. In Russian.
- Parajanov 2020 – Parajanov S. Pomegranate of Love. Moscow, 2020. In Russian.
- Pashayan 2018 – Pashayan S. Sergey Parajanov. Yerevan, 2018. In Armenian.
- Rosenbaum 2015 – Rosenbaum A. Chestnuts have blossomed. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=rUqfIX0VB6Q>. In Russian.
- Roshen – Trademark "Roshen": Kiev cake. URL: <https://roshenstores.com/ru/tort-kijivskij/p252>. In Russian.
- Sergei Parajanov Maestro 2019 – Sergei Parajanov Maestro 2019: [Album of Fine Works]. Compiled by V. Barkhudaryan, V. Zhuravleva. Yerevan, 2019. In Russian.
- Simyan 2019 a – Simyan T. S. Sergey Parajanov as a text: man, habitus, and interior (on the material of visual texts). *ИПАЭНМА. Journal of Visual Semiotics*. 2019. 3. P. 197–215. In Russian.
- Simyan 2019 b – Simyan T. S. Old Tiflis in the memory of different generations: painting, cafe, city sunset (by the example of V. Elibekyan, A. Ayvazyan). *Syuzhetologiya i Syuzhetografiya (Studies in Theory of Literary Plot and Narratology)*. 2019. 1. P. 259–276. In Russian.
- Steffen 2009 – Steffen D. "Kiev Frescoes": Sergei Parajanov's unrealized film project. The screen world of Sergei Parajanov. Collection of articles. Compiled by Yu. Morozov. Kiev, 2013. P. 83–106. In Russian.
- Stepanyan / Simyan 2012 – Stepanyan A. A. Simyan T. S. Yerevan as a semiotic text. *Critique and semiotics*, 2012. 16. P. 6–16. In Russian.

Tsereteli 2008 – Collage on the background of a self-portrait. Life is a game. Author of the idea, preface, comments, compilation, and selection of illustrations by K. Tsereteli. Nizhny Novgorod, 2008. In Russian.

Whitman 1855 – Whitman Wh. Leaves of Grass. Brookline. New York, 1855. URL: <https://whitmanarchive.org/published/LG/1860/poems/51>

Zadornov 1992 – Zadornov M. Nihrenaska, 1992. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=SF67XBSM20s>. In Russian.

Zagrebelny 2011 – Zagrebelny M. Sergey Parajanov. Kharkov, 2011. In Russian.

Материал поступил в редакцию 13.07.2021,
принят к публикации 23.09.2021

DOI: <https://doi.org/10.34680/urbis-2021-1-142-150>

КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОПЫТА СТОЛКНОВЕНИЯ С ИНЫМ В ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДА

Д. Н. Ахметзянова

Национальный исследовательский университет ИТМО, Санкт-Петербург, Россия
dn.akhmetzyanova@gmail.com

В статье исследуется специфика кинематографического изображения пространства города в контексте дихотомии «свои – чужие». Городское пространство интерпретируется как сложносочинённая среда, закладывающая основу для переживания встречи с иным, то есть отличающимся от персональной нормы каждого горожанина. В статье рассматриваются предположения, что образ чужака в незнакомом городе является репрезентацией столкновения с иным в городском пространстве, а также может быть успешно использован для деконструкции существующих социальных стереотипов. Эти предположения исследуются на основе анализа специфики изображения пространства города в кинематографе и способов интерпретации городских образов в контексте конфликта между рациональным и чувственным, внутренним и внешним. В качестве материала для анализа были использованы такие кинофильмы, как «Чужое лицо» Хироси Тэсигахары, «Трудности перевода» Софии Копполы, «Американский психопат» Мэри Хэррон, «Смерть в Венеции» и «Белые ночи» Лукино Висконти. Проявленные образы городской жизни и городской ментальности, доведённые до идейной чистоты средствами кинематографа, становятся фактической иллюстрацией сущностных аспектов человечности и социальности.

Ключевые слова: городское пространство, городские метафоры, репрезентация иного, дихотомия «свои – чужие», кинематографическая репрезентация.

CINEMATOGRAPHIC REPRESENTATION OF THE EXPERIENCE OF FACING THE OTHER IN THE CITY SPACE

Dina Akhmetzyanova

ITMO University, St. Petersburg, Russia
dn.akhmetzyanova@gmail.com

This article examines the specificity of the cinematic image of the city in the context of the dichotomy “friends and foes”. Due to the fact that urban space is a complex environment, city dwellers could experience a meeting with the something other, which is different from the

Для цитирования:

Ахметзянова Д. Н. Кинематографическая репрезентация опыта столкновения с иным в пространстве города // *Urbis et Orbis. Микроистория и семиотика города.* 2021. № 1. С. 142–150.
DOI: <https://doi.org/10.34680/urbis-2021-1-142-150>

For citation:

Akhmetzyanova D. N. Cinematographic representation of the experience of facing the other in the city space. *Urbis et Orbis. Microhistory and Semiotics of the City.* 2021. 1. P. 142–150.
DOI: <https://doi.org/10.34680/urbis-2021-1-142-150>

views of a citizen. The article examines the assumptions that the cinematic image of a stranger in unfamiliar city is a representation of the other in an urban space and can also be successfully used for deconstruction of social stereotypes. Also the article examines the specifics of the image of the city space in the cinema and the ways of interpreting urban images in the context of the conflict between the rational and the sensual, the internal and the external. Films such as Hiroshi Teshigahara's "The Face of Another", Sofia Coppola's "Lost in Translation", Mary Harron's "American Psycho", Luchino Visconti's "Death in Venice" and "White Nights" were used as a material for the analysis. The research contains the conclusion that the cinematic images of the urban become an actual illustration of the definition of humanity.

Keywords: urban space, urban metaphors, representation of the other, dichotomy "friends and foes", cinematic representation.

Городское пространство – по определению многоплановая, сложносочинённая среда; место столкновения интересов, зарождения новых идей и мнений, способных породить конфликты; средоточие власти и область поиска возможных компромиссов – одним словом, истинный парадокс, состоящий из взаимоисключающих друг друга понятий. С тех самых пор как весь мир накрыло тенью вавилонской башни единого информационного пространства, накладывающего свой отпечаток и на характер создаваемой глобализованным обществом среды, именно города – глобальные города, мега- и гигаполисы – являлись материальным символом новейшего времени. Однако описанные ещё Луисом Виртом негативные отличительные характеристики городских сообществ не утратили своей актуальности: «Личностная дезорганизация, душевное расстройство, суицид, делинквентность, преступность, коррупция и беспорядок» [Вирт 2005], – пожалуй, можно утверждать, что на сегодняшний день они стали неотъемлемой частью городской ментальности *per se*. Так, обязательным набором при описании менталитета горожанина стали проблемы деперсонализации, атомизации, проблема социального неравенства и фиксация новых морально-нравственных идеалов, обусловленных условиями рыночного капитализма. Что может быть красноречивее гротескных образов «Американского психопата» (2000, режиссёр Мэри Хэррон) и образа Патрика Бейтмана в частности, дополненных не только спецификой интерьерных решений, но и общим архитектурным видом Нью-Йорка конца 90-х, с его тщеславными небоскрёбами и фигурами бездомных людей на грязных улицах, максимально точно отражающими факт того, что города могут быть не только пространством диалога, но и территорией конфликта: «До того как его [город] стали считать, в буквальном смысле, источником рака, то есть канцерогеном, сам по себе город воспринимался как рак – место аномального, неестественного роста и экстремальных, пожирающих, хищных страстей» [Сонтаг 2016].

В то время как функция городского пространства – быть театром городской жизни, средой, в которой горожанин получает возможность почувствовать связь с другими людьми, на деле, ввиду высокой степени дифференциации городских сообществ, для городов характерны как визуальная многослойность, так и смысловая противоречивость: «Потенциально город сам по себе – символ сложности общест-

ва» [Линч 1982]. Отчуждённость горожанина, равнодушие к ближнему и одиночество – уже не одно столетие житель города неизбежно сталкивается с пониманием поверхностности своих социальных связей. Ежедневно подвергающийся стрессу в силу специфики среды своего обитания, он вынужден встречаться с чужеродным, иным – истинно городским, поджидающим его за порогом собственного дома, точно сюрреалистические образы из берроузовских «Городов красной ночи» или городских чудовищ из работ Клайва Баркера. В городах иное с большей смелостью выходит на свет, формируя у наблюдателя восприятие урбанизированной среды посредством переживания опыта встречи с непривычным, отличающимся от его персональной нормы: «Открытие Другого даёт человеку возможность эстетически прочувствовать онтологическое различие, онтологическую дистанцию между сущим (в том числе и собой как сущим) и Другим (как Бытием, Небытием и Ничто). Встреча с Другим открывает человеку его близость, открывает имманентность трансцендентного: Другое не “где-то”, а “здесь, тут”, в нём и перед ним, в предмете, который прекрасен или страшен» [Лишаев 2012].

Однако испытание столкновением с иным в пространстве города есть обоюдоострый меч: каждый переживающий подобную городскую травму горожанин потенциально является репрезентацией иного, то есть источником травмы и триггером формирования проблем самоидентификации для другого горожанина: «С одной стороны, мы можем узнать самих себя только в присутствии Другого, и на этом базируются нормы человеческого общежития и терпимости. Но мы куда охотнее находим этого Другого невыносимым, потому что по какому-то параметру он – не мы» [Эко 2014].

Невероятно точная метафора – изображение безликой толпы с грубыми, одинаковыми, внушающими ужас масками вместо лиц в контексте Японии 60-х годов, успевшей столкнуться с новым кризисом (и застывшей в ожидании так и не случившейся революции), использованная в экранизации «Чужого лица» Кобо Абэ (1966, режиссёр Хироси Тэсигахара), отражает не только идею утраты собственной идентичности в городской среде, но и факт постоянно существующего риска подвергнуться стигматизации и стать частью иного.

Сьюзен Сонтаг пишет о привилегированном статусе лица, о том, что оно играет ключевую роль при разграничении нами прекрасного и уродливого: «Само наше представление о человеке, о его достоинстве зависит от отделения лица от тела, от возможности выделить лицо в отдельную категорию, либо оно выделится самостоятельно и его не затронут процессы, происходящие с телом. И летальные болезни вроде сердечных приступов и гриппа, не повреждающие и не деформирующие лица, не вызывают панического страха» [Сонтаг 2016]. Насколько показательны примеры Джона Меррика и Дориана Грея, что лицо для нас – один из первичных критериев нашей человечности, настолько же очевидным является стремление главного героя «Чужого лица» – господина Окуямы – вернуть свою связь с социумом, утраченную им вследствие травмы.

Тем не менее, по мере развития сюжета зритель вынужден вольно или невольно задавать себе вопрос: а что является истинным источником страданий персонажей? Так, мотив «утраты лица», а затем его осознанной замены на социально приемлемую маску; тема травмы — и заметной невооружённым глазом, физической, и менее очевидной, ментальной; образы сумасшедших на городских улицах; понимание того, что в новом урбанизированном мире каждый человек является случайным незнакомцем для другого; и даже использование приёма «фильм в фильме», заставляющего провести невольные параллели с бергмановской «Персоной», вышедшей в том же году, — всё это не только придаёт повествованию большую сюрреалистичность, но открыто заявляет о тяжести психологического ущерба, нанесённого горожанину фактом его изолированности, оторванности от социума. Однако это также закладывает основу для восстановления классической средневековой идеи «городской воздух делает свободным» с помощью парадокса: именно на улицах города господин Окуяма обретает пусть временное и сомнительное, но избавление, — в точности как и те, кому исторически не было места в пределах общины, кто мог оказаться замеченным исключительно сквозь призму «Уродцев» Броунинга или объектив Дианы Арбус: все они могли получить шанс на принятие и место в социуме лишь в условиях города: «Хотя традиционные узы человеческой ассоциации ослаблены, городское существование предполагает гораздо большую степень взаимозависимости между людьми и более сложную, хрупкую и изменчивую форму взаимных связей» [Вирт 2005].

К сожалению, значительная разница в жизненном опыте и специфика травмы способны создавать определённые «трудности перевода» при восприятии зрителем экранных образов. Поэтому особую значимость приобретает образ чужака в незнакомом городе — образ, также являющийся репрезентацией столкновения с иным в городском пространстве: «Наилучший другой — это чужеземец» [Эко 2014]. Между тем, образ иностранца обладает большим пространством для манёвра, ведь в случае соотнесения себя с потерявшимся туристом зрителю дана этически более приемлемая возможность проникнуться сочувствием к персонажу без откровенной дегуманизации и алиенизации прочих экранных образов.

Нечто подобное можно наблюдать в «Трудностях перевода» (2003, режиссёр София Коппола) на примере историй Боба Харриса — собирательного образа западного человека в период до глобализации, вынужденного адаптироваться к стремительно изменяющимся условиям, и Шарлотты — молодой женщины, стоящей на жизненном перепутье, такой же иностранки, но, вместе с тем, испытывающей одиночество несколько другого порядка. Принципиальная разница между Токио Боба и Токио Шарлотты возникает из-за различий в жизненном опыте каждого из них. Пространство любого города динамично, оно представляет собой процесс взаимодействия множества различных по своей природе акторов: «Сетевая формула города состоит из элементов топологически разной природы. Некоторые из них — нематериальны (т. е. обладают пропиской в пространстве сетей, не будучи «гражданами» физического пространства). Знаки, образы, метафоры, нар-

ративы суть объекты сетевого пространства (узлы сети), так же как галеон, кафе или Парк Горького» [Вахштайн 2014].

Рассуждая о специфике восприятия пространства города, Кевин Линч пишет: «В любой момент здесь всего гораздо больше, чем глаз способен различить, чем ухо способно расслышать; вид или обстановка словно ожидают, чтобы их исследовали. Всё воспринимается не само по себе, а в отношении к окружению, к связанным с ним цепочкам событий, к памяти о прежнем опыте. Вашингтон-стрит, перенесённая в чистое поле, может, и будет напоминать торговую улицу в сердце Бостона, но покажется совершенно другой. У всякого горожанина есть свои ассоциации, связанные с какой-либо частью города, и этот персональный образ пронизан воспоминаниями и значениями» [Линч 1982]. Так, похоже, что Шарлотта уже обладала некоторым набором ассоциаций в отношении Токио: у неё были знакомые среди жителей города, при этом она изначально более открыта новому опыту. Шарлотта старается понять другое посредством разрушения стереотипов, но без отрицания и уничтожения существующих между ними различий [Эко 2014]. «Поскольку формирование образа – двусторонний процесс, объединяющий наблюдателя и наблюдаемое, существует возможность усилить образ или переучив наблюдателя, или перестроив окружение» [Линч 1982]: с пониманием и терпением наблюдая за событиями вокруг себя, Шарлотта становится проводником для Боба в этом странном новом мире, помогая найти красоту в том, что прежде вызывало лишь отторжение. Поэтому город, показанный нам с точки зрения Шарлотты, имеет совершенно иные краски: теперь это не просто среда, вызывающая раздражение и неприязнь. В Токио Шарлотты находится место разговору – и понимающей тишине; смазанному образу, навсегда застывшему на случайной фотографии, – и пульсирующему мерцанию городских огней; меланхоличной задумчивости – и горькой поэзии расставания.

Нередко дихотомия «чужестранец – город» становится отправной точкой для изображения процесса трансформации отношения к иному, который осуществляется на уровне взаимодействия с городской средой: «Соположение разнородных элементов – широко применяемое в искусстве средство. <...> Но какой бы мы стиль ни избрали – поражающий контрастами или производящий впечатление глубочайшей гармонии, – в основе его механизма можно вскрыть соположение и противопоставленность элементов, ту внутреннюю неожиданность конструкции, без которой текст был бы лишён художественной информации» [Лотман 1973]. В результате, через контрастное изображение встречи с иным в пространстве города внешнее становится продолжением внутреннего, прямым отражением ментальности персонажа.

Например, безусловно, что в «Смерти в Венеции» Лукино Висконти (1971) городу выпала роль выступить аллегорией Европы на пороге Первой мировой войны; но как в случае экранизации, так и в случае литературного источника формируемый образ города можно интерпретировать и на более личностном уровне. «В “Смерти в Венеции” страсть ведёт к крушению всего, что составляло неповтори-

мость личности Густава фон Эшенбаха, – его разума, его уравновешенности, его разборчивости» [Сонтаг 2016]. И когда мы видим опустевший город, охваченный эпидемией, где на фоне горящих мусорных куч и спешащей скрыться в ближайшем переулке польской семьи Густав фон Ашенбах смотрит на собственное отражение в мутной, тёмной воде канала, по-особенному остро ощущается, что между рациональным, отстаивающим ницшеанские сверхчеловеческие идеалы Ашенбахом и причудливой, эклектичной, чуждой ему Венецией намного больше общего: постепенно город и вовсе начинает восприниматься как буквальное отображение внутреннего мира композитора, испытавшего столкновение с иным, новым для него чувственным опытом.

Как отмечал Делёз, осознание, наступившее слишком поздно, характерно для творчества Висконти [Делёз 2004]; похожее испытание выпадает и на долю Мечтателя-Марио в киноадаптации «Белых ночей» (1957), где был создан неожиданный образ Ливорно – не полуразрушенный индустриальный город, а полубыль-полусновидение; место, где не выглядит странной встреча с русской девушкой – иностранкой, принципиально отличающейся от прочих обитателей итальянской послевоенной реальности. Серия свиданий, случившихся на перекрёстке, у моста, на фоне кажущихся призрачными руин – целой совокупности архетипических образов – обозначила переломные моменты в жизни протагониста и дала ему возможность взглянуть на мир другими глазами: казалось бы, снег пошёл, чудо произошло, но в следующий миг становится ясно, что момент упущен, на этот раз навсегда. Зрителю остаётся лишь гадать, какая судьба ждёт Марио, решившегося принять иное в своей жизни: человека, наконец-то осмелившегося мечтать, но вместо счастья познавшего утрату и разочарование.

Тем не менее, несмотря на связанный с этим риск, процесс познания всегда сопряжён с необходимостью пересечения существующих границ – социальных, пространственных, научных – с целью попасть в область прежде неизведанного. Контраст и движение, возникающее на стыке различных сред, становятся началом появления чего-то принципиально нового – и именно так формируется городская ментальность, закалённая в горниле городской жизни: «Города <...> вобрали в себя пёстрое разноцветье народов, культур и крайне дифференцированных образов жизни, которые часто почти никак друг с другом не сообщаются, в отношениях между которыми <...> неизменно имеется разительнейший контраст» [Вирт 2005]. Например, Кевин Линч даёт такое определение пространственных городских границ: «Границы, или края, – это <...> границы между двумя состояниями, линейные разрывы непрерывности» [Линч 1982]. Между тем, рассуждая о сюжете в кино, Лотман пишет: «Структура мира предстаёт перед героем как система запретов, иерархия границ, переход через которые невозможен. <...> Именно пересечение границы запрета составляет значимый элемент в поведении персонажа» [Лотман 1973]. Городская среда, будучи совокупностью видимых и невидимых границ, задаёт условия для последующей встречи с пугающим иным посредством их пересечения. Доведённые до идейной чистоты средствами кинематографа, проявлен-

ные образы городского дают возможность осознать, что именно определяет нашу человечность.

Однако сам по себе современный город – прямое наследие прошлого, представляющее собой коллаж из различных медийных изображений и символов, далеко не всегда пересекающихся с реальностью. К примеру, размышления на тему утраты пространством города его социальных функций всё чаще звучат не только в предсказаниях писателей-фантастов и футурологов; развитие Интернета послужило основой для создания «виртуального города»: «Город – это образование, медицина, торговля, культура, досуг, власть и вера. Именно их соединение и разнообразие их проявлений создает ценность города. Интернет отбирает у города его преимущества и создаёт альтернативные продукты, которые резко обедняют города» [Ревзин 2019].

Итак, даже если в недалёком будущем город в привычном нам виде исчезнет окончательно, его ментальный образ, характерные для горожан поведенческие модели, сюжеты и сценарии городской жизни ещё долгое время будут следовать сложившейся парадигме. Возможно, именно эти тени на стене платоновой пещеры будут вновь и вновь побуждать нас оглядываться в сторону теоретически существующего выхода, так что даже в новом городском пространстве – реальном, кинематографическом, виртуальном – мы сможем найти нечто большее, чем собственное отражение в глазах другого человека, и через это обрести своё истинное «я».

БИБЛИОГРАФИЯ

- Вахштайн 2014 – *Вахштайн В. С.* Пересборка города: между языком и пространством. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/peresborka-goroda-mezhdu-yazykom-i-prostranstvom/viewer> (дата обращения: 23.01.2021).
- Вирт 2005 – *Вирт Л.* Урбанизм как образ жизни. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://psv4.userapi.com/c812232/u57480571/docs/3bcffea9eff2/urbanizm_kak_obraz_zhizni.pdf?extra=jFGkY4dR6SyXx58XQIhPqqI-4vpa132xPzVNjwJAgLuUeXSdAJw49hCzZzTR9JR-YO1gPyVoGMpQDXJE6LwzS25uThnb5ICu1rub_D1vr4veDb1HxaPCOOxdeaavARjDIrhv5HUfDWheu10 (дата обращения: 23.01. 2021).
- Делёз 2004 – *Делёз Ж.* Кино. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://yanko.lib.ru/books/philosoph/deleuze-cinema-ru.pdf> (дата обращения: 23.01.2021).
- Сонтаг 2016 – *Сонтаг С.* Болезнь как метафора. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://royallib.com/read/zontag_syuzen/bolezni_kak_metafora.html#0 (дата обращения: 23.01.2021).

- Сонгаг 2016 – Сонгаг С. СПИД и его метафоры. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://royallib.com/read/zontag_syuzen/bolezn_kak_metafora.html#225280 (дата обращения: 23.01.2021).
- Лишаев 2012 – Лишаев С. А. Эстетика Другого: эстетическое расположение и деятельность. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/ehstetika/lishaev_ehstetika_drugogo_ehsteticheskoe_raspolzhenie_deyatelnost/34-1-0-4430 (дата обращения: 23.01. 2021).
- Линч 1982 – Линч К. Образ города. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://vk.com/doc146334521_437516751?hash=7ae07e6a8100cc1ae3 (дата обращения: 23.01. 2021).
- Лотман 1973 – Лотман Ю. М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lib.ru/CINEMA/kinolit/LOTMAN/kinoestetika.txt> (дата обращения: 23.01. 2021).
- Ревзин 2019 – Ревзин Г. И. Каких городских удовольствий не будет в сети. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4072936> (дата обращения: 23.01. 2021).
- Эко 2014 – Эко У. Сотвори себе врага и другие тексты по случаю. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.pseudology.org/eco_umberto/Sotvori_sebe_vraga2.pdf (дата обращения: 23.01. 2021).

REFERENCES

- Eco 2014 – Eco U. Inventing the Enemy. Transl. into Russian. URL: http://www.pseudology.org/eco_umberto/Sotvori_sebe_vraga2.pdf.
- Deleuze 2004 – Deleuze G. Cinema. Transl. into Russian. URL: <http://yanko.lib.ru/books/philosoph/deleuze-cinema-ru.pdf>.
- Lishaeв 2012 – Lishaeв S. A. Aesthetics of the Other: aesthetic disposition and activity. URL: https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/ehstetika/lishaev_ehstetika_drugogo_ehsteticheskoe_raspolzhenie_deyatelnost/34-1-0-4430/. In Russian.
- Lotman 1973 – Lotman Y. M. Semiotics of cinema and the problems of cinema aesthetics. URL: <http://lib.ru/CINEMA/kinolit/LOTMAN/kinoestetika.txt>. In Russian.
- Lynch 1982 – Lynch K. The Image of the City. Transl. into Russian. URL: https://vk.com/doc146334521_437516751?hash=7ae07e6a8100cc1ae3.
- Revzin 2019 – Revzin G. I. What city pleasures will not be on the network. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4072936>. In Russian.
- Sontag 2016 – Sontag S. Illness as Metaphor. Transl. into Russian. URL: https://royallib.com/read/zontag_syuzen/bolezn_kak_metafora.html#0.
- Sontag 2016 – Sontag S. AIDS and Its Metaphors. Transl. into Russian. URL: https://royallib.com/read/zontag_syuzen/bolezn_kak_metafora.html#225280.
- Vakhshtayn 2014 – Vakhshtayn V. S. City reassembly: between language and space. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/peresborka-goroda-mezhdu-yazykom-i-prostranstvom/viewer>. In Russian.

Wirth 2005 – Wirth L. Urbanism as a way of life. Transl. into Russian. URL: https://psv4.userapi.com/c812232/u57480571/docs/3bcffea9eff2/urbanizm_kak_obraz_zhizni.pdf?extra=jFGkY4dR6SyXx58XQIhPqqI-4vpa132xPzVNjwJAgLuUeXSdAjw49hCzZzTR9JR-YO1gPyVoGMpQDXJE6LwzS25uThnb5ICu1rub_D1vr4veDb1HxaPCOOxdeaavARjDIrhv5HUfDWheu10.

Материал поступил в редакцию 28.01.2021
принят к публикации 17.03.2021

ГОРОД – МОДУСЫ ЖИЗНИ

DOI: <https://doi.org/10.34680/urbis-2021-1-151-171>

КОГДА ДОМ СТАНОВИТСЯ КРЕПОСТЬЮ

Г. С. Маргарян

Российско-Армянский университет, Армения

gayane.margaryan@rau.am

Исследование выполнено в рамках проекта МОН РФ «Трансхристианский Восток: на мостах шелковых магистралей древности и современности»

История Китая богата градостроительными традициями. В отдельных регионах страны в разные эпохи было выработано несколько моделей общежития, породивших оригинальные формы городских жилищ, к двум из которых мы обратились в данной статье. Нами были рассмотрены: традиционный и самый распространённый тип городской постройки – дом «сыхэюань», известный также как «пекинский дом» («пекинский дворик», «пекинский квадрат») и менее распространённый, нетипичный для крупных урбанистических центров, но интересный с точки зрения градостроительства и социального устройства, дом под названием «тулоу». Оба типа домов по форме и принципам общежития являются выразителями системообразующих особенностей общекитайской ментальности и культурной концепции Чжунго и одновременно концептуальных особенностей градостроительных принципов разных этносов и субэтносов Поднебесной. Их объединяет одна важная особенность традиционной, и во многом современной китайской ментальности – *клановость*. Идея семейного клана «подпитывалась» конфуцианскими культурами предков и сыновней почтительности. В *сыхэюань* обитали целые кланы, сами дома назывались именами кланов (например, дом Чжао) и все они были городскими, подобно шекспировским Монтеки и Капулетти. Они враждовали в борьбе за сферы влияния, мирились, заключая друг с другом тандемы, но их всех объединяла приверженность городским жизненным стандартам и городским ценностям. Жители же тулоу не были представителями титульной ханьской нации, это были представители весьма пассионарной народности хакка. Они возводили гигантские для того времени строения вдали от крупных урбанистических центров, поначалу недвусмысленно противопоставляя себя им, но впоследствии некоторые из этих домов выступили градообразующими элементами, обросли городской инфраструктурой и превратились в цитадели. Типологически тулоу сродни шотландским средневековым замкам и северокавказским вайнахским башням, цитаделям – *касбам* в странах Магриба, а также израильским кибуцам. Отношения обитателей тулоу – горского народа хакка с другими жителями Срединной империи складывались непросто.

Для цитирования:

Маргарян Г. С. Когда дом становится крепостью // *Urbis et Orbis. Микроистория и семиотика города.* 2021. № 1. С. 151–171.

DOI: <https://doi.org/10.34680/urbis-2021-1-151-171>

For citation:

Margaryan G. When a house becomes a castle. *Urbis et Orbis. Microhistory and Semiotics of the City.* 2021. 1. P. 151–171.

DOI: <https://doi.org/10.34680/urbis-2021-1-151-171>

Вся история народности хакка в Китае – это борьба за сохранение своей этничности и самобытности. Дома тулоу помогали этому гордому народу в борьбе за выживание и сохранение своей ментальности. По сути, они репродуцировали особенности мироощущения и склада характера хакка – индивидуализм и самоизоляции; в то время как дома сыхэюань отражали ментальные особенности жизненного уклада ханьцев (титульной нации Поднебесной) – коллективизм и иерархичность. По мнению исследователей, в основу жилища сыхэюань были положены концепты конфуцианского миропорядка, в то время как замки тулоу возводились по принципам даосского канона. Если в основе конфуцианского миропорядка лежит схема человек-семья-государство, то в основе даосской мировоззренческой традиции положена парадигма индивидуум-семья-универсум.

Ключевые слова: сыхэюань, тулоу, хакка, планировочные принципы, архитектурные комплексы, миропорядок, конфуцианские и даосские строительные традиции, фасад, внутреннее пространство дома.

WHEN A HOUSE BECOMES A CASTLE

Gayane Margaryan

Russian-Armenian University, Armenia

gayane.margaryan@rau.am

The study was carried out within the framework of the project of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation "Trans-Christian East: on the bridges of the silk highways of antiquity and modernity"

China's history is rich in urban planning traditions. In some regions of the country, in different epochs, several forms of dormitories were developed, which gave rise to original forms of urban dwelling. In this article we have considered two types of dwellings: the most common type, the traditional house of Siheyuan, also known as "Beijing house", or "Beijing courtyard", and a less common, atypical for large urban centers, but interesting with regard to urban planning and social structure, a house called "Tulou". Both of these types of dwellings in the form and principles of the hostel are expressions of the system-forming features of the general Chinese mentality and the cultural concept of Zhongguo and at the same time the conceptual features of the urban planning principles of different ethnic groups and sub-ethnoses of the Celestial Empire. They are united by one important feature of the traditional and, in many ways, modern Chinese mentality: clan system. The idea of a family clan was "fueled" by Confucian ancestor cults and filial piety. Whole clans lived in the houses of Siheyuan, the houses themselves were named after clans (for example, the house of Zhao) and these clans were urban, like Shakespeare's Montagues and Capulets. They fought for spheres of influence, reconciled, concluding tandems with each other, but they were all united by their commitment to urban living standards and urban values. The inhabitants of Tulou were not representatives of the titular Han nation, they were representatives of the Hakka people. They erected then-gigantic buildings away from large urban centers, at first explicitly opposing themselves to the former nation, but later some of these houses became city-forming elements, overgrown with urban infrastructure, and turned into citadels. Typologically, tulous are similar to Scottish medieval castles, North Caucasian Vainakh towers, kasbah citadels in the Maghreb countries, as well as Israeli

kibbutz. The relations of the inhabitants of Tulou, the Hakka mountain people, with other inhabitants of the Middle Empire were not easy. The whole history of the Hakka people in Zhongguo China has been a struggle to preserve their ethnicity and identity. The Tulou castle houses have helped this proud people to survive and preserve their mentality. In fact, the Tulou houses reproduce the peculiarities of the Hakka people's attitude and character (individualism and self-isolationism), while the Siheyuan houses reflect the mental features and the lifestyle of the Han people which is the titular nation of the Middle Kingdom (collectivism and hierarchy). According to researchers, the concepts of the Confucian world order were used as the basis of the Siheyuan dwelling, while Tulou castles were built according to the principles of the Taoist canon. The Confucian world order is based on the man-family-state scheme, whereas the Taoist worldview tradition is based on the individual-family-universe paradigm.

Keywords: siheyuan, tulou, hakka, planning principles, architectural complexes, world order, Confucian building traditions, facade, interior space of the house.

Твой дом там, где спокойны твои мысли
Конфуций

Градостроительство – строительство храмов, святилищ и жилых домов в Китае с древнейших времён было наделено различными религиозными, ритуальными и космологическими смыслами, свойственными архаико-религиозному типу мышления. Одним из предназначений жилищного строительства в Китае была и остаётся концепция его соотнесённости с потребностями человека жить в гармонии с ритмами космоса и биофизическими процессами, ведь существование человека в согласии с природой – основополагающая концепция любой традиционной культуры. Жилище для китайца всегда воспринималось как нуминозное пространство, в котором он, человек, являлся одной из составляющих космической триады: Небо–Земля–Человек (сань-цай) [Юркевич 2006, 378–382].

Дом для китайца – это обиталище не только живых, но и усопших – давно умерших предков. Современному западному человеку не просто это понять, потому что его семья состоит исключительно из живых людей. В архаические же времена всё было гораздо сложнее, в Китае семьёй считался весь сонм единокровных родственников, когда-либо живших в данном доме (конечно, если не брать в расчёт изгоев, отверженных членов семьи). Древние китайцы верили, что человек и после смерти продолжает жить в кругу своей семьи, только в специально выделенном для этого месте – строении, расположенном рядом с домом, на участке, принадлежащем данному клану. Бедняки, не имевшие возможности строить отдельные «жилища для предков» (с алтарём и другими атрибутами), отводили для семейного алтаря предков отдельное, самое почётное место внутри дома, напоминающее *красный* или *кутный* угол в традиционном восточнославянском доме [Баранов и др. 2004; Беловинский 2007, 319; Жиров, Колесник 2013].

Ил. 1. Алтари и храмы были обязательной принадлежностью каждой семьи
Источник: <https://inlnk.ru/n0082A>

Семьи, олицетворявшие главную линию родового культа, обязательно имели специально выстроенные храмы предков, семейные и родовые (ил. 1).

Поскольку дом для китайца – нуминозное пространство, строительство жилища мыслилось как сакральный акт, заставляющий отступить хаос и приводить в равновесие миропорядок. Это определяло планировочные принципы строений и архитектурных комплексов китайцев [Кравцова 2004, 830]. Космологические представления китайцев отразились как в строении отдельных жилищ, так и в градостроительных принципах в целом [Анашина 2021]. Китайский дом, так же как и китайский храм, является целым комплексом строений (ил. 2). Одиночные постройки, пусть даже внушительных размеров, идут вразрез с представлениями китайцев о мироустройстве. Согласно традиции, комплекс должен состоять из трёх, пяти [Тихомирова, Чжао 2012, 99] или более сооружений.

Ил. 2. Пекинские дворики
Источник: <https://clck.ru/aeGVt>

Китайская усадьба-чжао, как особая градостроительная единица, была характерна как для сельского, так и для городского строительства ещё с ханьской эпохи. Это были постройки двух типов: усадьба «саньхэюань», состоящая из двух помещений, соединённых в виде буквы «Г» и усадьба-сыхэюань, в состав которой входило шесть строений (ил. 3). Архитектоническая структура обнесённой стеной усадьбы сыхэюань в I—III вв. увеличиваясь в размерах, превращаясь в подобие крепости, использовалась как при строительстве жилых домов для разных социальных слоёв, так и при строительстве дворцов и храмов [Кравцова, 847–848].

Усадьба сыхэюань (сы – четыре, хэ – объединять, юань – двор) – это прямоугольный в плане комплекс построек, ориентированных по частям света (север-юг, запад-восток), с неизменным двором в центре (куда смотрят фасады всех построек), главным жилым помещением на северной стороне, боковыми (восточным и западным) флигелями, кухней и подсобными помещениями. Это могли быть дома с глинобитными или кирпичными стенами, с крышами, покрытыми соломой или неглазурованной серой черепицей, с окнами, затянутыми рисовой бумагой и закрываемыми в непогоду створчатыми ставнями, с саманной или кирпичной опоясывающей стеной – всё зависело от состоятельности хозяев. Обычно вход в китайский дом располагали с южной стороны. Фасад главного строения был обращён к входу, перед которым располагался двор, в который, в свою очередь, вели ворота, которые тоже смотрели на юг. Стены, не выходящие во двор, были чаще глухими [Чу Минь 1998, 20], но в отдельных случаях в них имелись небольшие оконные проёмы.

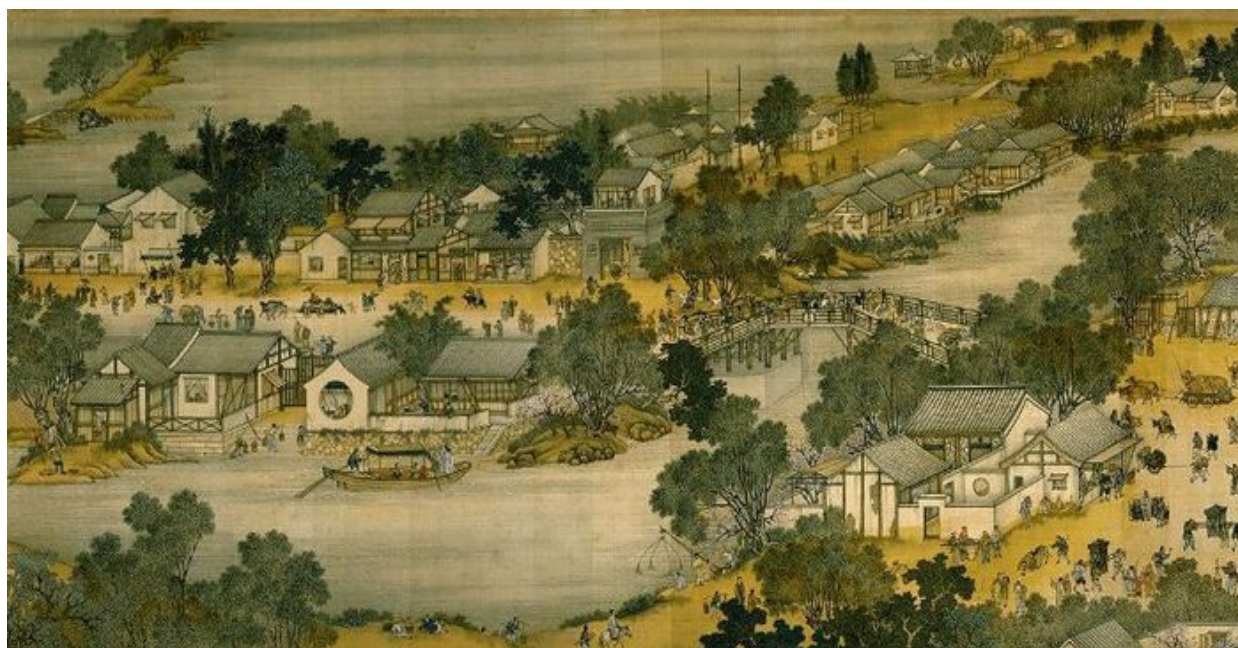
Ил. 3. Сыхэюань с двумя дворами

Источник: <https://clck.ru/aeGYn>

Составить представление о том, когда именно стали сооружаться дома подобного типа довольно сложно. Но, опираясь на изображения свитковой живописи

старых китайских мастеров, можно получить представление об их облике в древности. В девятом томе двенадцатитомника «Всеобщая история архитектуры» Ольга Николаевна Глухарева в разделе «Архитектура Китая VI–X вв.» приводит фрагмент картины художника Чжань Цзыцяна «Весенняя прогулка» (вторая половина VI в.), где есть фрагмент изображения постройки типа сыхэюань [Глухарева 1971, 351].

В свитковой живописи более позднего времени также можно встретить изображения построек типа сыхэюань, будь то дворцовые сооружения или дома простых горожан. В X – начале XI вв. широкое распространение в Китае получил панорамно-бытописательный жанр, который был сосредоточен преимущественно на изображении городской жизни. На свитках того времени встречаются изображения городских пейзажей с фигуративными сценками и архитектурными постройками [Кравцова 2004, 599]. В свитке XII в. «В день Цинмин на реке» («По реке в день поминовения усопших») (ил. 4), который предположительно является копией свитка, приписываемого художнику Чжан Цзэдуаню, изображена столица империи Сун – Кайфын с городскими стенами, улицами, образующимися между группами домов, расположенных по принципу сыхэюань.

Ил. 4. «В день Цинмин на реке» («По реке в день поминовения усопших»).

Свиток XII века

Источник: <https://clck.ru/aeGbv>

Каждое архитектурное сооружение является воплощением общественных устоев, а человек в китайской традиции не есть самодостаточная единица, согласно конфуцианской традиции, он, в первую очередь, член социума, принадлежащий к тому или иному сословию, группе, клану. Сыхэюань строились в строгом соответствии с конфуцианским каноном «единства гармонии человека, неба и земли» и были той средой, в которой осуществлялось единение человека и мироздания. В нём отражалось единство внутреннего и внешнего пространства. Это выражалось

как в выборе элементов интерьера, так и в искусстве разбивки сада, который объединял весь комплекс и воплощал собою природный пейзаж, хоть и в миниатюрной форме.

Планировочные правила, основанные на космологических моделях, соблюдались строго [Кравцова 2004, 847]. Расселение домочадцев тоже соответствовало конфуцианским мировоззренческим нормам общежития. Обычно центральную часть дома занимал хозяин. В боковых – восточной и западной постройках, располагались сыновья с семьями и другие родственники. Незамужние дочери жили в тыльных зданиях, скрытых от посторонних глаз. Пристройки, в которых размещались прислуга, кухня и другие хозяйственные помещения располагались подальше от центра, в них, особенно в тех, где располагалась прислуга, не было окон.

Бедный люд жил в домах того же типа, но гораздо меньше размерами, чаще всего каждое строение было однокомнатным. Можно предположить, что простолюдины не всегда могли следовать традиционным принципам китайского домостроя, поскольку это было делом расходным: живущим впроголодь беднякам было не до канонов Фэн-шуй. Однако и в богатых усадьбах, и в домах среднего достатка всё было согласовано с принципами мироздания. В наши дни традиция строительства такого типа жилища сходит на нет, так как в перенаселённом Китае рассредоточенная планировка жилища считается непозволительной роскошью. В целях экономии пространства пересматриваются не только тысячелетние традиции градостроительства и домостроя, но и формы захоронения. Однако, в местах, где есть свободные площади, снова пытаются строить дома в стиле сыхэюань с использованием новых строительных материалов, оснащая дома всеми бытовыми условиями, вплоть до солнечных батарей (ил. 5).

Ил. 5. Традиции сыхэюань в современной китайской архитектуре. Таохуаюань, Сучжоу (переводится как «Утопия» или «Земля цветущих персиков»)

Источник: <https://clck.ru/aeGcV>

Жилища «сыхэюань» принято иначе называть «пекинский дворик» или «пекинский квадрат» [Тихомирова, Чжао 2012, 99], т. к. подобные жилища, прежде всего, встречались в Пекине. Их и сейчас можно встретить в старых кварталах столицы, но в древности это был наиболее распространённый тип жилища, и в Китае насчитывалось около пятисот типов сыхэюань [Чжао 2012, 164]. Строить такие дома в Пекине было вполне резонно: город был защищён императорской армией. Знать и чиновники, т. е. те, кто были в состоянии построить большие и крепкие дома, проживали в Пекине и чувствовали себя в нём более или менее защищёнными. Кроме того, хозяева больших усадеб в городе и деревне имели челядинцев и охрану, пусть и небольшую, но в случае необходимости вполне способную применить оружие, чтобы защитить жизнь и достоинство хозяев дома. Содержание вооружённой охраны обходилось недёшево, но для высокопоставленных особ это было жизненной необходимостью и оправдывало любые расходы.

Что касается периферии, то там ситуация была иная. Люди были защищены хуже. Не везде были императорские гарнизоны, дозоры редко объезжали дальние заставы, в центре считали, что здесь и защищать то нечего. Жители были бедны и не имели достаточно средств, чтобы в одиночку построить неприступное и надёжное жилище для своей семьи. Это вынуждало их объединяться, чтобы совместными усилиями возводить большие неприступные дома, в которых можно было укрыться от внешней угрозы. А угрозы были реальные. Кратковременные периоды стабильности и процветания сменялись периодами междоусобных войн, бандитских набегов, восстаний черни и вторжениями северных номадов, всегда готовых воспользоваться внутренней смутой в Китае. Север всегда был неспокоен.

Так, спасаясь от междоусобиц, в период правления династии Тан, в южные районы Китая с севера мигрировала народность хакка. Сведения о ранней истории этого народа смутны и ненадёжны. Хакка обосновались в горной провинции Фуцзянь [Zheng et al. 2008] и на территории Цзянси и Гуандун, позднее часть их перебралась на остров Тайвань. Переселенцы сразу же столкнулись с враждебным отношением старожилов. Между мигрантами и местными происходили кровавые столкновения [Lo 1965, 85–119; Cohen 1968; Leong 1985, 287–326; Shepherd 1993, 469–470; Constable 1994, 10; Christiansen 1998; Rubinstein 1998, 84–106; Minahan 2014, 89]. Чтобы защититься от нападков насельников и идущих следом северных кочевых племён, хакка стали возводить изолированные сооружения крепостного типа, получившие известность как дома *тулоу*. Тулоу (дословно, «земляные структуры» «земляные жилища», «Хакка тулу») возводились с XII по XX вв. Китайские учёные называют их Фуцзянь тулоу, видимо не желая акцентировать этническую принадлежность их хозяев. Это были огромные дома-крепости в виде ротонды с толстыми глинобитными стенами, армированными камнем и бамбуком. В отличие от композиционно рассредоточенной усадьбы «сыхэюань» тулоу имело круглый (иногда квадратный) план и отличалось центрической, сомкнутой компоновкой (ил. 6). Чередующиеся с эпохами процветания и созидания, периоды смуты продемонстрировали надёжность и эффективность этих сооружений [Knapp 2000]. Во время набегов вооружённых банд тулоу стали надёжным укрытием для их хозяев.

Ил. 6. Чжэньчэн Лоу

Источник: <https://clck.ru/aeGdj>

Главной характеристикой этих сооружений является то, что это здания с несущими земляными стенами и деревянной каркасной конструкцией, использовались кланом, общиной одновременно в качестве жилья и крепости. Фуцзянь тулоу имели от трёх до пяти этажей (ил. 7). Встречались тулоу круглой, прямоугольной и овальной форм (ил. 9). Вмещали такие дома до 800 человек, вокруг них на близком и отдалённом расстоянии встречались домики инквилинов, которых допускали в основное здание только во время набегов и для покупки продуктов. Число инквилинов могло достигать одной-двух сотен. Иногда тулоу имели вторую линию оборонительных укреплений в виде валов и частокола. По сути тулоу был укреплённым посёлком, в котором есть залы, магазины, места поклонения предкам (кумирни)¹, кухни, складские помещения (на первых этажах), жилые помещения (на верхних этажах), конюшни, колодцы и многое другое, что необходимо для жизни, как в мирное время, так и в условиях длительной осады (ил. 8). Благодаря форме здания и внутренней планировке, зимой в здании тепло, а летом прохладно, микроклимат верхних этажей здоровый, так как там есть небольшие окна, обеспечивающие свет и вентиляцию помещений. На верхних уровнях здания есть бойницы.

¹ В кумирнях, помимо изображений традиционных божков, этнархов и отцов-основателей трибы можно было встретить изображения достославных предков, достигших больших высот на военной или государственной службе. А таковых было немало. В наши дни обязательным атрибутом этого своеобразного красного уголка являются портреты Мао и современных лидеров КПК.

Ил. 7. Тулоу в провинции Фу
Источник: <https://clck.ru/aeGfN>

Ил. 8. 4-х концентрическая кольцевая архитектура Чэнци Лоу
Источник: <https://clck.ru/aeGgf>

Однако тулоу были не просто укрепленными посёлками. Помимо вопросов безопасности, жителей таких посёлков объединяли хозяйственные нужды, кото-

рые они решали сообща. Каждый тулоу или кластер тулоу имел в своём пользовании угодья и общинные земли (ил. 9). Из-за недостатка земли хакка были вынуждены строить на ближайших холмах террасы, превращая их в рисовые поля, сады и пр.

Кроме того, жители посёлка имели общие корни, говорили на общем наречии, имели общее недвижимое имущество, общие мировоззренческие установки, традиции, а также недоверие к властям и местным жителям, которые всегда видели в них чужаков. И в наши дни, хакка называют «китайскими евреями» [Rhee 2007, 88] или «китайскими цыганами»².

Ил. 9. Кластер Тяньлуокенг Тулоу. Провинция Фуцзянь
Источник: <https://clck.ru/aeGfN>

Тулоу чем-то напоминает современные израильские киббуцы – сельскохозяйственные коммуны в Израиле, с присущими им общностью имущества и равенством в труде и потреблении (ил. 10).

² Считается, что этноним «хакка», звучащий в переложении на нормативный китайский как «кэцзя», возник во времена династии Сун (960–1279) и означает «пришлые семьи» или «гостевые семьи». По мнению исследователей, слово «хакка» не является самоназванием, но было дано этой народности коренными жителями тех территорий, в которых мигрирующие хакка воспринимались исключительно как пришлые, чужаки [Zheng 1989; Leong 1997, 61–62; Surhone et al. 2010; Rhee 2007; Leung 2012; Liu 2014].

Ил. 10. Киббуц. Коммуна Мошав Шаршерет. Основана в 1921 г.
Источник: <https://clck.ru/aeGkJ>

Земля у клана была общинная, каждая семья могла обрабатывать отдельный участок земли, но владельцем земли считалась община. В период сбора урожая часто работы осуществлялись совместно. Община помогала неимущим и пожилым людям, у которых не было сыновей. Каждый член общины был носителем группового сознания [Штейнер 1990 а, 38–47; Штейнер 1990 б, 169–172], ведь только сильный и спаянный коллектив людей мог отбиться от неожиданного вражеского нашествия или выдержать осаду. Самым строгим наказанием было изгнание из общины. За содеянные проступки или преступления члены общины готовы были подвергнуться самым суровым взысканиям, лишь бы не быть изгнанными, ведь в древности изгои считались самыми несчастными людьми, под стать прокажённому.

Ил. 11. Нахские башни. Эрзи (около 40 км от Владикавказа)
Источник: <https://clck.ru/aeGmi>

Жители тулоу во многом напоминают шотландские кланы или нахские те(а)йпы. Подобно шотландцам и северным кавказцам они были гордыми и воин-

ственными, жили изолированно, селились в труднодоступных местах, в основном в гористой местности, подальше от властей и местных этнических групп. Хаккские тулоу имеют много общего с шотландскими средневековыми замками и северокавказскими вайнахскими башнями (ил. 11, 12) (бЮв на чеченском языке, вЮв на ингушском языке), цитаделями – *касбами* в странах Магриба, а также с израильскими кибуцами.

Строительство нахских башен началось в XII–XIII вв., т. е. во времена монгольского и тимуридского нашествия [Ильясов 2009, 183–184, 191]. Но больше всего башен построено было между XV и XVII веками [Щеблыкин 1928, 282, Марковин 1980], тогда же было построено большинство шотландских замков [Wormald 1991; Tabraham 2005; Reid 2006]. Начало строительства тулоу также приходится на XII–XIII вв., а расцвет этого своеобразного зодчества также относится к XV–XVII вв. Удивительное совпадение!

Ил. 12. Шотландский замок Клейпоттс близ Данди
Источник: <https://clck.ru/aeGmi>

От кантонцев Хакка отличаются не только внешне, но и по темпераменту³. Это пассионарный⁴, боевитый и нестигаемый народ, с развитым чувством справедливости. Хакка вечно подвергались гонениям со стороны властей и кантонцев, а также со стороны других китайских этнических групп, однако они никогда не мирились с притеснениями и несправедливостями. В XX в. народ хакка в Китае подвергся геноциду со стороны титульной нации [Roberts 1969; Rhee 2007, 263; Liu 2014].

³ Вероятно, они были потомками некоей палеоазиатской этнической группы [Rhee 2007, 84–85], но современный официальный Пекин даже не включил их в список 55 признанных нацменьшинств на основании того, что древний язык хакка давно забыт и они говорят на кантонском, правда, со специфическим диалектом, почти как шотландцы или ирландцы, подзабывшие свой гэльский и перешедшие на английский или белорусы, многие из которых говорят на русском.

⁴ К народности хакка принадлежали многие знаменитые люди, например, первый президент Китайской республики Сунь Ятсен, а также супруги Сунь Ятсена и Чан Кайши – сестры Сун Цинлин и Сун Мэйлин [Erbaugh 1992; Christiansen 1998, 1; Rhee 2007, 155–334].

Земли хакка были скудны, и тех не хватало для того, чтобы прокормиться, поэтому многие хакка, подобно швейцарским горцам, становились наёмниками, телохранителями, чиновниками и армейскими офицерами. Это определило, во-первых, повышенное стремление хакка к учёбе, во-вторых, их большую численность в органах власти и в армии и генералитете [Liu 2014]. Большой свободой, по сравнению с ханьскими женщинами, обладали женщины хакка. Они отказывались от распространённой в то время практики бинтования ног и работали вместе с мужчинами на полях, покупали и торговали на рынках, свободно общаясь с мужчинами. Кантонцы, считавшие женщин существами низшего порядка, считали поведение раскрепощённых женщин хакка возмутительным и подрывающим нравственные устои общества.

Любопытное обстоятельство: в художественном фильме «Мулан» (2020) – игровом ремейке одноимённого американского мультфильма, рассказывается о героической девушке, которая, переодевшись мужчиной, ушла на войну, чтобы спасти честь своего престарелого отца и родного клана. В результате она спасла императора и всю страну. Создатели ремейка поместили героиню в эпоху Северной Вэй или Сунь⁵ в провинцию Хубэй, откуда хакка в течение чуть ли не пятнадцати столетий мигрировали на юго-восток страны. В провинции Хубэй сегодня установлен памятник Мулан. Исследователи считают, что хакка являются выходцами из этой провинции, а также из провинций Хэнань и Шэнси. В эпоху Северной Вэй и Суй – это была северная китайская граница, вечно подвергавшаяся нападениям со стороны северных варваров. По американскому фильму Хуа Мулан родилась и выросла на границе поднебесной, в типичном тулоу (ил. 13). Что ж, с исторической точки зрения всё убедительно, а главное, в фильме реалистично показан дом-крепость.

Ил. 13. Кадр из фильма «Мулан» (2020, США, КНР, Канада)

Обычно Тулоу занимал один семейный клан. Когда клан разрастался, жилище расширялось, молодое поколение отстраивало новые концентрические кольца или строило новые тулоу неподалёку, чтобы опять же оставаться одним кланом.

⁵ Историк династии Мин Чжу Гочжэнь писал, что Мулан служила при императоре по имени Ян Суй, который правил с 569 по 618 н. э. Третья версия утверждает, что действие легенды происходило во времена правления императора Тайу-ди, который участвовал в двенадцатилетней войне против древнемонгольского племени между 429 и 441 н. э.

Характерная деталь – в тулоу были одни ворота, тяжёлые, обитые железными пластинами. Это противоречит китайской градостроительной традиции, предполагающей наличие четырёх входов и выходов в замках и дворцах, ориентированных на все четыре стороны света. В основу этой парадигмы были положены церемониальные соображения и правила Фэн-шуй.

В тулоу наличие одних небольших и прочных ворот было обусловлено в первую очередь военными соображениями. Фэн-шуй и другие кантонские традиции в расчёт не брались. Хакка, как и все пограничники, народ прагматичный. Если врагу удалось высадить единственные ворота и ворваться в поселение, бежать было некуда, все должны были биться до конца. Они жили кланом и умирали кланом. Все мосты были заранее сожжены.

О прагматичности хакка свидетельствуют и крыши без традиционных китайских изгибов. По ровным, покатым крышам трудно было взбираться врагам и вооружённым людям, а снег и вода на такой кровле надолго не задерживались. Это северная традиция, не иначе. Да и сами жители тулоу в быту были минималистами. И всё же хакка учитывали некоторые, если не конфуцианские, то даосские принципы гармонии форм. Характерно, что в отличие от домов-сыхэюань, которые строились в соответствии с конфуцианским мировоззренческим каноном, хакка опирались на даосскую традицию, что указывает на их противопоставленность официальным властям и остальным этносам Поднебесной.

Как известно, даосизм призывал к недеянию. Под недеянием подразумевался отказ властей от антинародной активности. Представители даосизма говорили: «Если дворец роскошен, то поля покрыты сорняками и хлебохранилища совершенно пусты... Всё это называется разбоем и бахвальством. Оно является нарушением Дао... Народ голодает оттого, что власти берут слишком много налогов... Трудно управлять народом оттого, что власти слишком деятельны» [Нерсисянц 1999, 26]. Лао Цзы призывал к жизни в маленьких изолированных поселениях, в гармонии с природой, вдали от соблазнов цивилизации. Именно эта философская идея была положена в основу архитектурной традиции тулоу: главным качеством жилища должна быть «замкнутость, закрытость по отношению к внешнему миру и открытость, готовность к диалогу внутри». «Реальность здания заключается не в четырёх стенах и крыше, но во внутреннем пространстве, предназначенном для жизни в нём...» (Лао Цзы).

А как выглядели дома-тулоу?

Внешние стены на первых двух этажах были глухие, не допускающие вмешательства извне. Толщина стен, в основании которой были необработанные камни – валуны достигала 2–2.5 м., так что подкопаться под эту стену было сложно. Из окон на двух верхних этажах и из бойниц также можно было отбиваться от незваных гостей: метать огненные болиды, лить на головы атакующих раскалённое масло и пр. [Lee 2005, 65].

Если жилые комнаты размещались по периметру, то двор в центре тулоу был общим; это было место, где все были на позоре, все обо всех всё знали. Небольшое, с открытым фасадом, центральное здание было родовым залом для поклонения предкам, для встреч, свадеб, похорон и других церемоний, которые бывали часто,

судя по количеству народа, обитавшего в крепостях. Двери всех жилых комнат выходили на центральный родовой зал, что также указывало на клановую солидарность. Единая крыша служила символом единства, сплочённости и защищённости клана – это, своего рода «поднебесная хакка», не всеимперская, а клановая. Крыша тулоу напоминает зонг, особенно если тулоу имеет округлую форму.

Однако дом-тулоу строился не только для того, чтобы обороняться. В доме всё было предусмотрено и для полноценной мирной жизни. Люди имели возможность уединяться, оставаясь со своей семьёй, не будучи объектами общего обозрения. Церемониальный зал, колодцы, умывальники, оружие, Дом предков, обрабатываемая земля и уголья, всё было общим, но было и личное пространство, и хакка не посягали на территорию соседей, не вторгались в чужое личное пространство, что вообще не характерно для ханьцев. Комнаты для жилья были одинакового размера, отделаны одним материалом, без элементов роскоши и желания выделиться. Двери и окна также были одинакового размера. Если даже какая-то семья обладала большим достатком, это было невозможно проявить во внешнем убранстве комнат. Все семьи владели комнатами на разных этажах, они располагались одна над другой. Богатая, большая семья могла располагаться на двух или трёх этажах, но никак не на одном. Тулоу предлагало жильё для равных по духу и по статусу свободных людей.

Любопытная деталь: клан и сегодня сохраняет дом за собой, даже если он пустует, на случай если он будет необходим для свадеб, фестивалей. Если же дом, по каким-то причинам продан, то новый клан хакка поклоняется предкам старых хозяев и по возможности сохраняет традиции предыдущего клана.

Из всего этого можно *заключить*, что в основу разных традиционных жилищ Китая были положены не только принципы целесообразности и удобства, но и определённые философские концепции, которые определяли архитектурные решения и инженерные особенности того или иного храма, дворца, богатого городского дома, провинциального дома-крепости. И сегодня, дивясь современному облику китайских городов, нетрудно усмотреть преемственность традиций, их удивительные трансформации и перевоплощения (ил. 14).

Ил. 14. Жилой комплекс «Ничья земля». Гуанчжоу

Источник: <https://inlnk.ru/XOO1Nz>

БИБЛИОГРАФИЯ

Анашина 2021 – Анашина М. Пространственно-числовые схемы «хэ-ту» и «ло-шу» // Дорогами Срединного Пути. 2021 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://anashina.com/chislovye-sxemy-hetu-i-luoshu/> (дата обращения: 14.12.2021).

Баранов и др. 2004 – Баранов Д. А., Баранова О. Г., Мадлеская Е. Л. и др. Русская изба: внутреннее пространство избы, мебель и убранство избы, домашняя и хозяйственная утварь // Иллюстрированная энциклопедия. СПб, 2004.

Беловинский 2007 – Беловинский Л. В. Красный угол // Иллюстрированный энциклопедический историко-бытовой словарь русского народа. XVIII – начало XIX в. / Под ред. Н. Ерёминной. Москва, 2007.

Глухарева 1971 – Глухарева О. Н. в Архитектуре Китая VI–X вв. // Архитектура Китая VI–X вв. Всеобщая история архитектуры в 12 томах. Том 9. / Под редакцией А. М. Прибытковой и др. Москва, 1971. С. 345–361.

Жиров, Колесник 2013 – Жиров М. С. Колесник В. Н. Икона как отражение бытия русского человека // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. Т. 26. Вып. 23 (166). С. 234–243.

Ильясов 2009 – Ильясов Л. Культура чеченского народа. Москва, 2009.

Кравцова 2004 – Кравцова М. К. Мировая художественная культура. История искусства Китая: Учебное пособие. СПб. 2004.

Марковин 1980 – Марковин В. И. Памятники зодчества в горной Чечне (по материалам исследований 1957–1965 гг.) // Северный Кавказ в древности и средние века. Москва, 1980. С. 184–270.

Минь 1998 – Минь Чу. К вопросу о переводе лексики, относящейся к культуре русского домоводства (на материале художественного перевода с русского языка на китайский) // Русский язык за рубежом. 1998. № 4. С. 91–95.

Нерсесянц 1999 – Нерсесянц В. С. История политических и правовых учений: учебник. Изд. 2-е. Москва, 1999.

Тихомирова, Чжао 2012 – Тихомирова Е. Е., Чжао Ц. Когда Жилище становится домом: универсальные культурные смыслы китайской традиции // Вестник НГПУ. № 3 (7). 2012. С. 99–103.

Чжао 2012 – Чжао И. Архитектурно-художественная и предметно-пространственная среда традиционного китайского жилища «сыхэюань»: XIII–XIX вв. Диссертация на соискание степени кандидата искусствоведения. Новосибирск, 2012.

Штейнер 1990 а – Штейнер Е. С. О личности, преимущественно в Японии и Китае, хотя, строго говоря, в Японии и Китае личности не было // Одиссей. Человек в истории. Москва, 1990. С. 38–47.

Штейнер 1990 б – Штейнер Е. С. Феномен человека в японской традиции: личность или квазиличность? // Человек и культура: Индивидуальность в истории культуры. Сборник статей. Москва, 1990. С. 164–190.

Щеблыкин 1928 – Щеблыкин И. П. Искусство ингушей в памятниках материальной культуры. Владикавказ, 1928.

Юркевич 2006 – Юркевич А. Г. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. М. Л. Титаренко. Т. 1. Москва, 2006. С. 378–382.

Christiansen 1998 – Christiansen F. Hakka: the Politics of Global Ethnic Identity Building. Aalborg, 1998.

Cohen 1968 – Cohen M. China and Christianity: The Missionary Movement and the Growth of Chinese Antiforeignism, 1860–1870. Cambridge, Massachusetts. 1968.

Constable 1994 – Constable N. Christian Souls and Chinese Spirits. A Hakka Community in Hong Kong. Berkeley-Los Angeles-Oxford. 1994.

Erbaugh 1992 – Erbaugh M. S. The Secret History of the Hakkas: The Chinese Revolution as a Hakka Enterprise. *China Quarterly*. 132. 1992. P. 937–968.

Knapp 2000 – Knapp R. G. China's old dwellings. Honolulu, 2000.

Lee 2005 – Lee Kh. Ch. Pioneers of Modern China: Understanding the Inscrutable Chinese. Singapore, 2005.

Leong 1985 – Leong S.-Th. The Hakka Chinese of Lingnan: Ethnicity and Social Change in Modern Times. *Ideal and Reality: Social and Political Change in Modern China, 1860–1949*. Ed. by David Pong and Edmund S. K. Fung, eds. Lanham, Maryland. P. 287–326.

Leong, 1997 – Leong S.-Th. Migration and Ethnicity in Chinese History: Hakkas, Pengmin, and Their Neighbors. Stanford, 1997.

Leung 2012 – Leung W. K. L. A Qualitative Study in the Ethnic Identification Processes of Hakka People in Hong Kong: The Role of Family Socialization among Generations of Hakka. *Discovery – SS Student E-Journal*. 1. 2012. P. 140–153.

Liu 2014 – Liu L. Hakka Chinese Political Leadership in East and Southeast Asia, and South America. September 20, 2014. URL: <https://liamchingliu.wordpress.com/2014/09/20/hakka-chinese-political-leadership-in-east-and-southeast-asia-and-south-america/>.

Lo 1965 – Lo W. Communal Strife in Mid-Nineteenth-Century Kwangtung: The Establishment of Ch'ih-Ch'i. *Papers on China*. 19. Cambridge. P. 85–119.

Minahan 2014 – Minahan J. B. Hakka. Ethnic Groups of North, East, and Central Asia: An Encyclopedia. Santa Barbara, 2014.

Reid 2006 – Reid S. Castles and Tower Houses of the Scottish Clans, 1450–1650. Botley, 2006.

Rhee 2007 – Rhee H. B. Asian Millenarianism: An Interdisciplinary Study of the Taiping and Tonghak Rebellions in a Global Context. Youngstown, 2007.

Roberts 1969 – Roberts J. A. G. The Hakka-Punti War. Oxford, 1969.

Rubinstein 1998 – Rubinstein M. A. The Seventeenth-century Transformation: Taiwan under the Dutch and the Cheng Regime. Routledge. 1998. P. 84–106.

Shepherd 1993 – Shepherd J. R. Statecraft and Political Economy on the Taiwan Frontier, 1600–1800. Stanford, 1993. P. 469–470.

Surhone et al. 2010 – Surhone L. M., Tennoe M. T., Henssonow S. F. Punti-Hakka Clan Wars. Riga, 2010.

Tabraham 2005 – Tabraham C. J. Scotland's Castles. London, 2005.

Tingyu 1929 – Tingyu X. Origin and Migrations of the Hakkas. *Chinese Social and Political Science Review*. 13. 1929. P. 202–227.

Wormald 1991 – Wormald J. *Court, Kirk, and Community: Scotland, 1470–1625*. Edinburgh, 1991.

Zheng 1989 – Zheng De Lua. *A Study of Armed Conflicts between the Punti and the Hakka in Central Kwangtung, 1856–1867*. The Hong Kong University Theses Collection. Hong Kong, 1989.

Zheng et al. 2008 – Zheng G. Hu D., Lin Y., Jian W., Chang H. *Nomination of Cultural Property for Inscription on the World Heritage List: Fujian Tulou*. 2008. URL: <http://whc.unesco.org/uploads/nominations/1113.pdf>.

REFERENCES

Anashina 2021 – Anashina M. Spatial-numerical schemes "he-tu" and "lo-shu". *Roads of the Middle Way*. 2021. URL: <https://anashina.com/chislovye-sxemy-hetu-i-luoshu>. In Russian.

Baranov et al. 2004 – Baranov D. A., Baranova O. G., Madleskaya E. L. et al. *Russian hut: the interior of the hut, furniture, and decoration of the hut, household, and household utensils. Illustrated encyclopedia*. St. Petersburg, 2004. In Russian.

Belovinsky 2007 – Belovinsky L. V. *Krasny ugol. Illustrated encyclopedic historical and everyday dictionary of the Russian people. XVIII – the beginning of the XIX century*. Ed. by N. Eremina. Moscow, 2007. In Russian.

Christiansen 1998 – Christiansen F. *Hakka: the Politics of Global Ethnic Identity Building*. Aalborg, 1998.

Cohen 1968 – Cohen M. *China and Christianity: The Missionary Movement and the Growth of Chinese Antiforeignism, 1860–1870*. Cambridge, Massachusetts. 1968.

Constable 1994 – Constable N. *Christian Souls and Chinese Spirits. A Hakka Community in Hong Kong*. Berkeley-Los Angeles-Oxford. 1994.

Erbaugh 1992 – Erbaugh M. S. *The Secret History of the Hakkas: The Chinese Revolution as a Hakka Enterprise. China Quarterly*. 132. 1992. P. 937–968.

Glukhareva 1971 – Glukhareva O. N. in the *Architecture of China of the VI–X centuries*. Ed. by A.M. Pribytkova et al. *Architecture of China VI–X centuries. General History of Architecture in 12 volumes. Volume 9*. Moscow, 1971. P. 345–361. In Russian.

Ilyasov 2009 – Ilyasov L. *Culture of the Chechen people*. Moscow, 2009

Knapp 2000 – Knapp R. G. *China's old dwellings*. Honolulu, 2000.

Kravtsova 2004 – *World Art culture. History of Chinese Art: Textbook*. Ed. by M. K. Kravtsova. St. Petersburg, 2004. In Russian.

Lee 2005 – Lee Kh. Ch. *Pioneers of Modern China: Understanding the Inscrutable Chinese*. Singapore, 2005.

Leong 1985 – Leong S.-Th. *The Hakka Chinese of Lingnan: Ethnicity and Social Change in Modern Times. Ideal and Reality: Social and Political Change in Modern China, 1860–1949*. Ed. by David Pong and Edmund S. K. Fung, eds. Lanham, Maryland. P. 287–326.

Leong, 1997 – Leong S.-Th. *Migration and Ethnicity in Chinese History: Hakkas, Pengmin, and Their Neighbors*. Stanford, 1997.

Leung 2012 – Leung W. K.L. A Qualitative Study in the Ethnic Identification Processes of Hakka People in Hong Kong: The Role of Family Socialization among Generations of Hakka. *Discovery – SS Student E-Journal*. 1. 2012. P. 140–153.

Liu 2014 – Liu L. Hakka Chinese Political Leadership in East and Southeast Asia, and South America. September 20, 2014. URL: <https://liamchingliu.wordpress.com/2014/09/20/hakka-chinese-political-leadership-in-east-and-southeast-asia-and-south-america/>

Lo 1965 – Lo W. Communal Strife in Mid-Nineteenth-Century Kwangtung: The Establishment of Ch'ih-Ch'i. *Papers on China*. 19. Cambridge. P. 85–119.

Markovin 1980 – Markovin V. I. Monuments of architecture in mountainous Chechnya (based on research materials 1957–1965). *North Caucasus in antiquity and the Middle Ages*. Moscow, 1980. P. 184–270. In Russian.

Min 1998 – Min Chu. On the question of the translation of vocabulary related to the culture of Russian home economics (based on the material of literary translation from Russian into Chinese). *Russian Language Abroad*. 1998. 4. P. 91–95. In Russian.

Minahan 2014 – Minahan J. B. Hakka. *Ethnic Groups of North, East, and Central Asia: An Encyclopedia*. Santa Barbara, 2014.

Nersesyants 1999 – Nersesyants V. S. History of Political and Legal doctrines: textbook. Ed. 2nd. Moscow, 1999. In Russian.

Reid 2006 – Reid S. Castles and Tower Houses of the Scottish Clans, 1450–1650. Botley, 2006.

Rhee 2007 – Rhee H. B. Asian Millenarianism: An Interdisciplinary Study of the Taiping and Tonghak Rebellions in a Global Context. Youngstown, 2007.

Roberts 1969 – Roberts J. A. G. The Hakka-Punti War. Oxford 1969.

Rubinstein 1998 – Rubinstein M. A. The Seventeenth-century Transformation: Taiwan under the Dutch and the Cheng Regime. Routledge. 1998. P. 84–106.

Shcheblykin 1928 – Shcheblykin I. P. The art of the Ingush in the monuments of material culture. Vladikavkaz, 1928. In Russian.

Shepherd 1993 – Shepherd J. R. Statecraft and Political Economy on the Taiwan Frontier, 1600–1800. Stanford, 1993. P. 469–470.

Steiner (a) 1990 – Steiner E. S. About personality, mainly in Japan and China, although strictly speaking, there was no personality in Japan and China. *Odysseus. A Man in History*. Moscow, 1990. P. 38–47. In Russian.

Steiner (b) 1990 - Steiner E. S. The phenomenon of man in the Japanese tradition: personality or quasi-personality? *Man and Culture: Individuality in the history of culture. Collection of articles*. Moscow, 1990. P. 164–190. In Russian.

Surhone et al. 2010 – Surhone L. M., Tennoe M. T., Henssonow S. F. Punti-Hakka Clan Wars. Riga, 2010.

Tabraham 2005 – Tabraham C. J. Scotland's Castles. London, 2005.

Tikhomirova, Zhao 2012 – Tikhomirova E. E., Zhao Ts. When the Housing becomes the house: semantic filling in the Chinese and Russian cultures. *Bulletin of Novosibirsk State Pedagogical University*. 3 (7) 2012. P. 99–103. In Russian.

Tingyu 1929 – Tingyu X. Origin and Migrations of the Hakkas. *Chinese Social and Political Science Review*. 13. 1929. P. 202–227.

Wormald 1991 – Wormald J. *Court, Kirk, and Community: Scotland, 1470–1625*. Edinburgh, 1991.

Yurkevich 2006 – Yurkevich A. G. *Spiritual culture of China. Encyclopedia: in 5 Vols.* Ed. by Titarenko M. L. Vol. 1. Moscow, 2006. P. 378–382. In Russian.

Zhao 2012 – Zhao I. *Architectural and artistic and subject-spatial environment of the traditional Chinese dwelling "siheyuan": XIII–XIX centuries*. Dissertation for the degree of Candidate of Art History. Novosibirsk, 2012. In Russian.

Zheng 1989 – Zheng De Lua *A Study of Armed Conflicts between the Punti and the Hakka in Central Kwangtung, 1856–1867*. The Hong Kong University Theses Collection. Hong Kong, 1989.

Zheng et al. 2008 – Zheng G. Hu D., Lin Y., Jian W., Chang H. *Nomination of Cultural Property for Inscription on the World Heritage List: Fujian Tulou*. 2008. URL: <http://whc.unesco.org/uploads/nominations/1113.pdf>.

Zhirov, Kolesnik 2013 – Zhirov M. S. Kolesnik V. N. *Icon as a reflection of a Russian's Existentialia. Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Law*. 2013. Vol. 26. Issue 23 (166). P. 234–243. In Russian.

Материал поступил в редакцию 27.10.2021
принят к публикации 01.11.2021

ГОРОД МЕЖДУ ПЛАНИРОВАНИЕМ И СТИХИЙНОЙ ЗАСТРОЙКОЙ

DOI: <https://doi.org/10.34680/urbis-2021-1-172-188>

СИОНИСТСКАЯ АРХИТЕКТУРА ПЕРВЫХ ДВУХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ XX ВЕКА: ОТ ОРИЕНТАЛИЗМА К ОКСИДЕНТАЛИЗМУ

В. Г. Ружанский

Российско-Армянский Университет, Армения

vladimir.ruzhansky@rau.am

Статья посвящена ранней истории первого в подмандатной Палестине ивритского города – Тель-Авива. Генезис этого города пришёлся на короткий период времени в истории сионистского движения, когда среди лидеров еврейского ишува (анклава) было популярно ориенталистское направление. Наиболее известным представителем этого направления в философии был Мартин Бубер. В архитектуре Тель-Авива ориентализм нашёл своё выражение в стиле «эрец исраэль», сочетавшем в себе арабскую традицию, мавританское или псевдовосточное направление в европейской архитектуре XIX века и представления архитекторов-сионистов о том, как выглядел Первый храм. В статье подробно описываются и анализируются факторы, определившие судьбу не только архитектурного стиля «эрец исраэль», но и дальнейшее развитие первого в Эрец Исраэль ивритского города. При этом используются различные исследовательские методы, например, сравнительно-исторический и историко-психологический. История архитектурного стиля «эрец исраэль» была драматичной, и в ней, как в зеркале, отразились события, происходившие сначала в турецкой, а затем в подмандатной Палестине первых двух десятилетий XX века. Среди этих исторических событий, безусловно, главным является перманентный арабо-израильский конфликт, под влиянием которого сформировалась не только внешняя политика еврейского государства, но даже менталитет израильтян. В статье подчёркивается исключительно важная роль архитектуры в деятельности сионистского движения. Для вождей сионизма это было эффективное средство, с помощью которого на ранних этапах современной еврейской колонизации Палестины лидеры этого движения пытались сигнализировать своим арабским соседям готовность к мирному сосуществованию между двумя народами. Однако уже в начале третьего десятилетия XX века, после еврейских погромов в подмандатной Палестине, архитектурный стиль «эрец исраэль» стал изгоем в

Для цитирования:

Ружанский В. Г. Сионистская архитектура первых двух десятилетий XX века: от ориентализма к оксидентализму // *Urbis et Orbis. Микроистория и семиотика города*. 2021. № 1. С. 172–188.

DOI: <https://doi.org/10.34680/urbis-2021-1-172-188>

For citation:

Ruzhansky V. Zionist architecture of the first two decades of the 20th century: from Orientalism to Occidentalism. *Urbis et Orbis. Microhistory and Semiotics of the City*. 2021. 1. P. 172–188.

DOI: <https://doi.org/10.34680/urbis-2021-1-172-188>

еврейском анклав, а со временем и вовсе являлся диссонансом в ставших западнцентристскими городе и стране. Особое внимание в статье уделяется анализу такого важного фактора, повлиявшего на формирование сионистской архитектуры, как менталитет и принадлежность к той или иной социальной группе различных волн еврейской репатриации. Если представители первых двух волн еврейской репатриации (Первая и Вторая алия) были романтиками и интеллектуалами, то репатрианты третьей и четвёртой волны репатриации (Третья и Четвёртая алия) являлись прагматиками, принадлежавшими к среднему классу. И если первые выбрали ориентализм в качестве вектора для развития еврейского государства, то вторые сделали однозначный выбор в пользу окцидентализма. Стоит отметить, что если средством выражения для романтиков (в архитектуре) был «эрец исраэль», то прагматики строили свои дома уже исключительно в соответствии со своими нуждами и невзирая на стиль. Архитектура сегодняшнего Тель-Авива является результатом развития и борьбы этих двух тенденций, что и продемонстрировано в статье на конкретных примерах.

Ключевые слова: «эрец исраэль», Тель-Авив, сионизм, ориентализм, архитектура, семиотика.

ZIONIST ARCHITECTURE OF THE FIRST TWO DECADES OF THE 20TH CENTURY: FROM ORIENTALISM TO OCCIDENTALISM

Vladimir Ruzhansky

Russian-Armenian University, Armenia
vladimir.ruzhansky@rau.am

This article is devoted to the history of Zionist Orientalism in Tel Aviv architecture. For a long time, this topic was a kind of taboo in Zionist historiography due to political reasons caused by the Arab-Israeli conflict. For this reason, Zionist Orientalism is still one of the least studied topics in the history of modern Israel. Meanwhile, this trend, albeit for a short period of time, was dominant in Zionism at the beginning of the 20th century. The most famous representative of this trend was the philosopher and theologian Martin Buber. In architecture, Zionist Orientalism was embodied in a special style known as “Eretz Israel”. This style combined the Arab tradition, the Moorish or pseudo-Eastern direction in European architecture of the 19th century, and the ideas of Zionist architects about how the First Temple should have looked. It is important to emphasize that this architectural style was a kind of Zionist manifesto, proclaiming a break with anti-Semitic Europe and at the same time the readiness of Jews to integrate into the Arab East. However, the permanent Arab-Israeli conflict, which originated with the Jewish pogroms in Palestine in 1920, completely changed the outlook and sentiments of the Zionist pioneers. In addition, the romantics from the First and Second Aliyahs in the third decade of the 20th century were replaced by pragmatists – representatives of the middle class from Eastern Europe, for whom the utilitarian component of the city under construction was much more important than the ideological one. As a result, “Eretz Israel” gave way to a new style – the utilitarian, European “Bauhaus”. The article details the dramatic history of architectural changes that took place in the young city over the course of one decade – from 1909, when Tel Aviv was founded, to 1920, when the conflict between Jews and Arabs turned into a stage of bloody con-

frontation. The article also analyzes the factors that determined the fate of not only the architectural style "Eretz Israel", but also the further development of the first Hebrew city in Eretz Israel. To solve these problems, research methods such as comparative historical and historical psychological analysis are used. The central place in this article belongs to the history of the two main streets from which Tel Aviv began, namely, Rothschild Boulevard and Herzliya Gymnasium. The first set is the vector for the development of the city. As for the Herzliya gymnasium, which symbolized Zionist Orientalism, its history ended in the early sixties of the last century, when the building was completely destroyed. The destruction of the gymnasium building and the construction of a high-rise building in its place was also symbolic – Israel finally abandoned Orientalism and the Zionist romance inextricably linked with it and took a decisive course towards the West. The architecture of today's Tel Aviv is the result of the development and struggle of these two trends.

Keywords: "Eretz Israel", Tel Aviv, Zionism, Orientalism, architecture, semiotics.

Введение

Современный израильский город Тель-Авив-Яффо является зеркальным отражением как истории сионистского движения, так и израильско-палестинского конфликта, а в целом – всего исторического пути, пройденного современным еврейским государством. В архитектуре этого города отразилась и борьба различных течений в сионистской идеологии¹. Более того, по крайней мере в первые два десятилетия XX века архитектура являлась важнейшим идеологическим инструментом сионизма.

Задачи, которые решались сионистами посредством архитектуры, были по меньшей мере две: создание нового еврея, свободного от комплексов галута (еврейской диаспоры в России и Восточной Европе, живших до 1917 года в черте оседлости) и возрождение еврейской государственности². Первоначально обе эти задачи решались посредством строительства кибуцев и внедрения языка иврит, на котором должен был думать и говорить новый еврей – уроженец страны. Однако уже представители второй волны еврейской репатриации в Эрец Исраэль осознали, что обе эти задачи не могут быть решены в рамках сельскохозяйственных общин или даже отдельных городских кварталов³. И тогда возникла идея ивритского города. Автором этой идеи был создатель современного варианта языка иврит Элиезер Бен-Йехуда (Лейзер-Ицхок Перельман). В 1904 году, после смерти Т. Герцля, Э. Бен-Йехуда выступил с инициативой создания в предместьях Иерусалима города в память о Герцле, все жители которого будут говорить исключи-

¹ Уже само название этого города является переводом на иврит названия книги Теодора Герцля «Старая новая страна».

² Одной из главных составляющих сионистского мировоззрения было неприятие еврейской диаспоры – галутного еврея. Сионизм стремился не только возродить еврейское государство на исторической родине еврейского народа в Палестине, но и создать нового еврея. Новый еврей должен был стать полной противоположностью еврею черты оседлости – бесправному и беспомощному. Новый еврей представлялся сионистам свободным, уверенным в своих силах земледельцем и воином.

³ Первая волна репатриации проходила в 1882–1904 годах, вторая в 1904–1914 гг.

тельно на иврите [Azaryahu 2006, 35]. Иерусалим, однако, не подходил активным участникам сионистского движения, поскольку являлся центром так называемого старого «ишув» – так сионисты называли анклав («ишув» можно перевести с иврита на русский язык как анклав) ортодоксальных евреев, существовавшие в Эрец Исраэль до начала Первой Алии.

К тому же «старый ишув», в лице ортодоксальных раввинов рассматривал сионизм как ересь и по определению не мог являться союзником сионистов⁴. И поэтому сионистам нужен был свой административный и политический центр. Попытка представителей Первой Алии (первая волна еврейской репатриации в Палестину в 1882–1903 годах) создать собственный анклав в арабском городе Яффе – одном из важнейших торговых центров Восточного Средиземноморья в то время, провалилась. Еврейских репатриантов, особенно – беднейших из них, не устраивали в Яффе прежде всего высокая арендная плата и крайне ограниченное пространство, в котором существовал еврейский анклав внутри арабского города. И хотя репатриантам удалось создать в Яффе еврейский квартал, напоминал он больше средневековое гетто, в то время как одной из главных целей сионизма являлся как раз выход из черты оседлости и освоение просторов исторической родины. Следует отметить, однако, что ещё до основания первого ивритского города, в непосредственной близости от арабской Яффы уже были построены одиннадцать еврейских кварталов, наиболее известные из которых – Неве Шаанан и Керем ха-Тайманим.

Все они задумывались как города-спутники арабской Яффы, однако ни один из этих кварталов не стал городом. Причиной тому был прежде всего этнический принцип, по которому заселялись еврейские кварталы в Палестине. Так, Керем ха-Тайманим был заселён йеменскими евреями, а Оэль ха-Моше – преимущественно выходцами из Северной Африки. Не менее важной причиной, по которой эти еврейские кварталы не стали городами, являлось отсутствие у их основателей общенациональных, государственных или даже идеологических целей. Так, в принятом уставе основателей Неве Цедек в качестве причин для устройства нового квартала были названы скученность, в которой жили репатрианты-евреи в арабской Яффе и высокая арендная плата [Каханов 1974, 623–625]. Главная же причина, по которой еврейские кварталы за пределами Яффы не стали городами, заключалась в том, что все они строились по образу и подобию еврейских местечек.

Концепция ивритского города

Инициатором нового подхода и одновременно вдохновителем строительства общенационального центра в форме ивритского города стал Акива Арье Вайс – ювелир, часовой мастер, архитектор и пламенный сионист. Этот человек сочетал в себе качества идеолога и практика. В день своего прибытия в Эрец Исраэль – 2 Тамуза 5666 по еврейскому календарю (5 июля 1906 г.) он основал строительный

⁴ Наиболее известным представителем данного подхода среди ортодоксальных и ультраортодоксальных евреев является на сегодняшний день Нетурей Карта.

кооператив «Ахузат Байт», программной целью которого было строительство первого ивритского города на Земле обетованной [Гольдштейн 2020, 2]⁵. Выступая на учредительном собрании кооператива в клубе Йешурон в Яффе, где тогда собрались примерно сто двадцать евреев, Акива Арье Вайс чётко определил цель строительства ивритского города. По замыслу Акивы Арье Вайса новый город должен был стать тем местом, где евреи «смогли бы жить еврейской (ивритской) жизнью» [Гольдштейн 2020, 2].

Что касается первоочередной задачи и главных принципов, в соответствии с которыми должен был строиться Тель-Авив, то комитет «Ахузат Байт» сформулировал их в виде трёх основных принципов:

1. Полное отделение от Яффы
2. Никакой стихийности, обязательное предварительное планирование
3. Простор и масштабность, в отличие от скученности и малых размеров еврейских местечек и прежних еврейских поселений городского типа в Палестине (типа Неве Цедек и Неве Шалом) [Гольдштейн 2020, 2]⁶.

Таким образом, новый город должен был стать полной противоположностью как еврейскому местечку черты оседлости, так и всем прежним еврейским постройкам в Палестине. Что касается концепции первого ивритского города, то её фундаментом являлись три главных элемента: свобода, выраженная в городском пространстве, планирование, символизирующее государственность, и национальное самосознание, выражением которого должен был стать особый архитектурный стиль. Здесь следует отметить, что Тель-Авив планировался Акивой Арье Вайсом как «визитная карточка» всего сионистского проекта в Палестине. В одном

⁵ Название кооператива «Ахузат Байт» часто ошибочно принимают за первоначальное название Тель-Авива. У этого названия есть несколько переводов. На русский язык это название переводится как «домашняя усадьба» и даже, как родной дом. Однако первоначально смысл этого выражения был гораздо более прозаическим. «Ахузат» подразумевает сельскохозяйственную землю или поместье. В конкретной исторической ситуации это название означало собственный дом для евреев в арабской Палестине.

⁶ Первоначально на роль главного архитектора первого в Палестине ивритского города, комитет «Ахузат Байт» пригласил Вильгельма Стясны – уроженца Пресбурга, ставшего одним из ближайших сподвижников Теодора Герцля. В. Стясны был одним из самых известных архитекторов Вены, где являлся муниципальным советником. Непосредственно в архитектуре он предпочитал строить здания в мавританском стиле. В этом стиле В. Стясны строил прежде всего синагоги и еврейские общинные центры. Наиболее известные из построенных по проектам В. Стясны больница Ротшильдов и семейный мавзолей для этой семьи в Вене (аналогичным образом В. Стясны спроектировал больницу Ротшильдов в еврейском квартале Смирны), построенные в семидесятых годах XIX века. К Вильгельму Стясны и его коллеге Оскару Мармореку обратился комитет «Ахузат Байт» с просьбой создания проекта для строительства нового города [см.: Kalmar 2001, 68–100]. В. Стясны предлагал за образец Тель-Авива взять Дамаск. Однако в конце концов В. Стясны и его коллега О. Марморек так и не стали архитекторами строящегося города, а на должность проектировщика главного на тот момент здания – гимназии Герцля, был выбран другой архитектор – Й. Барский.

из агитационных листов 1906 года, распространявшемся среди евреев Яффы, Акива Арье Вайс писал следующее: «Подобно тому как Нью-Йорк символизирует главные ворота Америки, так и нам предстоит создать город, который станет со временем Нью-Йорком для Эрец Исраэль» [Гольдштейн 2020, 2].

Важно отметить также, что концепция этого сионистского проекта была сформулирована в его названии. Строящийся город получил имя Тель-Авив, что дословно переводится с иврита как «холм весны». Это название закрепилось за первым городом, который строился в соответствии с идеалами сионизма, не случайно. Впервые название Тель-Авив фигурирует в книге Иезекиила: «И пришёл я к изгнанникам в Тель-Авив, сидящим при реке Кевар, и сел там, где они обитали, и сидел там среди них семь дней в оцепенении» [Иез 3:15]. Но в рассматриваемый период у этого названия появилось ещё одно значение. Нахум Соколов – поэт, писатель, публицист и сионистский активист перевёл на иврит название книги Теодора Герцля «Старая новая страна» как «Тель-Авив». Таким образом, название первого в Эрец Исраэль городского сионистского проекта одновременно подчёркивало связь будущего города как с древней еврейской историей, так и с сионистской идеей.

Следует отметить, что Тель-Авив – единственный в мире город, названный в честь литературного произведения. Здесь следует отметить также, что традиция использовать библейские цитаты для названия сионистских проектов восходит по меньшей мере к истории первого сельскохозяйственного поселения в Палестине, основанного репатриантами-сионистами в 1878 году и названного Петах Тиква (Врата Надежды) на основе изречения, взятого из книги пророка Ошеа [Осии 2:17].

Итак, основание Тель-Авива не было чем-то спонтанным. Это был хорошо продуманный план по реализации первой общенациональной, государственной задачи.

Таким образом, к моменту основания кооператива «Ахузат Байт» у сионистов в Эрец Исраэль не только сформировалось осознание необходимости в строительстве ивритского города на исторической родине евреев, но и готовность реализовать эту цель. Непосредственно строительство города началось спустя три года после судьбоносного собрания в 1909 году в клубе Йешурон. Согласно первоначальному плану, неразрывную связь еврейского народа с Эрец Исраэль должна была символизировать гимназия Герцля (ил. 1), а простор и новизну – бульвар Ротшильда.

Центральное место в сионистской программе возрождения еврейской государственности и создания нового еврея принадлежало, как это уже отмечалось выше, возрождению языка иврит. В свою очередь, в реализации этой программы главная роль отводилась образованию и конкретно – гимназии, где всё обучение должно было проходить на иврите.

Ил. 1. Гимназия Герцлия. 1936 г. Источник: <https://inlnk.ru/0QQVM4>

Первое в новейшей истории среднеобразовательное учебное заведение на иврите было открыто супругами-репатриантами из Одессы Иегудой-Лейбом и Фаней Метман-Коэн в 1905 году в арабской Яффе в виде частной школы. Школа, изначально получившая название гимназии, в то время размещалась в квартире супругов и занимала две комнаты, в которых обучались семнадцать учеников. Предприятие оказалось успешным и уже через год после основания у этого учебного заведения был свой попечительский совет, а сама школа получила статус публичного образовательного учреждения. Особая роль отводилась зданию, где должна была разместиться гимназия. Оно должно было стать сакральным символом ивритского города, отражающим нерушимую связь между Землёй Израиля и еврейским народом.

Первый камень в строительство гимназии Герцлия был заложен спустя три месяца после распределения участков под строительство домов между членами комитета «Ахузат Байт», 10 Ава 5669 года (26 июля 1909 года). Подобно языческим святилищам эпохи ранней древности, гимназия Герцлия строилась основателями города на возвышенности. Причём таким образом, чтобы она не только отовсюду была видна жителям города, но также выделялась на фоне местности и с высоты [Кац 1985, 190].

Особое значение в строительстве гимназии Герцлия принадлежало архитектурному стилю. Таким стилем стал «эрец-исраэль», который с полным основанием можно было бы назвать сионистским. Во-первых, потому, что он был создан архитекторами-сионистами на Земле обетованной. Во-вторых, в данном стиле ар-

хитекторы-сионисты стремились выразить не только основные идеи и идеалы сионизма, но также своё отношение к местным арабам. Первые сионисты представляли себе Палестину как пустующую землю, которую следует заселить, но обнаружив, что на этой земле уже живут арабы, надеялись на мирное сосуществование двух народов. Это стремление и должен был, по задумке основателей Тель-Авива, отразить особый архитектурный стиль – «эрец-исраэль».

Данный стиль в архитектуре подмандатной Палестины органически связан с периодом Второй Алии (в соответствии с периодизацией еврейской истории нового и новейшего времени в израильской историографии). Представители этой волны еврейской репатриации верили в возможность интеграции еврейства в палестинские реалии и искренне к этому стремились. Эти вера и стремление проявлялись не только в архитектуре, но и в стиле одежды «как у арабов», в работе на земле «как арабы», в изучении арабского языка и местных обычаев. «Эрец-исраэль» – восточный стиль с еврейским акцентом, как раз и был призван подчеркнуть намерения сионистов мирно сосуществовать с арабами. Более того, между «антисемитской Европой» и арабским Востоком, сионисты первых двух волн еврейской репатриации в Палестину делали однозначный выбор в пользу Востока. И поэтому «эрец-исраэль» символизировал не только готовность к мирному сосуществованию с арабами, но и решительный разрыв сионистов с «антисемитской Европой» (первым сионистам арабы казались гораздо ближе европейцев, поскольку, как и евреи, они являются потомками библейского Авраама).

Здесь важно подчеркнуть, что архитектурный стиль «эрец-исраэль» не был чем-то спонтанным. В его основе были, во-первых, коллективная историческая память еврейского народа, а во-вторых, ориенталистское направление в сионистской идеологии.

Что касается исторической памяти, здесь следует выделить прежде всего господствовавший в еврейском коллективном сознании вплоть до образования государства Израиль стереотип, согласно которому, пик экономического процветания евреев и расцвет еврейской культуры пришёлся на период Раннего Средневековья, когда основная масса еврейства жила под властью арабского халифата. Этим стереотипом объясняется популярность мавританского – псевдовосточного стиля в архитектуре как у восточных, так и у европейских евреев.

Относительно ориенталистского направления в сионизме, то его наиболее известными представителями были философ и теолог Мартин Бубер, создавший философскую концепцию сионистского ориентализма или, как её ещё называют – семитское направление в сионизме. Сионистский ориентализм Бубера наиболее ярко проявился в одной из его университетских лекций, прочитанных в 1912 году и известной под названием «Дух Востока и иудаизм» [Buber 1967, 63–68].

В этой лекции М. Бубер утверждал, что «ни одно из великих религиозных учений не зародилось на Западе. Запад воспринял и духовно переработал то, что предлагал Восток, ассимилировав это со своими собственными формами мышления, восприятия, и изменив (религиозные учения Востока) в соответствии со своими стереотипами» [Buber 1967, 68].

Евреев М. Бубер считал восточным народом, утверждая, что «...еврей остался восточным. Он был изгнан со своей земли и рассредоточен по землям Запада; он был вынужден жить под небом, которого он не знал, и на земле, которую он не возделывал; он претерпел мученичество и, что хуже мученичества – упадок; на него повлияли обычаи народов, среди которых он жил, и он говорил на их языках. Тем не менее, несмотря на всё это, он оставался восточным (народом)» [Buber 1967, 63].

Однако решающее значение в превращении стиля «эрец-исраэль» в официальную концепцию сионистской архитектуры первых двух десятилетий XX века имел постулат о неразрывной исторической связи еврейского народа с Землёй Израиля. Именно этот концепт и определил название самого архитектурного стиля – «эрец-исраэль», что в переводе с иврита означает «Земля Израиля»⁷.

Стиль «эрец-исраэль» имеет свою короткую, но яркую историю. Первые сионистские архитекторы были уверены в том, что именно через данный стиль они смогут воссоздать или, по крайней мере, отобразить облик Первого храма. Это были европейские евреи, получившие архитектурное образование в университетах Европы и России, которые, будучи пламенными сионистами, отвергали западную цивилизацию и пытались воссоздать описываемую в Пятикнижии архитектуру Первого Храма на основе существующей арабской. Наиболее известными среди представителей «эрец-исраэль» стали Александр Бервальд [Бен Арци 2006, 14–21], по проекту которого было построено здание Техниона в Хайфе и Йосеф Барски, спроектировавший здание гимназии Герцлия [Kravtsov 2008, 36–37]. Адептом «эрец-исраэль» являлся и Акива Арье Вайс, дом которого на улице Герцля в Тель-Авиве также был построен в этом стиле, для которого характерны вычурность и помпезность, выраженные в обилии лепных украшений и, как следствие – большая визуальная нагрузка. Данный стиль характеризует также значительное количество восточных элементов – остроконечные арки, каменные купола, зубчатые башни и симметричные композиции.

В этом отношении особый интерес представляет здание гимназии Герцлия, спроектированное Йосефом Барским – уроженцем Одессы, и знаменитым скульптором, основателем иерусалимской школы искусств Бецалель Борисом Шацем. Й. Барский окончил художественное училище в родном городе и императорскую академию искусств в Санкт-Петербурге. Пламенный сионист, он сразу по окончании учёбы, в 1907 году, репатриировался в Эрец Исраэль. Именно он был приглашён комитетом «Ахузат Байт» для строительства здания первой ивритской гимназии в Эрец Исраэль, поскольку именно его проект – представителя сионистского ориентализма, казался первым строителям Тель-Авива наиболее точным воссозданием образа Первого иерусалимского храма. А благодаря участию в проекте Бориса Шаца – романтика, часто не отделявшего фантазии от реальности, фасад гимназии Герцлия изобилует восточной символикой, которая, по мнению автора, являлась точным выражением семиотики Первого храма.

⁷ В действительности данное архитектурное направление являлось производным от популярного в Европе в последней четверти XIX века мавританского стиля.

Но не прошло и десяти лет после торжественного открытия гимназии Герцлия, как творение Й. Барского и Б. Шаца подверглось семиотической ревизии. Критики увидели в многочисленных лепных украшениях на фасаде здания мусульманскую символику и всё, что, так или иначе, вызывало ассоциации с исламом было убрано с фасада гимназии. Семиотическая ревизия главного символа первого в Эрец Исраэль ивритского города не была случайностью, поскольку уже с началом Первой мировой войны начинается и кризис сионистского ориентализма, который сходит на нет в начале двадцатых годов прошлого столетия.

Кризис сионистского ориентализма был связан в первую очередь с разочарованием в младотурках, в которых лидеры еврейского ишува Палестины первоначально видели своих союзников в деле возрождения независимого еврейского государства. Так, например, создатель современного языка иврит Элиэзер Бен Йегуда увидел в революции младотурков промысел божий [Александрович 2013, 32]. И действительно, именно от властей Османской империи сионисты в Эрец Исраэль получили разрешение на строительство здесь первого ивритского города. Но «роман» сионистов с младотурками был недолгим. Уже с началом Первой мировой войны сионисты приняли активное участие в войне против Османской империи на стороне Британии. Помимо разведывательной сети «НИЛИ», сионисты, во главе с Владимиром-Зеевом Жаботинским и Йосефом Трумпельдором уже в декабре 1914 года сформировали еврейский легион из своих сторонников для участия в составе британской армии в войне против Османской империи.

Ответ турок не заставил себя ждать. В 1916 году военный комендант Яффы Хасан Бек начал строительство мечети на границе между Тель-Авивом и Яффою. Данным актом Хасан Бек обозначил линию противостояния между евреями и арабами в Палестине. Символично, что турецкое присутствие в Палестине закончилось спустя год, Тель-Авив и Яффо соединились в единый город, но этот символ конфронтации между евреями и мусульманами сохранился до сих пор в виде действующей мечети. Однако это отдельная история и её рассмотрение не входит в задачи данной статьи.

Что касается рассматриваемого периода времени, то здесь важно отметить следующее. В конце марта 1917 года, когда британская армия подошла к Газе, турецкая администрация депортировала всех евреев из Тель-Авива. Произошло это в праздник Песах. Евреи смогли вернуться в Тель-Авив только вместе с британской армией. Декларация лорда Бальфура ещё больше укрепила пробританскую позицию сионистов, в то же время создав у палестинских арабов стойкое неприятие своих еврейских сограждан. В такой ситуации вспышка насилия являлась лишь вопросом времени. Еврейские погромы в Палестине, организованные лидерами палестинских арабов шейхом Амином аль-Хусейни и Арифом аль-Арифом, начались в апреле 1920 года.

С этого момента обе стороны палестинского конфликта – евреи и арабы, неотвратимо приближались к гражданской войне, которая поразила подмандатную Палестину дважды – в 1936–1939 годах, во время Великого арабского восстания и в 1947–1948 годах.

История этого перманентного конфликта определила судьбу сионистского ориентализма – в середине двадцатых годов прошлого века он совершенно сошёл на нет и ему на смену в архитектуре пришёл европейский стиль баухаус. Что касается истории сионистского ориентализма в архитектуре, то здесь важно отметить следующее. Еврейско-арабское противостояние, продолжающееся уже более ста лет, было не единственной причиной отказа от стиля «эрец исраэль». Другой, не менее важной причиной такого поворота являлось изменение характера репатриации. Если представители двух первых волн репатриации были романтиками, то репатрианты третьей и особенно четвёртой Алии были в основном представлены мелкой и средней буржуазией.

И если представители первой и второй волн репатриации селились в основном в сельской местности и, соответственно, их основным занятием было сельское хозяйство, то репатрианты из третьей и четвёртой волн селились главным образом в городах, прежде всего – в Тель-Авиве.

Следует особо подчеркнуть, что репатрианты третьей и четвёртой волн радикально изменили облик Тель-Авива. Они заботились не столько об идеологии и семиотике города, сколько о заработке для себя. В двадцатые годы прошлого столетия исторический центр Тель-Авива покрылся киосками, ремесленными мастерскими и небольшими фабриками так стремительно, что репатриантов третьей и четвёртой волн стали называть «буржуазной алией» или «алией киосков».

Наибольшие изменения претерпела улица Герцля, задуманная комитетом «Ахузат Байт» как символ идеалов сионизма. Её новые обитатели – евреи Восточной Европы, коммерсанты, ремесленники и предприниматели, репатриировавшиеся в Эрец Исраэль в двадцатых годах прошлого века, строили здесь свои дома с таким расчётом, чтобы строительство обходилось максимально дёшево и давало в дальнейшем максимальную прибыль. Да и сами жители улицы Герцля были озабочены при строительстве своих домов не столько идеологией, сколько вполне конкретными проблемами материального характера, а именно: расходами на строительство и возможностью в дальнейшем использовать эти дома для своих повседневных нужд – ремёсла и торговли.

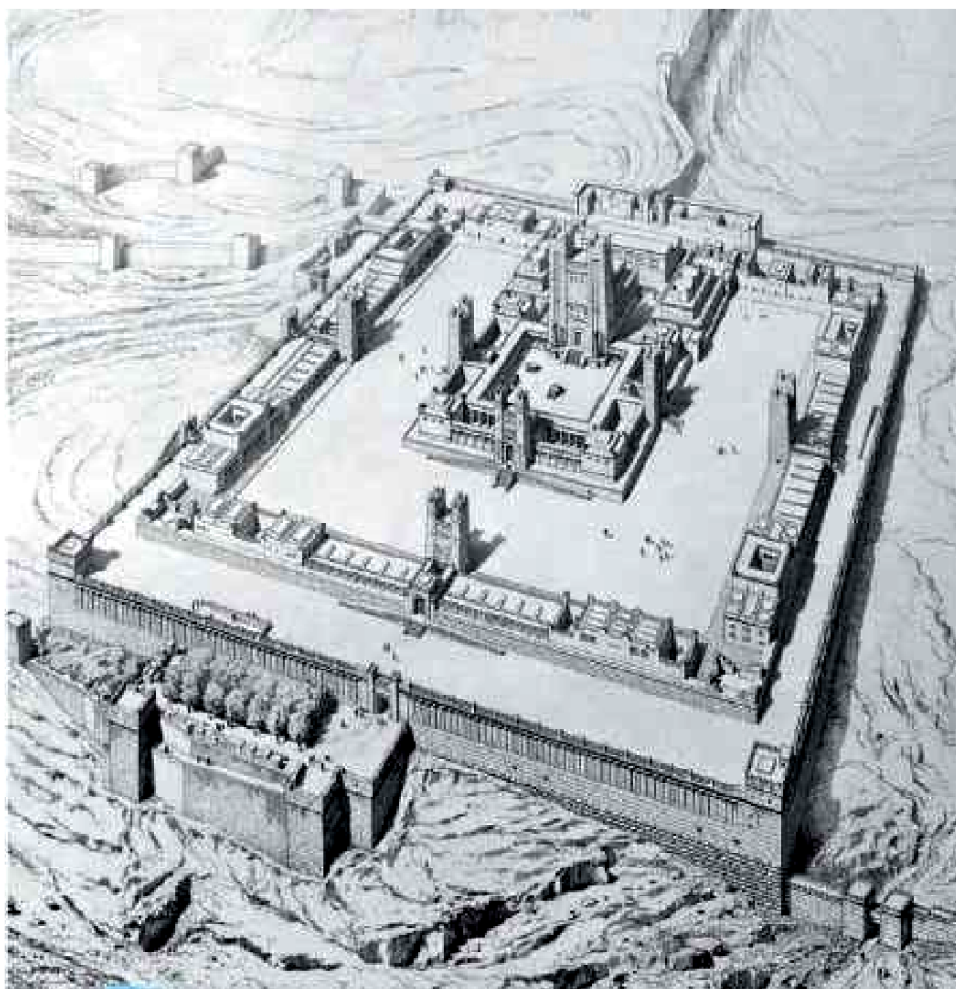
Так первая улица Тель-Авива стремительно, ещё в конце двадцатых годов XX столетия превратилась в торгово-промышленный центр города. В основном это были мелкие текстильные предприятия, при которых открывалась лавка, где продавалась готовая продукция. В таком виде улица Герцля дожила до XXI века и остаётся таковой сегодня. Правда, на смену лавкам пришли магазины и крупные торговые центры.

Интересна и судьба здания гимназии Герцля. В новых условиях, уже в начале тридцатых годов прошлого века, этот символ сионизма оказался под огнём критики. В конце 1933 года один из самых влиятельных журналистов того времени – Ури Кейсари, писал о здании гимназии как о «кости в горле», которая не даёт развиваться молодому городу [Александрович 2013, 27].

Очень символичным является тот факт, что то самое здание, которому основатели Тель-Авива отводили роль символа сионизма, сакрального центра первого ивритского города, поколением тридцатых годов рассматривался как досадная

помеха в освоении пространства для градостроительства. И действительно, здание расположилось таким образом, что препятствовало движению по историческому центру. На семиотическом уровне такая ситуация символизировала конфликт между стремительно развивающимся капиталистическим строительством и романтизмом первопроходцев.

Гражданская война в Палестине 1947–1948 годов и последовавшая за ней Первая арабо-израильская, а впоследствии – Холодная война, оказали серьёзное влияние не только на менталитет израильтян, но и на израильскую архитектуру. В пятидесятых годах XX столетия антагонизм между евреями и арабами в бывшей подмандатной Палестине был на пике. Под влиянием противостояния с арабским миром власти Израиля стремились, с одной стороны, всячески утвердить право еврейского народа на Землю Обетованную, а с другой – стереть следы пребывания здесь арабов. Одной из главных жертв этих усилий в Тель-Авиве стало здание гимназии Герцлия (ил. 2).

Ил. 2. Храм Иерусалима после Иезекииля. 1887. Источник: Kravtsov 2008, 26

В 1955 году один из основоположников системы образования в Эрец Исраэль Хаим Богер (Буграшов) в своём интервью утверждал, что здание гимназии является точной копией мечети имама Резы в иранском Мешхеде [Александрович 2013, 32]. Это утверждение стало, по сути, приговором для обветшавшего символа сио-

нистского ориентализма. К тому времени здание гимназии уже пришло в полный упадок и в 1959 году было разрушено. Спустя год на его месте начались работы по строительству «Мигдаль Шалом Меир» – самого высокого в то время здания на Ближнем Востоке (строительство было закончено в 1965 году). Новое строительство учитывало требования движения в историческом центре Тель-Авива, а само здание символизировало самые смелые мечты Израиля тех лет – стать региональной сверхдержавой, заручившись поддержкой США. К тому времени сместились и границы самой улицы Герцль, на которой находилась гимназия Герцля – сейчас это улица Ахад ха-Ам. Сегодня о времени сионистского ориентализма в Тель-Авиве напоминают всего несколько построек, одна из которых – дом Акивы Аре Вайса в самом центре исторической части города (ил. 3).

Ил. 3. Бульвар Ротшильда. Источник: Alon-Mozes 2011, 287

Бульвар Ротшильда занимает особое место в истории первого ивритского города. Изначально это место, являющееся сегодня одним из самых известных и элитных в Израиле, было непригодно для какого-либо строительства и представляло собой небольшой песчаный вади (подобие оврага), заполнявшийся водой в сезон дождей. Однако предприимчивые строители из «Ахузат Байт» во главе с Акивой Арье Вайсом нашли как использовать этот, на первый взгляд, непригодный для строительства участок земли.

Проектировщики очень быстро сообразили, что если построить по обе стороны вади дома, то посередине останется очень значительное свободное пространство, идеально подходящее под городскую зону отдыха. Заполнив разделяющий ряды

домов вади песком, строители города тем самым заложили фундамент первого городского бульвара в Тель-Авиве. Однако здесь следует отметить, что необычная форма и масштабы строящейся улицы уже изначально предопределили не только утилитарный характер, но и глубокий семиотический смысл, заложенный в первый городской бульвар Тель-Авива – он должен был символизировать главные идейные принципы сионизма: полный разрыв с чертой оседлости, свободу еврейского народа, независимое еврейское государство. Кроме того, именно Бульвар Ротшильда определил вектор развития Тель-Авива.

Ограниченный на юге арабской Яффой, морем на Западе и еврейским кварталом Неве Цедек на востоке, бульвар Ротшильда устремился в своём развитии на север, где никаких препятствий для расширения Тель-Авива не существовало. Бульвар Ротшильда стал второй улицей города после Герцль, олицетворявшей духовную связь еврейского народа с Эрец Исраэль.

Происхождение названия – бульвар Ротшильда, можно объяснить тем, что, во-первых, идеалом городской рекреационной зоны для сионистских строителей Тель-Авива служили парижские бульвары, прежде всего – Елисейские поля. Во-вторых, строители города наверняка рассчитывали на финансовую помощь легендарного барона.

В истории бульвара Ротшильда интерес представляет не только его генезис, но и расположение: он расположен перпендикулярно по отношению к главным улицам исторического центра Тель-Авива: Герцль, Иегуда Халеви, Алленби (бывшая Дерех ха-Ям (дорога к морю) и Лилиенблюм. Такое расположение создало глубокий семиотический смысл, заключённый в ядре первого ивритского города, поскольку главные улицы, символизирующие историю, ведут к бульвару, олицетворяющему не только альтернативу черте оседлости, но и многообещающее будущее, за счёт ничем не ограниченного пространства для развития в северном направлении.

Таким образом, все вместе – центральная Герцль и прилегающие к ней улицы, с одной стороны, бульвар Ротшильда – с другой, создали семиотический ансамбль в сионистской архитектуре, где были объединены идеологические и духовные парадигмы сионизма, история сионистского движения и главная цель первопроходцев: свободное, ничем не ограниченное развитие еврейской нации и государства.

Интерес представляет и ансамбль имён в названиях улиц исторического центра Тель-Авива: Теодор Герцль, Эхад Хаам, Мойше Лейб Лилиенблюм, рав Иегуда Халеви – все они являются представителями главных идейных концепций, на которых строилась сионистская идеология. Эти улицы, как было отмечено выше, упираются в бульвар Ротшильда, – клан еврейских финансовых магнатов, олицетворявший в глазах евреев волю, могущество и огромный потенциал еврейства, благодаря которым идеи сионистов воплощаются в реальность.

В течение следующих двенадцати лет – с 1910 по 1922 г., бульвар Ротшильда был единственной рекреационной зоной в молодом ивритском городе. Наиболее бурно, уже в качестве не только рекреационной зоны, но и самой элитной части города (именно здесь в 1948 году была подписана Декларация Независимости Израиля), бульвар Ротшильда развивался в тридцатые годы XX столетия. Но это была

уже другая эпоха и совершенно иной архитектурный стиль, описание которых не входит в задачи данной статьи.

Следует отметить, что с течением времени бульвар Ротшильда не только не утратил своего семиотического значения, но, напротив, это значение только возросло. Произошло это не только потому, что все главные улицы исторического центра Тель-Авива: Герцль, Нахалат Биньямин, Алленби, Мазэ, Бальфур, Шенкин, Хасмонеев и Бульвар Бен Цион ведут именно сюда. Сегодня в своей северной части бульвар Ротшильда граничит с национальным театром Габима и площадью с одноимённым названием, что также очень символично.

Заключение

Таким образом, история двух первых улиц Тель-Авива является зеркальным отражением не только идеологии сионизма и истории государства Израиль. Старый центр первого ивритского города сформировался под влиянием различных факторов – от глобальных геополитических конфликтов до самых насущных, повседневных потребностей жителей «города без перерыва».

Особенности характера различных волн Алии также оказали серьёзное влияние на формирование исторического центра Тель-Авива. Если первопроходцы из Первой и Второй Алии были романтиками, то представители следующих волн еврейской репатриации были гораздо более меркантильны. Это качество отразилось прежде всего на облике первой улицы Тель-Авива – Герцль, превратившейся в течение одного десятилетия из главного символа сионизма в торгово-промышленный центр города. В связи с этим небезынтересно отметить следующее – даже в наши дни эта улица представляет особый интерес для изучения микроистории, поскольку именно здесь лучше всего сохранился дух и колорит двадцатых и тридцатых годов прошлого века, когда каждый дом представлял собой одновременно маленькое производство и магазин готовой продукции. В таком виде эта улица сохранилась буквально до наших дней, что позволяет говорить о сохранении определённых традиций.

Что касается сионистского ориентализма, то сегодня с полной уверенностью можно говорить, что это был очень короткий период в истории Израиля. На смену ориентализму пришёл оксидентализм, которому израильские элиты привержены до сих пор. Эта тенденция отразилась и в архитектуре Израиля, прежде всего в строительстве целых городов по европейским и американским стандартам.

На фоне новых микрорайонов Тель-Авива и его торговых кластеров исторический центр города сегодня напоминает музей, в котором представлен и сионистский ориентализм.

БИБЛИОГРАФИЯ

Александрович 2013 – Александрович О. Желание разрушения: жизнь и смерть здания гимназии Герцля // Дни Гимназии: ивритская гимназия Герцля, 1905–1959 / Под ред. Гай Раз. Тель-Авив, 2013. С. 26–47. На иврите.

- Бен Арци 2006 – Бен Арци Й. Учебный тур Александра Бервальда в Палестину // Зманим. Исторический ежеквартальник. Тель Авив. 2006. № 96. С. 14–21. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.jstor.org/stable/23443655?refreqid=excelsior%3Ae47ee9a1e1c3ae4f107dcd3837d6aae6> (дата обращения 06.09.2021). На иврите.
- Гольдштейн 2020 – Гольдштейн Д. Тель-Авив, хабиби, Тель-Авив // Маком бэолам. Хайфа, 2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://herzl.haifa.ac.il/images/Item_31267259_20200805085713.pdf (дата обращения: 14.09.2021). На иврите.
- Кац 1985 – Кац Й. Кооператив «Ахузат Байт» – закладывание основ для строительства Тель-Авива // Кафедра. 1985. №. 35. С. 161–191. На иврите.
- Каханов 1974 – Каханов Ф. Культура Ишува и создание квартала Неве Цедек // Воспоминания об Эрец Исраэль / Под. ред. Авраама Яари. В двух томах. Т. 1. Рамат Ган, 1974. На иврите.
- Alon-Mozes 2011 – Alon-Mozes T. Rural ethos and urban development: the emergence of the first Hebrew town in modern Palestine. *Planning Perspectives*. 2011. Vol. 26. 2. P. 283–300.
- Azaryahu 2006 – Azaryahu M. *Tel-Aviv Mythography of a City*. New York. 2006.
- Buber 1967 – Buber M. *On Judaism: An Introduction to the Essence of Judaism by One of the Most Important Religious Thinkers of the Twentieth Century*. Ed. by Nahum N. Glatzer. New York, 1967.
- Kalmar 2001 – Kalmar I. Moorish Style: Orientalism, the Jews, and Synagogue Architecture. *Jewish Social Studies. History, Culture, and Society*. 2001. 7 (3). P. 68–100.
- Kravtsov 2008 – Kravtsov S. R. Reconstruction of the Temple by Charles Chipiez and Its Applications in Architecture. *Ars Judaica*. 2008. Vol. 4. P. 36–37.

REFERENCES

- Aleksandrowicz 2013 – Aleksandrowicz O. A Wish for Destruction: The Life and Death of the Herzliya Gymnasium Building. *Gymnasium days: the Herzliya Hebrew gymnasium, 1905–1959*. Ed. by G. Raz. Tel Aviv, 2013. P. 26–47. In Hebrew.
- Alon-Mozes 2011 – Alon-Mozes T. Rural ethos and urban development: the emergence of the first Hebrew town in modern Palestine. *Planning Perspectives*. 2011. Vol. 26. 2. P. 283–300.
- Azaryahu 2006 – Azaryahu M. *Tel-Aviv Mythography of a City*. New York. 2006.
- Ben Artzi 2006 – Ben Artzi Y. Alexander Baerwald's Study Tour in Palestine. *Zmanim: A Historical Quarterly*. 2006. 96. P. 14–21. URL: <https://www.jstor.org/stable/23443655?refreqid=excelsior%3Ae47ee9a1e1c3ae4f107dcd3837d6aae6>. In Hebrew.
- Buber 1967 – Buber M. *On Judaism: An Introduction to the Essence of Judaism by One of the Most Important Religious Thinkers of the Twentieth Century*. Ed. by Nahum N. Glatzer. New York, 1967.
- Goldstein 2020 – Goldstein D. Tel Aviv, habibi, Tel Aviv. *Makom beolam*. Haifa, 2020. URL: https://herzl.haifa.ac.il/images/Item_31267259_20200805085713.pdf. In Hebrew.

Kahanov 1974 – Kahanov F. Yishuv culture in Jaffa and the creation of the Neve Tzedek quarter. *Memories of the Eretz Israel*. Ed. by A. Yaari. Vol. 1. Ramat-Gan, 1974. P. 623–625. In Hebrew.

Kalmar 2001 – Kalmar I. Moorish Style: Orientalism, the Jews, and Synagogue Architecture. *Jewish Social Studies. History, Culture, and Society*. 2001. 7 (3). P. 68–100.

Katz 1985 – Katz I. Ahuzat Beit Company 1906–1909 – laying the foundations for the establishment of Tel Aviv. *Cathedra*. 1985. 35. P. 161–191. In Hebrew.

Kravtsov 2008 – Kravtsov S. R. Reconstruction of the Temple by Charles Chipiez and Its Applications in Architecture. *Ars Judaica*. 2008. Vol. 4. P. 36–37.

Материал поступил в редакцию 16.10.2021
принят к публикации 11.11.2021

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Сергей Алевтинович Смирнов

Институт философии и права

Сибирского отделения Российской академии наук.

Ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия.

Доктор философских наук, ведущий научный сотрудник,
главный редактор гуманитарного альманаха «Человек. Ru».

E-mail: smirnoff1955@yandex.ru

Ерванд Грантович Маргарян

Российско-Армянский университет.

Ул. Овсепя Эмина, 123, 0051, Армения.

Доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой всемирной истории и
зарубежного регионоведения.

E-mail: ervand.margaryan@rau.am

Ольга Артуровна Гриневиц

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы.

Ул. Ожешко, 22, Гродно, 230023, Беларусь.

Кандидат филологических наук,
преподаватель кафедры русской филологии.

E-mail: olga.grinevich.1994@mail.ru

Елена Валентиновна Головнёва

Уральский федеральный университет им. первого Президента России
Б. Н. Ельцина.

Ул. Мира, 19, Екатеринбург, 620002, Россия.

Доктор философских наук,
профессор кафедры культурологии и дизайна.

E-mail: golovneva.elena@gmail.com

Наталья Ивановна Мартишина

Сибирский государственный университет путей сообщения.

Ул. Дуси Ковальчук, 191, Новосибирск, 630049, Россия.

Доктор философских наук, профессор,
зав. кафедрой «Философия и культурология».

E-mail: nmartishina@yandex.ru

Элина Аркадьевна Усовская

Белорусский государственный университет.

Ул. Курчатова, 5, Минск, 220000, Беларусь.

Кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии,
заместитель декана по учебной работе и международной деятельности.

E-mail: elina-rain@mail.ru; kulturologbsu@gmail.com

Тигран Сержикович Симян

Ереванский государственный университет.

Ул. Алека Манукяна, 1, Ереван, 0025, Армения.

Доктор филологических наук,
профессор кафедры зарубежной литературы.

E-mail: tsimyan@ysu.am

Дина Наилевна Ахметзянова

Национальный исследовательский университет ИТМО.

Кронверкский проспект, 49 А, Санкт-Петербург, 197101, Россия.

Магистрант Института дизайна и урбанистики.

E-mail: dn.akhmetzyanova@gmail.com

Гаяне Саркисовна Маргарян

Российско-Армянский университет.

Ул. Овсепа Эмина, 123, 0051, Армения.

Кандидат искусствоведения,
профессор кафедры русской и мировой литературы.

E-mail: gayane.margaryan@rau.am

Владимир Георгиевич Ружанский

Российско-Армянский университет.

Ул. Овсепа Эмина, 123, 0051, Армения.

Преподаватель кафедры всемирной истории и
зарубежного регионоведения.

E-mail: vladimir.ruzhansky@rau.am

AUTHORS

Sergey A. Smirnov

Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch
of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia

E-mail: smirnoff1955@yandex.ru

Yervand H. Margaryan

Russian-Armenian University, Yerevan, Armenia

E-mail: ervand.margaryan@rau.am

Olga A. Grinevich

Yanka Kupala State University of Grodno, Belarus

E-mail: olga.grinevich.1994@mail.ru

Elena V. Golovneva

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russia

E-mail: golovneva.elena@gmail.com

Natalia I. Martishina

Siberian Transport University, Novosibirsk, Russia

E-mail: nmartishina@yandex.ru

Elina A. Usovskaya

Belarusian State University, Minsk, Belarus

E-mail: elina-rain@mail.ru; kulturologbsu@gmail.com

Tigran S. Simyan

Yerevan State University, Armenia

E-mail: tsimyan@ysu.am

Dina N. Akhmetzyanova

ITMO University, St. Petersburg, Russia

E-mail: dn.akhmetzyanova@gmail.com

Gayane S. Margaryan

Russian-Armenian University, Yerevan, Armenia

E-mail: gayane.margaryan@rau.am

Vladimir G. Ruzhansky

Russian-Armenian University, Yerevan, Armenia

E-mail: vladimir.ruzhansky@rau.am